

Рустан Рахманалиев

**Империя тюрков.
Великая цивилизация**

«РИПОЛ Классик»

2009

Рахманалиев Р.

Империя тюрков. Великая цивилизация / Р. Рахманалиев —
«РИПОЛ Классик», 2009

Автор издания – академик, профессор, доктор исторических наук, доктор философских наук, кавалер Почетного знака РАЕН «Рыцарь науки и искусств» (2007, Россия) Р. Рахманалиев в своем фундаментальном труде исследует многовековую историю тюркских народов. Данная книга – выдающееся научное достижение, которое на много лет вперед определит будущий облик этой области знаний.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Скифская экспансия	12
Вытеснение скифов сарматами	17
Создание государства Хунну	20
Изгнание хуннами юэчжей из Западного Ганьсу и его последствия в евразийском мире	27
Хунны – главный противник империи Хань	31
Древние тюрки I–V вв	37
Упадок Хуннской державы	39
Завоевание оазисов Тарима	43
Цивилизация оазисов Тарима	50
Великие походы в IV в.	52
Династия Вэй – «тюркский Китай». Военные кампании против жужаней	55
Держава эфталитов	60
Религии Великой степи	64
Глава 2	68
Гунны – возвращенная молодость хуннов	68
Аттила – «Маленький отец народов» или «Бич Божий»?	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Рустан Рахманалиев

Империя тюрков. Великая цивилизация

«В наши дни не остается никакого сомнения в том, что всемирную историю время от времени придется переписывать. Подобная необходимость проистекает не вследствие того, что со временем выявляются все новые и новые события, а оттого, что появляются новые взгляды, побуждающие передового человека нового времени занять такую точку зрения, с которой он мог бы совершенно по-новому видеть и оценивать прошлое».

Гёте

Предисловие

Правящих рас, народов с имперским мышлением, не так много. В их числе, рядом с персами, греками и римлянами, можно назвать тюрков.

В чем же суть имперского мышления тюрков? Они, как правило, властители земли по природе или по характеру. Их империи, непохожие друг на друга, демонстрировали за три тысячи лет общие основные черты. Тюрки стремились к тому, чтобы заставить самые разные народы жить вместе в гармонии, оставляя им, правда, под своей централизованной до предела и деспотической властью их идентичность, язык, культуру, религию, а часто и правителей. Взойдя на вершины власти благодаря праву завоевателя, они не гнушались обращаться за помощью к вассалам, когда те были более цивилизованными, чем они сами, и часто доверяли им важные дела; они также не стеснялись заимствовать у них то, что могло быть полезным: иногда технику, иногда образ жизни, иногда религию или язык. Их главная забота заключалась в том, чтобы организовать покоренные народы и племена, управлять ими, вести их на битву, писать хроники. Это объясняет, почему так часто они заканчивали тем, что ассимилировали в покоренных массах.

Представителям нашей цивилизации довольно сложно представить, чем были и чем остаются тюркские архивные хроники, поражавшие своим качеством и количеством. Они встречаются повсюду, во всех крупных городах, когда-либо захваченных тюрками, потому что те фиксировали все события и хранили их на бумаге.

Тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны с глубокой древности, однако термина «тюрк» тогда не существовало. Народ, именовавший себя «тюрки», сложился в начале VI в. Тюрки VI в. – это сложносоставной народ, образовавшийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из ордосских степей воинственные традиции своих предков, и тюркоязычного населения Большого Алтая. В середине VI в. оба эти элемента слились в единое целое, создав огромную державу от Желтого до Черного моря, успешно воевавшую с Китаем, Ираном, Византией и распространившую имя «тюрк» на пол-Азии.

История знает тюрков под разными именами: хунны, гунны, уйгуры, гулямы, сельджуки, мамлюки, кыпчаки, шейбаниды, – и этот список далеко не полный. Европейцы воспринимали название «тюрк» как общее определение всех кочевых племен Центральной Азии. Арабы называли тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его стали для кочевников-степняков образцом доблести и героизма. В дальнейшем термин «тюрк» трансформировался и стал названием языковой группы. Так сделались тюрками народы, в VI–VII вв. не входившие в Великий Тюркский каганат, – туркмены, азербайджанцы, курыканы (предки якутов) и многие другие. В конце дохристиан-

ской эры к тюркам начинают причислять кыргызов – светловолосых людей высокого роста, голубоглазых, которые, скорее, относились к палеоазиатам или тюркизированным индоевропейцам. С тех пор эта тенденция распространяется все шире, поскольку тюрки привержены экзогамии и женятся на женщинах не тюркского происхождения. Они смешиваются со всеми этническими группами, встречающимися на пути, а их язык обладает удивительной способностью притяжения, так что сегодня уже невозможно считать физический (брахицефальный) признак характерным. По сути, не существует абсолютно чистых рас.

Если пойти еще дальше, можно сказать, что тюрки представляют собой смешанную расу – они вообще лишены расовых признаков, т. е. нет тюркской расы как таковой. По всему миру (за исключением, может быть, изолированных горных уголков Центральной Азии) в жилах тюрков течет намного больше чужой крови – монгольской, китайской, иранской, греческой, кавказской, русской, африканской, – чем исконно тюркской крови, той самой, что делала скулы выступающими, а глаза раскосыми.

Кто сказал, что основной движущей силой мировой истории в продолжение тысячелетий, почти до порога новой эпохи, было соперничество между кочевыми и оседлыми народами? Как раз об этом упоминается в Библии, где противопоставляются двое сыновей Авраама – Каин и Авель. Но для тюрков это соперничество – ключ, открывающий двери в мир их языка и славных авантур, если принять за факт, что кочевники всегда одерживали верх над оседлыми народами и что именно они стояли у истоков мира.

Тюрки – это народ с трехтысячелетней историей, которая совершалась от Тихого океана до Средиземного моря, от Пекина до Вены, Туниса, Алжира. Однако колоссальная территория между Западной Европой и Китаем, страна с оригинальной природой, разно образным населением и неповторимой культурой – Евразия, – долгое время была незамеченной, вследствие чего считалась несуществующей. Тем не менее она существовала. Великая степь – сердце Евразии, и простиралась она от Китайской стены до Карпат, окаймленная с севера полосой сибирской тайги, а с юга – пустынями Иранского плоскогорья и оазисами Персии. Великую степь в древности греки называли Скифией, персы – тураном, а китайцы – степью «северных варваров». Таким образом, Китай, Ближний Восток, Византия и Европа являлись как бы рамкой, обрамляющей картину – тюрко-монгольскую степь.

История Великой степи – это история тюрко-монгольских орд, оспаривавших лучшие пастбища и перемещавшихся вместе со своими стадами, иногда в течение столетий, по огромным пространствам, которые природа приспособила для их физической конституции и образа жизни.

В протоисторическую эпоху движение кочевников было преимущественно с запада на восток. Когда кочевники иранской расы, т. е. индоевропейцы, которых греческие историки называли «скифы» и «сарматы» (в иранских текстах – «саки»), углубились очень далеко на северо-восток, к Алтаю и Саянам, другие индоевропейцы заселяли оазисы Тарима от Кашгара до Куча, Карашара и Турфана. Однако начиная с христианской эры течение повернулось с востока на запад. Теперь индоевропейские диалекты уже не доминировали в оазисах будущего Туркестана, и что касается «внутренних перемен», то это была смена гегемонии кочевых кланов тюрков и монголов, жаждавших власти над другими ордами: тюрки-хунны – X в. до н. э., монголы-сеньпей – III в. н. э., монголы-жужани – V в., тюрки-тукю – VI в., тюрки-уйгуры – VIII в., тюрки-кыргызы – IX в., монголыкидани – X в., тюрки-кераиты, или найманы, – XII в., тюрко-монголы – XIII в. и, наконец, тюрки-темуриды – XIV–XV вв.

На западе происходило то же самое, что и на востоке. В Европе, в русских степях, продолжавших азиатскую степь, сменяли друг друга гунны Аттилы, болгары, авары, венгры (последние были из угро-финской группы, но входили в число гуннской аристократии), хазары, печенеги, команы, чингисиды. То же можно сказать об исламских землях, где процесс исламизации и иранизации среди тюрков-завоевателей Ирана и Анатолии – точная копия китаизации заво-

евателей Небесной Империи – тюрков, монголов, тунгусов. Хан здесь становился султаном или падишахом, так же как там – Сыном Неба.

Ираном поочередно правили и истребляли друг друга тюрки-газневиды, тюрки-сельджуки, тюрки из Хорезма, тюрко-монголы, тюрки-темуриды, тюрки-шейбаниды, не говоря уже о тюрках-османах, которые стрелой промчались по мусульманским землям и разгромили в Малой Азии ослабших сельджуков, а затем – неслыханное дело! – ринулись покорять Византию. И этот процесс стал одним из географических законов в мировой истории. Но есть и другой, противоположный, закон – постепенного поглощения кочевых завоевателей старыми цивилизованными странами; это явление имеет две стороны: прежде всего, демографическую – варвары-всадники, превратившись в правящий класс, ассимилируют в общей массе, в человеческом муравейнике; затем культурную – покоренная китайская или иранская цивилизация обольщает, усыпляет, покоряет своего завоевателя и в конце концов так или иначе уничтожает его. Чингисхан не без оснований остерегался удобств цивилизованной жизни: когда его потомки обосновались во дворцах Пекина и Тауриса – тут же началось их вырождение.

Тюрки связали свою судьбу с судьбой всех народов Древнего мира. Хотя история человечества изучена крайне неравномерно и особенно много пробелов в истории евразийской степи, тем не менее можно с уверенностью отметить тот факт, что именно история тюрков изобилует событиями исключительной насыщенности, которые коренным образом меняли картину мира: Аттила и гунны, империя Табгача в Северном Китае, сооружение Самарры, аббасиды, мирное сосуществование всех крупных религий в уйгурской Центральной Азии, сельджуки Ирана, Чингисхан и тюрко-монгольская гегемония, мамлюки Египта, Золотая Орда, поработившая на два столетия Русь, Амир Темур, темуридский Ренессанс в Самарканде и Герате, Бабур и создание империи Великих Моголов, Османская империя – ведущая мировая держава XVI в., Ататюрк и национальная революция в Турции.

Поражают сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрков: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран. Здесь, очевидно, следует вспомнить теорию Л. Гумилева о пассионарности этногенеза, где пассионарность – способность и стремление к изменению окружения, а этногенез – природный процесс, проходящий в течение свыше тысячи лет, оставляющий после себя следы не меньшие, нежели наводнение или выброс лавы из вулкана.

Без сомнения, без войны нет тюркского феномена. Это вовсе не означает, что другие народы обходились без войн. Но есть такие народы, которые утвердились, несмотря на войну, другие служили богу войны, третьи покрыли себя славой и извлекли из нее выгоду, но их судьба непосредственно не зависела от войны. Трудно представить, кем бы стали тюрки в условиях всеобщего мира. И дело не в том, что у них не было иных доблестей, кроме воинских, – их родина не могла быть колыбелью крупной цивилизации, хорошо то, что она могла прокормить их, когда их было не так много, когда они не дрались за пропитание и не допускали в свои земли посторонних.

Любой демографический взрыв заставлял их убивать друг друга. Разделенные на племена, тюрки могли выжить только посредством войн. Объединенные в федерации, которые академик Р. Груссе удачно назвал «степными империями», они могли существовать, только навязывая волю сильного слабому. В этом случае они обладали такой ударной силой, которая требовала неперемennого применения. Они и применяли ее против богатых царств оседлых народов. Захватив троны трех континентов – в Пекине, Дели, Исфахане, Дамаске, Багдаде, Каире, Константинополе, Алжире, – они должны были действовать так, чтобы не потерять их. Следует отметить, что на завоеванных землях чаще всего наблюдался невиданный расцвет, к примеру Китай под властью Табгача, Иран под сельджуками, Египет под мамлюками, Индия под владычеством Великих Моголов; что касается Османской империи – то это была одна

из крупнейших тюркских держав мира, которая сначала являлась для ислама мечом, затем – щитом.

Начиная с эпохи Крестовых походов тюрки представляются нам истовыми приверженцами ислама, однако их исламизм – это относительно недавний феномен, причем он не распространяется на всех тюрков. Хотя ислам очень давно, по крайней мере еще в VIII в., вступил в контакт с тюрками и нашел среди них верных сторонников, только постепенно, начиная с XI в., он стал глубоко проникать в их среду. Однако существовали специфические тюркские (или, точнее, тюрко-монгольские) структуры, внутри которых сформировались первые цивилизации и которые не только сопротивлялись исламу, но и атаковали его, сохранив древние верования, пусть и в несколько измененном виде. Исламизация широких масс в Центральной Азии стала фактом лишь в начале XVII в., но до сих пор есть немало тех, которые так и не приняли ислам. В разные моменты своей истории тюрки впитывали в себя великие мировые религии и часто прославляли их своими деяниями.

Тюрки – народ самобытный, они, как минимум, страстные любители и ценители искусства, антиквары и меценаты, но это и великие создатели: именно при владычестве тюркской династии Вэй в Китае сформировалась одна из лучших скульптурных школ в пещерах Юньгана и Лунмэня; тюрками были созданы самые прекрасные и экспрессивные монументы Азии – большая мечеть Пятницы в Исфахане, Тадж-Махал в Агре, Регистан в Самарканде и мечеть Сулеймание в Стамбуле...

Итак, перед нами наследники всех кочевников – как живой организм со своими специфическими законами и проявлениями, как часть человечества, состоящая из очень разных элементов, но образующая великолепную совокупность, которую можно назвать конкретным именем: тюрки. Среди мудрых изречений о тюрках есть одно, особенно отвечающее сути: «Тюрк подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, то приобретает ценность, служа украшением царских корон».

В монографии мы не собираемся совершать насилие над источниками, дабы втиснуть их в заранее задуманную схему – хотя обязательно отметим те, что не вписываются в наши рассуждения, – но мы хотим понять тюркскую реальность, исследуя трехтысячелетнюю историю этого народа в контексте их великих империй.

Глава 1

Тюркские народы с X в. до н. э. по V в. н. э

Мировая история свидетельствует, что не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать, и это подтверждено многовековой историей тюрков.

Степные кочевники сыграли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем персы, греки и римляне. И роль их в мировой истории была особой, как, впрочем, у каждого этноса.

Это настоящие варвары, если термин предполагает не столько отсутствие цивилизованности, сколько агрессивный тип поведения. Варвары, которых не одну тысячу лет китайцы называли «ху» и которые, подчиняясь таинственному на первый взгляд порыву – а если говорить ученым языком, речь идет об объединении, переселении, голоде, эпидемиях, – упорно продвигаются все дальше, прогрессируя или деградируя, объединяясь или снова разделяясь на племена. Они нападают на города, завоевывают царства, а затем скрываются неизвестно куда, оставляя в качестве следов бесчисленные курганы своих захоронений. Это – прекрасные всадники, составляющие одно целое со своими лошадьми, которые были одними из лучших лошадей в мире, причем сами всадники будто родились на коне и никогда не спускались на землю. Они первыми научились седлать и запрягать лошадей, они изобрели седло и упряжь, они – искусные лучники, и их стрелы летят дальше всех и разят сильнее всех. Таким образом, верхом на коне, вооруженные до зубов, они стремятся вперед, они непобедимы в течение веков.

Тюрки – это гораздо больше, чем только тюркоязычные народы, а тюркизм – это гораздо больше, чем этнообразующая идея одного народа или одной нации.

Существует легенда, где повествуется о том, что Верховный Отец всех тюрков Тенгри подарил некогда своим детям-тюркам Большой Казан, сделанный из чистой меди, который водружался на железный треножник. Все большие и малые племена тюрков ели из этого Большого Казана, который еще называли Тенгри-Казаном, и никто из них не был обделен, никто не жаловался на недостаток пищи. Тучные стада кобылиц и бесчисленное множество скота паслись на землях тюрков. Охота всегда была удачной. Дети были здоровыми, семьи – крепкими, старики были в почете, а мужчины умели все: выращивать скот, защищать свои земли от врагов, ладить с соседями, вступая с ними в торговые отношения. Тюркские старики славились своей мудростью и талантом красноречия, передаваемыми из поколения в поколение; тюркские девушки блистали красотой, грацией и умом, а тюркские юноши были самыми непревзойденными воинами. Все тюрки превыше всего ценили свою свободу, честь и достоинство.

Тюркский народ приумножался в лоне Отца своего – Тенгри, но с каждым днем приближался День Великого Расставания, когда повзрослевший Сын должен был оседлать коня и, простившись с Отцом, войти в неведомый ему мир. И этот День настал.

Тюрки сняли Тенгри-Казан с железного треножника и, поставив его на глиняный очаг, приступили к приготовлению прощальной трапезы.

Умельцы расплавили железный треножник и изготовили из него большое количество боевых топоров, железных наконечников для стрел и копий, пробивающих любой панцирь, стремян, позволяющих всадникам ловко управлять своими боевыми конями и вести бой обеими руками, быстрых, как молния, сабель, островерхих шлемов, символизирующих свод небесного купола, дома Отца своего – Тенгри. Тюркские женщины сшили большое количество кожаных шаровар и коротких рубах – одежды для верховой езды – и накатали большое количество войлока для походных юрт, родного дома кочевников.

Прощальная еда тюрков из Тенгри-Казана была обильной, и многие навечно запомнили неповторимый вкус пищи родного дома.

А эта трапеза из Тенгри-Казана была действительно прощальной, ибо, когда люди насытились, Тенгри-Казан разлетелся на миллиарды мелких кусочков.

Верхняя разлетевшаяся часть Тенгри-Казана вознеслась на небо и образовала вокруг Темир Казык (Полярной звезды) Круг Времен в виде зодиакальных созвездий, по которым тюрки могли определяться в непрерывном течении времени.

Кусочки средней части Тенгри-Казана образовали на небе Млечный Путь, по которому тюрки могли определять свое местоположение в пространстве, в какой бы части Земли они ни находились и куда бы они ни продвигались.

Нижняя часть Тенгри-Казана, которая всегда была подвержена действию огня, разлетелась на миллиарды медных капель, которые попали в сердце каждого тюрка и, переходя от отца к сыну, сохраняли в сердце тюрков горячую любовь к родному дому, к Большому Тенгри-Казану.

Остатки пищи из Тенгри-Казана упали на землю тюрков и, просочившись в глубину ее, превратились во множество полезных ископаемых, которые в будущем должны были прокормить далеких потомков тюрков.

Проведя последнюю ночь на родной земле, тюрки наутро выступили в поход. Но он не был завоевательным – это было движение новой мысли и нового духа. Ибо на своем пути в Страну Заката тюрки шли по местам, народы которых еще только начинали узнавать, что такое железо, и даже самый маленький его кусочек стоил гораздо дороже равного ему по мере золота. Эти люди не знали, что такое стремя, и даже двурогая вилка (шанышки), с помощью которой тюрки, не обжигаясь, ели горячее мясо, вызвала у них большой интерес. Эти народы, облаченные в длиннополые платья, скрывающие наготу, но абсолютно не приспособленные для ведения пешего и конного боя, поразились конструкции тюркских шароваров, удобных для верховой езды и в повседневной жизни.

В своем движении тюрки несли миру качественно новый уровень («железный») цивилизации: лошадь, укрощенную до уровня боевой единицы; изогнутую саблю, более эффективное оружие ближнего боя, чем прямой меч; новую тактику и стратегию применения больших, но легких (летучих) конных отрядов; одежду, приспособленную для ведения конного и пешего боя, и многое другое, что для того времени представляло самый передовой уровень научно-технического прогресса.

Тюрки принесли на запад символ Креста, как обозначение четырех стрел, летящих из одной точки (от Тенгри-Казана) в разные стороны света, неся на своем острие знания новой цивилизации. Круглые и островерхие шлемы тюрков, символизирующие форму небесного свода, стали прообразом куполов православных церквей и мечетей, которые нередко окрашивались в синий цвет, олицетворяющий цвет Неба и Тенгри.

Много веков прошло с тех пор, как Атила, возглавлявший «конный народ» (атты ель), прошел до самых западных пределов тогдашней Ойкумены. Много рассеялось по земле тюрков, которые превратились в бесчисленные народы, забыв свои обычаи и язык. Но в глубине сердца каждого тюрка жила и продолжает жить маленькая медная капля Большого Тенгри-Казана, соединяющая его с далеким тюркским прошлым.

Обратимся к Евразийскому материку – вернее, его срединной части – Великой степи, которая простирается от Западной Маньчжурии на востоке до венгерской степи на западе, на юге – Тибетское нагорье и Семиречье, от Сибири ее отделяют хребты: Саянский, Хамар-Дабан и Яблоновый. В восточной зоне Степи, в так называемой Внутренней Азии, где располагались Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан создавались могучие державы хуннов, уйгуров и монголов.

Переселение предков хуннов – хяньюнь и хунюй – с южной окраины Гоби на северную совершилось в X в. до н. э., и это переселение связывается с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай, древнекитайский суперэтнос (IX в. до н. э. – V в. н. э.) и знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события, в свою очередь, сопоставимы с началом скифских поселений.

Таким образом, рубеж доисторических периодов и исторических эпох приходится на X в. до н. э.

В X в. до н. э. два этноса – чжоуский (древнекитайский) и скифский – смыкались в южной части Центральной Азии. Однако расширились они в разных направлениях: чжоусцы – на восток, скифы – на северо-запад.

Скифская экспансия

Между 750 и 700 гг. до н. э., как свидетельствуют греческие историки и ассирийские хронологи, киммерийцев вытеснили из южно-русских степей скифы, пришедшие из Туркестана и Западной Сибири. Племена, которых греки называли скифами, – это те самые, которым ассирийцы дали имя «ашкузай», а персы и индусы – «саки».

По данным ономастики, скифы принадлежали к иранской расе. Это северные иранцы, остававшиеся кочевниками на своей «иранской родине», в степях нынешнего Туркестана, и большей частью избежавшие влияния цивилизации Ассирии и Вавилона, которое достаточно сильно отразилось на их дальних оседлых сородичах – мидах и персах, – живших на юге, на Иранском плоскогорье. Подобно своим собратьям сарматам, скифы также остались чужды воздействию зороастрийской реформации, которая вскоре постепенно трансформировала мидо-персидские верования.

На греко-скифских вазах (Кулоба и Воронеж) запечатлены лица скифов: бородатые и волосатые, как и их собратья саки на барельефах Персеполиса, в остроконечных шапках, защищающих уши от сильных степных ветров; одеты, как и саки, в свободную тунику и широкие штаны – одежду их сородичей, мидов и персов. Средством передвижения скифов была лошадь – великолепный степной скакун, их верный спутник, так же, как и лук со стрелами. У этих конных лучников не было постоянных селений, лишь повозки, на которых они совершали дальние переходы; на таких повозках монголы Чингисхана в XIII в. промчатся по тем же русским степям. В этих повозках скифы везли женщин и все свое имущество: украшения, орнаментальные пластинки, снаряжение и вооружение, а также ковры – все то, что ныне составляет суть скифского искусства. Они были хозяевами русской степи с VII по III в. до н. э.

Хотя, по мнению современных исследователей, скифы относятся к иранским народам – индоевропейская семья, индоиранская или арийская группа, – их образ жизни весьма схож с образом жизни хуннских племен – прототюрков, или доисторических тюрков, – которые в ту же эпоху начали движение на другом конце степи, на китайских границах.

В принципе условия кочевой жизни в степи одинаковы от Северного Причерноморья до Прикаспия и дальше до Монголии, хотя в последнем регионе они более суровые. Поэтому нет ничего удивительного в том, что без учета физического облика и языка скифы, описанные греческими историками или изображенные на греко-скифских вазах, напоминают нам племена юэчжи, ту-кю и монголов, которых описывают и изображают китайские летописцы и художники, – имеется в виду их культурный уровень и условия существования. У этих групп есть общие обычаи; возможно, одинаковый образ жизни вынуждал и скифов и хуннов подчиняться одинаковым законам и правилам: и конный лучник-скиф и хуннский всадник с луком носили штаны и сапоги, а не свободное платье жителя Средиземноморья или древнего китайца, то же самое можно сказать о конской сбруе, изобретенной северными степняками, надолго обеспечившей им превосходство над конниками оседлых народов. У юэчжей сбруя появилась в III в. до н. э., и она отсутствует на китайских рельефах эпохи Хань; у ойротов (алтайцев) она существовала в I в. до н. э., когда ни греки, ни римляне не имели понятия о ней. Возможно, географические связи между скифами и хуннами, находившимися на одном культурном уровне, способствовали распространению одинаковых обычаев: например, ритуальные похоронные убийства долгое время сохранялись и у скифов и у тюрко-монголов, между тем как в Передней Азии и в Китае они давно не практиковались, начиная с захоронений Ура и Наньяна. Кстати, Геродот отмечает у скифов обычай делать порезы на руках, лбу и носу, убивать слуг и лошадей и класть их в могилу вокруг тела своего господина. Есть данные, что у хуннов был обычай убивать на могиле вождя сотни и тысячи женщин и слуг.

Обычай резать лицо ножом существовал у тукю, монгольских тюрков.

Итак, между 750 и 700 гг. до н. э. скифы (или, скорее, часть скифо-сакских племен, потому что основная масса саков осталась в районах Тянь-Шаня, Ферганы и Кашгарии) переместились из района Тургая и реки Урал в Южную Россию и вытеснили оттуда киммерийцев.

Наиболее обстоятельные сведения о скифах оставил Геродот (V в. до н. э.). Во главе скифского племенного союза Геродот называет царских скифов – кочевников, считавших скифов-земледельцев своими рабами.

По Геродоту, миграция скифов в направлении Европы была вызвана давлением с востока, вернее, северо-востока: скифов изгнали исседоны, а исседонов теснили аримаспы. Исседоны – это, возможно, угро-финны, которые проживали где-то на Урале. Аримаспы, обитавшие дальше на востоке – Иртыше и Енисее, – это, очевидно, иранцы, как и сами скифы: в отдельных хрониках их имя переводится как «друзья лошадей». Что касается массагетов, живших восточнее Аральского моря по Яксарту (Сырдарье) и в Прибалхашье, то Геродот считает их скифами; Страбон говорит о пяти племенах массагетов: дербики, апасиаки, аттасы, хорезмийцы и абгасы. Само название «массагеты» историки объясняют различным образом: Маркварт – от иранского «рыбаки», Кристенсен – также от иранского «большая скифская орда»; Марцеллин, Кассий, Арриан видят в массагетах предков сарматского племени алан.

Итак, часть киммерийцев под давлением скифов ушла в Венгрию, где уже обитали другие родственные фракийцам народы. Именно пришедшие киммерийцы закопали около Шилагии «сокровища» Михаени, под Хевесом – «сокровища» Фокору и Михалковский клад в Галиции.

Остальные киммерийцы двинулись через Фракию (по мнению Страбона) или Колхиду (по Геродоту) в Малую Азию, где жили они сначала во Фригии (720 г. до н. э.), затем в Каппадокии и Киликии (650 г. до н. э.) и, наконец, пришли в Понт (около 630 г. до н. э.). Часть скифов бросилась их преследовать (720–700 гг. до н. э.), но преследователи сбились с пути (по Геродоту), прошли через Кавказ, около Дербента, к Ассирии. Скифский царь Ишпакай напал на нее, но получил отпор (около 678 г. до н. э.). Другой, более мудрый скифский царь, Бартатуа, приблизившись к Ассирии и сообразив, что для ассирийцев киммерийцы также были врагами, так как угрожали их границам со стороны Киликии и Каппадокии, действуя в угоду ассирийцам, направил скифское войско в Понт и разгромил последних киммерийцев (около 638 г. до н. э.).

Через 10 лет сын Бартатуа (Геродот называет его Мадей) по просьбе Ассирии, в которую вторглись мидийцы (или миды), сам захватил Мидию (около 628 г. до н. э.). Но мидийцы поднялись на борьбу с захватчиками, и их царь Киаксар истребил скифских вождей, а остатки скифов ушли назад в Южную Русь через Кавказ.

В IV в. до н. э. скифы создали государство в пределах Южной России и торговали с греческими городами на северном побережье Черного моря.

Относительно времени образования Скифского государства у исследователей нет единого мнения: одни относят его сложение ко времени скифских походов в Малую Азию (VII в. до н. э.) или к эпохе Геродота (V в. до н. э.); другие – к IV в. до н. э., когда Скифию объединил царь Атей и Скифия переживала свой расцвет; третьи определяют его рубежом III–II вв. до н. э., когда столица скифов под натиском сарматов переносится в Крым на реку Салгир (Неаполь Скифский), а Скифия переживает политический и экономический подъем при царях Скилуре и Палаке.

К V в. до н. э. Скифия еще сохраняла первобытно-общинный строй в его последней переходной к классовому обществу фазе – военной демократии. Действующими органами этого строя были народное собрание, совет старейшин и племенные вожди.

По Геродоту, территория Скифии имела форму правильного квадрата, что отражало, видимо, космологические представления, поскольку квадрат есть одна из простейших реализаций идеи организованного, упорядоченного пространства. Южной границей «скифского квад-

рата» было море, а северной – мифические Рипейские горы, достигающие, по утверждению некоторых авторов, небес. Кстати, у скифов существовала развитая мифология.

Наибольшим почитанием у скифов пользовалась богиня Табити – покровительница домашнего очага. Верховным божеством у них считался Папай, его греки сравнивали с Зевсом.

Скифы более 500 лет держали в страхе Переднюю Азию. Все это время ужас на старый мир наводили племена варваров-степняков. Их конница продвигалась от Каппадокии до Мидии, от Кавказа до Сирии, грабя и разрушая все, что встречалось на ее пути. Этот бурный поток, отголоски которого мы находим у израильских пророков, представляет собой первое в истории вторжение северных степных кочевников в среду древних южных цивилизаций, и это движение будет периодически возобновляться в течение двадцати веков.

Когда ассирийцев, вавилонян и мидов в качестве гегемонов в Передней Азии сменили персы, они занялись защитой «оседлого» Ирана.

Незаурядный политический деятель, царь из династии Ахеменидов Кир Великий был одержим химерической идеей – завладеть миром. В этой связи в исторических хрониках есть факт, свидетельствующий, что иноземным захватчикам сумели дать сокрушительный отпор свободолюбивые племена массагетов под предводительством царицы Томирис.

По Геродоту, Кир осуществил свой последний поход против массагетов, живших восточнее Хивы около 530 г. до н. э., но потерпел полное поражение и погиб.

Следует остановиться на историческом портрете Кира Великого, основателя Персидской империи Ахеменидов, свергнувшем Астиага, царя Мидии, и захватившем его столицу Экбатану (550 г. до н. э.). В 546 г. до н. э. Кир разгромил Креза и установил свое господство над Малой Азией и царством Набонида (последнего из халдейских царей), добавив к своим владениям Вавилон, Ассирию, Сирию и Палестину. Дальнейшие завоевания на севере и востоке завершили создание огромной империи.

Следующим противником скифов из династии Ахеменидов был правитель Персии Дарий I (ум. в 486 г. до н. э.). Скифия в VI в. до н. э. уже представляла большую политическую силу.

Дарий начал с крупной экспедиции против «европейских» скифов (514–512 гг. до н. э.). Через Фракию и нынешнюю Бессарабию он вступил на территорию Степи, где скифы, следуя обычной тактике кочевников, тактике выжженной земли, не вступая в сражение, стали отступать и заманивать его все дальше в пустынные просторы. У Дария хватило мудрости вовремя повернуть назад. Геродот считал эту «русскую кампанию» безумным капризом деспота. В действительности же Дарий стремился осуществить естественную политическую идею – сделать «внешний Иран» персидским и завершить паниранское объединение.

Древние персы, покорив на западе Вавилон, Малую Азию, Сирию и Египет, а на востоке Согдиану и часть Индии, рассматривали себя как мировую империю – Иран, противопоставлявший себя Турану. Иран и Туран населяли близкородственные племена арийцев. Разделяла их не раса или язык, а религия.

Инициатива разделения древнеарийской культурной целостности приписывается пророку Заратустре, жившему в VI в. до н. э. и проповедовавшему монотеизм – почитание Ахурамазды («мудрого владыки») вместо пантеона арийских богов – дэвов, тех самых, которых эллины помещали на Олимпе, а германцы – в Валгалле. Помощники Ахурамазды – ахуры – эквивалентны эллинским гигантам и индийским асурам – врагам дэвов. Мифология и космогония в новом исповедании оказались перевернутыми на сто восемьдесят градусов.

Новую веру приняли далеко не все. Даже в Иране она возобладала не сразу. Но все арийцы, которые сохранили верность древним богам, стали туранцами, а сторонники Заратустры – иранцами. Так совершилось разделение на Иран и Туран.

После того как попытка объединения провалилась, скифы оставались хозяевами Южной Руси еще на протяжении трех столетий.

В результате экспедиций Дария I в Малой Азии все-таки был поставлен надежный заслон набегам кочевников.

В III в. до н. э. скифы пали жертвой сарматов, за исключением небольшой их группы в Крыму, которая была завоевана готами в III в. н. э.

Крупные скифские вторжения VII в. до н. э. на Кавказ, в Малую Азию, Армению, Мидию и Ассирию интересны не только для политической истории. Первый контакт скифов с ассирийским миром (не забудем, что скифы были его союзниками), который продолжался около ста лет, представляет собой важнейшее событие для истории степного искусства. Прежде всего именно во время походов в Малую Азию в VII в. до н. э. скифы завершили переход из бронзового в железный век. И начало скифского искусства проходило под влиянием Хальштаттской техники обработки железа в кельтско-дунайском регионе. Но главным образом великое перемещение народов в VII в. до н. э. привело к тесным отношениям между Кавказом и страной мидийцев (Луристан), с одной стороны, и скифов – с другой. Имеются бесспорные свидетельства прямого влияния ассирийско-вавилонской Месопотамии на первые произведения скифского искусства.

Это – отправная точка всего скифского искусства, о котором можно сказать, что оно обошло стороной ассирийский (или греческий) натурализм, предпочтя ему декоративность. Так, на юге России на целые столетия воцаряется эстетика Степи, а ее четкие тенденции можно проследить в их развитии на востоке, вплоть до Монголии и Китая. С самого начала в скифском искусстве существовали два течения: натурализм, периодически подпитываемый из ассирийско-ахеменидских источников, с одной стороны, и эллинизм, с другой, и декоративное течение, которое подавляет, деформирует и отводит в сторону первое течение ради чисто орнаментальных целей. В конце концов, анималистический реализм, с которым никогда не расставался этот народ всадников и охотников, превратился в предлог для декоративной стилизации.

Такая тенденция объясняется условиями жизни кочевников – как скифо-сарматов на западе, так и хуннов на востоке. Они не имели постоянных поселений, поэтому скульптура, барельеф и живопись, которые изначально предполагают реализм, были для них чуждыми. Их атрибуты роскоши сводились к одежде и украшениям, к аксессуарам снаряжения и конской сбруи. Поэтому такие предметы, как застежки и пряжки, подвески для сабли, элементы лошадиной сбруи, будто специально предназначены для стилизации. Кроме того, все северные кочевники проводили жизнь верхом на лошади, преследуя и загоняя зверей, как волки загоняют антилоп. И естественно, что они усвоили из ассирийско-вавилонских уроков только геральдические темы и стилизованные сражения животных. И наконец, эти анималистические сюжеты имели для степных охотников магическое значение.

Если оставить в стороне греко-скифские предметы украшения, которые можно назвать скифскими только по сюжету, но на деле они выполнены греческими художниками, работавшими для эллинских колоний в Крыму или непосредственно для степных царей, мы увидим в скифском искусстве только образы животных, сведенные к геометрическим формам и служащие для орнаментальных целей. Повсюду: в Костромском захоронении V в. до н. э., в Елизаветовских раскопках той же эпохи, в Кул-Оба, в Крыму (450–350 гг. до н. э.), в сокровищнице сарматской эпохи из Западной Сибири (I в. н. э.), в Верхне-Удинске (Забайкалье), – где найдены образцы хуннского искусства нашей эры, мы видим оленей и лошадей с пышной гривой, а когти хищников завиваются в кольца и спирали, в два раза превышающие размер животного. Даже верхняя губа лошади вывернута в форме улитки. В западносибирском искусстве скифов и сарматов и в искусстве аналогичного типа, которое сформировали юечжи, стилизация анималистических форм достигает совершенства.

Степное искусство далеко уходит от искусства оседлых народов: скифское искусство можно противопоставить ассирийско-ахеменидскому, хуннское – китайскому, несмотря на их общую почву, которой являются сцены охоты и сражения зверей. Ассирийцы, ахемениды и

китайцы эпохи Хань показывают нам тех же животных, преследующих или угрожающих друг другу, в простом, наполненном воздухом декоре. А у скифов и хуннов мы наблюдаем зверей, которые сплетаются в смертельной схватке. Здесь нет никакого движения. Это драма, в которой жертва как будто увлекает своего палача в пропасть гибели. Но здесь есть внутренний динамизм, внутренняя трагическая мощь.

Находки предметов скифского искусства дают возможность проследить скифское продвижение по Руси. Примерно в 700–550 гг. до н. э. центр скифской культуры находился в степях юго-восточной части – на Кубани и Таманском полуострове. Разумеется, скифы властвовали уже и на Южной Украине, между нижним течением Днепра и низовьем Буга, как свидетельствуют находки в Мартоноше и Мельгунове, но эта власть, скорее, носила спорадический характер. По Таллгрену, только между 550 и 450 гг. до н. э. скифская культура окончательно утвердилась на территории нынешней Украины, а ее апогей датируется 350–250 гг. до н. э., о чем свидетельствуют большие царские курганы в низовьях Днепра, в Чертомлыке, Александрополе, Солоке, Деневе и т. д. Самая северная зона на западе, затронутая скифской экспансией, находится на северной границе лесостепной полосы, южнее Киева и около Воронежа. К северо-востоку скифская экспансия достигает Саратова, где сделаны важные открытия и где Таллгрен локализует скифский, или находившийся под скифским влиянием, народ, – в любом случае представляющий иранскую расу. Это сарматы. Вполне возможно, что скифы в Южной Руси составляли всегда только правящую верхушку, а основу составляли киммерийцы, т. е. фракийцы и фригийцы.

Сведения Геродота о скифах обнаруживают чисто иранскую ономастику, данные греческого происхождения о тех же скифах указывают на фракийско-фригийскую ономастику. Это лингвистические следы, подтверждаемые следами археологическими. Таллгрен пишет: «Хальштатский тип киммерийской бронзы продолжал существовать на Украине в качестве крестьянской культуры даже во времена укрепления связей между скифами и эллинизмом». Наконец, к северу от скифской области с киммерийской основой жили другие варвары, не скифы, которых Геродот называет «андрофаги», «меланкелены» или «исседоны», которых можно отнести также и к угро-финнам. Таллгрен локализует андрофагов к северу от Чернигова, а меланкеленов – к северу от Воронежа. Мы знаем, что эти два народа вступили в союз со скифами для отражения нашествия Дария. Что касается исседонов, то они жили, очевидно, на Урале, в районе Екатеринбурга. Кстати, андрофаги и меланкелены, т. е. угро-финские соседи скифов, относятся к так называемой мордовской культуре, следы которой обнаружены на Десне и Оке, в которой присутствует геометрический орнамент, более бедный и совсем не похожий на скифский стиль.

Вытеснение скифов сарматами

В IV в. до н. э. в районе Оренбурга, у подножия Уральских гор, в Прохоровке, существовала местная культура – сарматская, – характерной особенностью которой было изготовление большого количества копий, и это, безусловно, свидетельствует о том, что именно копьё были их главным оружием.

По мнению Ростовцева, в Прохоровских захоронениях обнаружены первые свидетельства о появлении сарматов в европейской части России. Хотя еще в V в. до н. э. Геродот упоминал «саурамагов», живших к востоку от устья Дона, считая их метисами скифов и амazoнок, говоривших на скифском языке. Возможно, это был их авангард, пришедший вслед за скифами, а основная масса еще кочевала на северном берегу Каспийского моря. Ростовцев замечает, что матриархат, который греки наблюдали у «саурамагов», на самом деле сарматам не был свойствен, и считает, что между этими народами нет ничего общего. Как бы то ни было, во второй половине III в. до н. э. сарматы, принадлежавшие к той же расе, что и скифы, т. е. к группе североиранских кочевников, живших к северу от Арала, перешли Волгу и заселили русскую степь, вытеснив скифов в Крым.

Скифы в это время оказались между сарматами, которые наступали из Азии, и гетами (будущими даками) фракийско-фригийского происхождения, которые основали свою империю в Венгрии и Румынии.

III в. до н. э. – именно с этого времени, по мнению историков, можно осмыслить этническую историю Евразийской степи: племена Монголии были объединены хуннами; династия Цинь устанавливала единодержавие в Китае, среди северных варваров появились хуннские богатыри, героически отстаивавшие от циньцев свою землю; возникла могучая держава Центральной Азии – Парфия: парфяне под предводительством скифа Аршака изгнали из Ирана македонян и основали на месте разрушенной Александром Великим мидоперсидской монархии собственное царство; полулегендарные скифы Причерноморья были сменены сарматами.

Так в Степи началась новая эпоха, и с начала III в. до н. э. в степях к северу от Черного моря теперь жили сарматы.

Кочевники-сарматы вторглись в Скифию и убивали там всех, кого могли настичь. Это было не завоевание, а война на истребление. Весьма трудно объяснить, чем было вызвано такое ожесточение. Во II в. до н. э. сарматская экспансия достигает своего наивысшего напряжения.

Расселение сарматов в степях Поволжья, Южного Урала и нынешнего Казахстана привело к утверждению гегемонии сарматов в степях Восточной Европы со II в. до н. э.

Основная масса сарматов кочевала между низовьем Волги и Днестра. Некоторые сарматские племена были независимы, например аланы (предки осетин), кочевавшие в районе Терека до самой Кубани, роксоланы, которые в 62 г. н. э. поселились к западу от нижнего течения Дона, назиги, которые с 50 г. н. э. обитали на равнине между Тиссой и Дунаем – территории даков и римской провинции Паннония в срединной части нынешней Венгрии. Макс Эберт писал: «В конце II в. до н. э. аланы кочевали в арало-каспийских степях. Оттуда они пошли на Дон».

Сарматы стали активной политической силой в международных делах Древнего мира.

В 179 г. до н. э. сарматский царь Гатал примкнул к союзу малоазиатских государств. В I в. до н. э. сарматы были союзниками понтийского царя Митридата VI в его борьбе против Рима. С этого времени бывшая территория Скифии на античной карте, составленной Випсанием Агриппой, стала называться Сарматией. Восточная группа сарматов экономически и политически была тесно связана с государствами Центральной Азии, особенно с Хорезмом. Начиная с I в. н. э. сарматы неоднократно совершали военные походы в Закавказье и выступали там союзниками отдельных государств.

Сарматы появились и на Дунае, где часть племен, в основном языги и роксоланы, осела близ границ Римской империи. Здесь происходили столкновения римлян с сарматами.

Политическая гегемония сарматов в Северном Причерноморье была подорвана в III в. нашествием готов, а в IV в. сармато-аланские племена были разгромлены гуннами.

Остановимся на переходе скифского искусства в сарматское, опираясь на находки, обнаруженные в Западной Сибири.

Несмотря на общие кочевнические корни, сарматы отличались от своих предшественников. Скифов мы знаем как всадников с луками в островерхих шапках и широких одеждах, как варваров, набравшихся греческой культуры, имевших анималистическое искусство и хранивших, несмотря на стилизацию, память о натуралистической пластике. Сарматы – тоже всадники, но вооруженные копьями, носившие конической формы шлемы и кольчугу. Их искусство, также анималистическое в своей основе, уже обнаруживает более тонкий вкус, что касается стилизации и геометрического орнамента, например многоцветная эмалевая инкрустация на металле. Короче говоря, в нем чувствуется «восточная» реакция на греко-римскую пластику. Это можно считать первым появлением в Европе искусства восточного Средневековья, которое сарматы передали готам, а те – всем германцам. В III и II вв. до н. э. сарматское искусство пришло в Южную Русь.

Ученые склонны приписать золотые украшения, обнаруженные в Западной Сибири, народам, близким к сарматам, а найденные человеческие черепа (Оглакты под Минусинском, т. е. дальше на восток), как они считают, никак не могут принадлежать тюрко-монголам, скорее, индоевропейцам, имевшим отношение к скифам, сакам и сарматам.

На самой первой географической карте Верхней Азии отмечено, что на восточной оконечности, в нынешней Маньчжурии, обитали прототунгусы (доисторические тунгусы), в Западной Маньчжурии и Восточной Монголии – протомонголы, на самой большей части Монголии и несколько дальше к западу, в направлении озера Балхаш, – прототюрки. Вся остальная часть, включая южные и западные степи, была заселена индоевропейцами и палеоазиатами, причем здесь так и не обнаружено никаких следов алтайского народа. Раскопки в районе Минусинска в верхнем течении Енисея, находки которых относятся к так называемой «карасукской» эпохе (1200—700 гг. до н. э.), выявили все большее распространение брахицефального типа, и это, по всей вероятности, связано с тем, что позже здесь поселился другой народ – прототюрки. В «тахарскую» эпоху (700–300 гг. до н. э.) этот феномен зарегистрирован на Алтае. Наконец, около 300 г. до н. э. произошел «брахицефальный взрыв» в Южной Сибири и на южных склонах Алтайского хребта. Поэтому можно предположить, что вначале постепенно, затем все быстрее, подобно снежному кому, предки тюрков, жившие до тех пор на севере, спускаются из лесных массивов и примерно в начале новой эры добираются до северных отрогов Тянь-Шаня и степных районов озера Балхаш. Пришельцы на своем пути вытесняют индоевропейцев, или смешиваются с ними, или оказывают на них влияние, заставляя местные народы принять их язык и культуру. Это, по всей вероятности, произошло с кыргызами (стали известны через китайских историографов в 201 г. до н. э.; относятся к индоевропейскому антропологическому типу), и, таким образом, в массе тюркского населения появились индоевропейцы или, по крайней мере, немонголоидные народы.

Переселение из лесов в степи для прототюрков ознаменовалось одной из самых важных революций в их истории: они перешли из цивилизации охотников и собирателей «подножного корма» в цивилизацию скотоводов, в культуру одомашнивания лошади. Интересные результаты раскопок в Пазирикe (V–II вв. до н. э.) на Алтае, которые подарили ученым удивительно сохранившиеся в вечной мерзлоте предметы и тела умерших, позволяют обнаружить признаки таких болезней, как пародонтоз, а также людей в масках и лошадей в сбруе, что свидетельствует о ностальгии по утраченному миру и о нелегкой адаптации к новой жизни.

Центр металлургии Минусинск в верховьях Енисея, начиная с V в. до н. э., был ареной новых процессов. Там найдены захоронения с оградой из камней, датируемые так называемым бронзовым периодом (500–300 или 200 гг. до н. э.). Эта эпоха характеризуется обилием анималистических мотивов – спящий олень, стоящий олень, олень, оглядывающийся назад, и свернувшееся животное (этот мотив, по мнению Таллгрена, пришел из Южной России).

К периоду между 500 и 300 гг. до н. э. относится также первое появление сибирских бронзовых кинжалов и ножей, а также цилиндрических ударных орудий типа кистеня, которые из Минусинска распространились до Ордоса времен юечжей и до Венгрии эпохи великих завоеваний. Ножи, найденные в Минусинске и Тагорском, тонкие, слегка искривленные, с ручкой, заканчивающейся иногда очень изящной оленьей головой, также были распространены во всей Монголии, вплоть до Ордоса эпохи юечжей. В 300–200 гг. до н. э. в Минусинске устанавливается железный век с топорами-пиками из бронзы и железа и группой больших коллективных захоронений.

Вообще минусинские находки II–I вв. до н. э. обнаруживают явное сходство с сарматским искусством Южной России и Западной Сибири, и, по мнению археологов, Минусинск передал этот стиль хуннскому искусству Ордоса.

Минусинск находится на северном склоне Саянских гор. Дальше к юго-западу, в Пасирике, на северном склоне Большого Алтая, у истоков Оби и Катуня, в 1929 г. были обнаружены захоронения 100 г. до н. э. (или более раннего периода) со скелетами лошадей, «замаскированных под северных оленей» (кстати, это значит, что речь идет о племенах, которые заменили лошадь оленем). Эти маски и сбруя из кожи, дерева и золота украшены стилизованными анималистическими мотивами – мчащиеся во весь опор козлы, крылатый грифон, убивающий козла, пантеры, бросающиеся на оленей и козлов, петухи перед боем и т. п. Эти изображения еще близки греко-скифскому стилю без лишней орнаменталистики. Упорядоченная строгая стилизация производит сильный декоративный эффект. В Пасирике встречаются бородатые декоративные маски, явно греко-римского происхождения, связанные с эллинским царством на киммерийском Босфоре. Такие же греко-римские маски примерно той же эпохи – II–I вв. до н. э. – обнаружены в минусинской группе захоронений. Что касается Алтайской группы, она включает кроме Пасирика другие курганы I в. до н. э. сарматского типа. Здесь также мы видим анималистическое искусство со строгой стилизацией, близкое к реализму.

В I в. н. э. алтайская культура представлена курганом в Катанде с предметами, изображающими сражения медведей с оленями, расцвеченными ветвистыми рогами (работа по дереву), а также бронзовые пластины и куски ткани со стилизованными анималистическими мотивами сражений грифонов и оленей, которые напоминают хуннские мотивы той же эпохи (2 г. н. э.), отмеченные в Нон-Ула, в Монголии. В Нон-Ула тоже обнаружен кусок ткани, вероятнее всего попавшей сюда из киммерийского Босфора.

В течение двух первых столетий новой эры вокруг Минусинска продолжает процветать переходная культура, которую Теплухов назвал «таштыкской» и к которой, в частности, относятся находки в Оглакты, севернее Минусинска, датируемые эпохой второй династии Тан, судя по китайским шелковым тканям.

Вскоре после этого указанные очаги скифо-сарматского стиля в Минусинске и на Алтае угасают или, вернее, трансформируются, потому что еще в начале VII в. район Минусинска оставил нам бронзовые предметы, датируемые по китайским монетам династии Тан. Очевидно, страну завоевали тюркские племена, предки кыргызов, появление которых китайские историки отмечали в V в. По Теплухову, вытеснение кыргызами индоевропейской аристократии сарматского происхождения в Минусинске имело место после III в. Но прежде чем исчезнуть, культурные центры в Минусинске, Пасирике и Катанде сыграли большую роль в передаче степного стилизованного анималистического искусства хуннским народам.

Создание государства Хунну

Пока кочевники иранской расы – скифы и сарматы – занимали в Южной России, Тургае и Западной Сибири западную часть степной зоны, восточная часть находилась под властью тюркских народностей. В древности доминирующим народом у тюрков были «юнь-ну», или «хьонг-ну», как называли их китайцы, – имя, сближающее их с именем «хунны» и «хуна», – как впоследствии называли этих варваров римляне и индусы. Вполне вероятно, что именно юнь-ну (это название появляется в китайских хрониках только в эпоху Цинь в III в. до н. э.) китайцы ранее называли «хяньюнь» (IX—VIII вв. до н. э.), или просто «ху».

По мнению Гумилева, хотя тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны с самой глубокой древности, начиная с III в. до н. э., однако термина «тюрк» тогда не существовало, и на заре истории (III в. до н. э.) они назывались хунны.

Момент рождения этноса хунну связан с переходом племен хяньюнь и хуньюй с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру.

В китайских хрониках хунны описываются как тип, характерный для прототюрков: «Невысокого роста, коренастые, с круглой и большой головой, круглым лицом, выступающими скулами, приплюснутым носом с широкими крыльями, довольно густыми усами, без бороды, не считая редких волос на подбородке, с длинными ушами, проколотыми для серег. Голова, как правило, бритая, не считая пучка волос на макушке. Густые брови, раскосые миндалевидные глаза с горящими зрачками. Они носили свободное платье, достигающее до икр, с разрезами по бокам, подвязанное поясом, концы которого свисают спереди. По причине холодов манжеты туго прилегают к запястьям. Плечи покрывает короткая меховая накидка, а голову – меховая шапочка. На ногах кожаные туфли. Широкие штаны, завязанные на лодыжке. Колчан с луком висит у левого бедра...» Некоторые детали этого костюма напоминают одежду скифов. Схожи также многие обычаи, к примеру погребальные убийства: и хунны, и скифы на могиле вождя перерезали горло женам и слугам умершего, иногда число убиенных доходило до ста и даже тысячи.

Геродот писал, что скифы срезали скальп с убитого врага и делали из черепа кубок. Такой же обычай отмечен у хуннов: шаньюй Лаошань пил из черепа царя племени юэчжи.

И хунны, и скифы охотились за головами. По Геродоту, скиф считал делом чести принести с войны головы врагов, отрезанные его рукой, а снятую с черепа кожу подвешивал к поводу своего коня.

У потомков хуннов – племени тугю (VI в.) – число камней на могильном холме погибшего воина равно числу убитых им врагов. У кочевника индоевропейской расы и у кочевника тюркомонгола одинаковое отношение к крови: скиф выпивал кровь первого убитого им врага, хунн пил кровь из человеческого черепа в знак клятвы. Оплакивая мертвых, и скиф, и хунн резали ножом свое лицо, чтобы кровь текла вместе со слезами.

Подобно скифам, хунны были преимущественно кочевниками. Стада лошадей, быков, баранов и верблюдов определяли ритм их жизни. Хунны перемещались вместе со своим скотом в поисках воды и пастбищ. Питались они исключительно мясом, что поражало китайцев, которые были, скорее, вегетарианцами; одевались хунны в кожу, жили на стоянках в войлочных шатрах, спали на мехах.

Что касается религии, хунны исповедовали шаманизм, опиравшийся на культ Тенгри – обожествленного Неба, и на культ некоторых священных гор. Их верховный правитель, шаньюй, осенью собирал всеобщий сход – «сезон, когда лошади уже разжирили» – для подсчета людей и стад.

Китайцы называли хуннов варварами за дикие набеги и грабежи. Когда хуннов преследовали, они, как и скифы, использовали тактику выжженной земли, увлекая неприятельские войска в пустыню Гоби или в голую степь и обстреливая врагов на безопасном для себя расстоянии; решающий же удар наносили, когда неприятель был совершенно деморализован. Такая тактика, благодаря их мобильности и искусству стрельбы из лука, оставалась неизменной у всех степняков – от первых хуннов до Чингисхана. Надо отметить, что она типична для всех всадников, вооруженных луками: и скифов на западе, и хуннов на востоке. Именно так воевали скифы с Дарием. Но Дарий вовремя разгадал эту уловку и отступил до того, как дело закончилось бы для него поражением.

Китайские же военачальники не обладали такой мудростью и теряли свои войска в сердце Гоби, куда заводили их хунны.

Что касается языка хуннов в среде тюрко-монгольских народов, некоторые ученые, например Сиратори, относят его к монгольским. Пеллио придерживается противоположного мнения, опираясь на китайскую транскрипцию, и считает хуннов тюркским племенем, и с этим, на наш взгляд, следует согласиться.

Новый этнос всегда богаче и мощнее, нежели старые, составившие его: хуннам предстояло великое будущее.

Империя хуннов родилась так, как будут позже рождаться все степные империи: из энергии человека, который смог навязать свою волю своему клану, а затем целой группе племен. О таком человеке, умершем около 209 г. до н. э., нам известно его имя, Тумань, и его титул – шаньюй (Величественный Сын Неба), что должно соответствовать титулу императора. Мы точно не знаем о клане, из которого он вышел, что же касается племен, пошедших за ним, они, скорее всего, состояли из представителей разных этносов, или, точнее, разных языковых групп, по крайней мере, исходя из последовательности тех далеких событий, но основную массу составляли конечно же прототюркские племена.

В IV в. до н. э. хунны образовали мощную державу – племенной союз 24 родов, возглавляемый пожизненным императором (шаньюем) и иерархией племенных князей «правых» (западных) и «левых» (восточных). Ниже шаньюя стояли два высших чиновника – князя ту-ки, т. е. «два мудрых князя – правый и левый» (китайская транскрипция «ту-ки» близка тюркскому слову «тогри», т. е. правый или верный). Шаньюй восседал в Верхнем Орхоне, горном районе, где позже будет находиться столица чингисидов Каракорум. Мудрый князь «слева», бывший в принципе наследником, сидел на востоке, в Верхнем Керулуне, а мудрый князь «справа» – на западе, в Хангайских горах. Далее следовали князя ку-ли – левый и правый, генералиссимусы (левый и правый), высшие правители-губернаторы (левый и правый), высшие танг-ху (левый и правый), высшие ку-ту (левый и правый), тысячники, сотники и десятники. Этот народ мобильных кочевников был организован по принципу армии. По тюркскому обычаю вся система была направлена на юг – то же самое мы увидим у потомков хуннов – тюрков VI в. и воинов Чингисхана.

В течение многих веков господство над бескрайними степями Центральной Азии принадлежало хуннам, они не только держали в повиновении все жившие здесь кочевые племена и народы, но и были главными противниками китайцев.

В V в. до н. э. в Китае произошли изменения и важные события периода Чжань-го (403–221 гг.). В то время на его территории существовало семь крупных царств: Цинь, Хань, Вэй, Чжао, Янь, Ци, Чу, между которыми велась непрекращающаяся борьба за господство. В результате ожесточенной борьбы царству Цинь удалось уничтожить остальные шесть царств и создать первое в истории Китая централизованное государство.

В эту эпоху китайцы достигли особых успехов в науках и в освоении техники. Тогда же была освоена технология обработки железа. Из него стали изготавливать сельскохозяйственные орудия, использование которых вызывало интенсивное развитие земледелия. Началось

быстрое совершенствование оружия и теории военного искусства. Появились новые виды оружия, такие как самострелы и алебарды. Создавались и новые виды войск. Если раньше основной силой были малоповоротливые, тяжелые на ходу колесницы, то теперь их заменила пехота, а в северных владениях по образцу кочевников была введена конница. Помимо наступательных средств стали совершенствоваться и оборонительные. Города обносились прочными стенами, против которых кочевники, незнакомые с осадной техникой, были бессильны.

После взятия китайцами Ордоса борьба хуннов с китайцами обострилась. Земли к югу от реки Хуанхэ имели для хуннов огромное хозяйственное значение: песчаные барханы с хорошим травяным покровом, солончаковые луга в низинах и многочисленные озера с пресной водой создавали исключительно благоприятные условия для кочевого скотоводства.

Успех китайцев в завоевании хуннских земель был связан с их тысячелетней историей государственности. Что касается хуннов, то, начиная с их легендарного родоначальника Шунвея до шаньюя Туманя, они не имели государственности. В течение более тысячи лет хунны то объединялись и усиливались, то распадалась и ослабевали, и это продолжалось до тех пор, пока они не образовали единого Хуннского государства.

В 222 г. до н. э. в китайском правительстве началась междоусобная борьба, в которой победил император Цинь Шихуанди. И пока китайцы были заняты этой борьбой, шаньюй хуннов Тумань вновь занял Ордос.

Император Шихуанди в 215 г. до н. э., закончив войну со своими соплеменниками, послал в Ордос огромную армию (до 300 тыс. человек) во главе с полководцем Мэн Тянем. После битвы с китайцами хунны отступили. Китайцы вновь захватили Ордос. Чтобы усилить Ордос, император приказал начать строительство Великой стены, обеспечившей защиту от хуннов и Великой степи. (Стена была продлена в период правления династии Хань; современный вид она приобрела в период правления династии Мин.)

Стена была проведена не только по географической, но и по этнографической границе Китая; население, жившее к северу от стены, считалось китайцами «варварским», чуждым как по происхождению, так и по образу жизни, а в политическом отношении враждебным.

В 212 г. до н. э. по приказу императора построили прямую дорогу, соединившую вновь созданный в Ордосе округ со столицей империи Цинь. Таким образом, внутренние районы Циньской империи соединились с северными окраинами, что имело не только военно-политическое, но и экономическое значение. Вновь занятые земли были разделены на 34 уезда, в которые направляли переселенцев из внутренних районов страны. Началось строительство новых городов.

В 210 г. до н. э. умер император Шихуанди. На престол вступил молодой император Ху-Хай. Начало его правления в Китае отмечено антиправительственным восстанием. Период правления династии Цинь (221–207 гг. до н. э.) отмечен особо жестоким режимом. В Китае бушевала гражданская война, которая унесла две трети населения.

В 207 г. до н. э. под мощным натиском восставших династия Цинь прекратила свое существование. В 202 г. до н. э. победу одержал Лю Бан, который провозгласил новую династию – Хань (202 г. до н. э. – 220 н. э.). Это был период экономического и культурного расцвета Китая. Во II–I вв. до н. э. в прогрессивном развитии Китая, в активизации его сельскохозяйственной и городской жизни, в развитии ремесел и поднятии политического сознания, главную роль играли политические силы. Все вместе было основной причиной успеха китайцев в борьбе с хуннами.

К рубежу новой эры численность китайцев достигла почти 59,6 млн человек, а хуннов по-прежнему было около 300 тыс., и казалось, силы хуннов и империи Хань несоизмеримы. Так думали правители Китая и их советники. Однако сравнительная сила древности измерялась не только числом жителей. В те времена в Китае преобладал трудолюбивый, но отнюдь не воинственный обыватель. Поэтому китайскую армию комплектовали из преступников («молодых

негодяев») и пограничных племен, для коих Китай являлся порабителем. И хотя Китай имел прекрасных полководцев, боеспособность армии была не велика.

У хуннов же понятия «войско и «народ» совпадали. Хуннский шаньюй Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степняками. Но среди молодых хуннов уже появилось поколение энергичное, предприимчивое и патриотически настроенное. Одним из таких новых людей был Модэ (209–174 гг. до н. э.). У Туманя было два сына. Согласно обычаю, на престол после его смерти должен был вступить старший сын Модэ. Когда же родился сын от второй жены – наложницы, Тумань решил завещать трон ему. Он отдал Модэ в заложники юэчжи (племенам, жившим в Восточном Туркестане – современной западной части провинции Ганьсу). Затем неожиданно напал на юэчжи, надеясь, что они убьют его сына. Задуманный план не удался. Модэ сумел выкрасть коня и бежал обратно к отцу. Восхищенный такой смелостью, под давлением общественного мнения Тумань поручил ему командование десяти-тысячным войском.

Командование туменом и положило начало совершенствованию военного искусства Модэ, его способности править. Модэ ввел в своей армии жесткую дисциплину. Воины научились пользоваться стрелой, издававшей при полете свист. Модэ приказал пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой: невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Как-то, чтобы проверить дисциплинированность воинов, Модэ пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Модэ выстрелил в свою красавицу жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно отрубили головы. Однажды на охоте Модэ направил свистящую стрелу в аргамака своего отца, и не было ни одного уклонившегося. Увидев, что воины подготовлены достаточно, Модэ, следуя за отцом на охоту, пустил стрелу в него, и в ту же минуту воины пустили стрелы в шаньюя Туманя.

Воспользовавшись смертью отца, Модэ покончил с мачехой, братом, старейшинами и объявил себя шаньюем. Это было в 209 г. до н. э. Придя к власти, он взялся за создание первого Хуннского государства, которое в последствии стало мощной державой. Укрепляя повсеместно дисциплину, Модэ начал подготовку к войне с китайцами за освобождение захваченных хуннских земель. Однако в это время произошло ухудшение отношений с дунху, монгольскими племенами, которые стали сильны и достигли своего расцвета. Приведем несколько эпизодов, касательно отношений с дунху, восточными соседями хуннов, которые ярко характеризуют Модэ уже как состоявшегося правителя.

Узнав, что у хуннов произошел переворот, учитывая сложную обстановку внутри создавшегося государства, дунху выслали послов с заверениями в дружбе и в подтверждение тому с просьбой получить в подарок принадлежавшего Туманю коня. Модэ посоветовался со своими сановниками, и те сказали: «Конь, пробегающий 100 ли в день, является драгоценным для хуннов, не отдавай его». Модэ ответил: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него коня?» Он отдал послам коня.

Через некоторое время дунху, полагая, что Модэ весьма стоворчив, отправили послов передать ему, что они хотят получить старшую жену шаньюя. Модэ вновь решил посоветоваться с приближенными, на что те с негодованием ответили: «Дунху не знают правил приличия, а потому требуют жену шаньюя. Нападите на них». Модэ воскликнул: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него женщину?» И он отдал свою любимую жену послам.

Правитель дунху, уверовав в свое превосходство, решил захватить восточные земли хуннов. Между дунху и хуннами лежала брошенная земля, на которой никто не жил. Дунху отправили послов сказать Модэ: «Брошенную землю за пределами твоей заставы, служащую границей между хуннами и нами, хунны не должны посещать, мы хотим владеть ею». Модэ вновь

решил посоветоваться с сановниками, и некоторые из них сказали: «Это брошенная земля, ее можно отдать, а можно не отдавать». Модэ готовился к созданию Хуннского государства, ему нужны были единомышленники. Однако позиция старейшин еще раз продемонстрировала, что в его окружении людей с государственным мышлением совсем не много. С теми, кто родовые интересы ставил выше государственных, разумеется, государства не построишь, но и бороться с ними, стоявшими во главе родов и племен, имеющим сильные военные отряды или даже войска, – непросто. Требовались убедительные действия со стороны Модэ в доказательство того, что эти люди не способны управлять государством. И действия последовали. Сказал: «Земля – основа государства, разве можно отдавать ее? Земля дана каждому народу Великим Тэнгри. Есть земля – есть народ, и можно создать государство», – и всех, советовавших отдать землю, приказал казнить.

Этот эпизод вошел в историю тюрков и прославил Модэ навечно. Можно было отдать коня – богатство, можно отдать даже любимую женщину – поступиться личными интересами, но не под каким предлогом нельзя отдавать землю, даже если она «брошенная». Модэ дал приказ всем хуннским родам, всем воинам срочно явиться на войну, а опоздавшим с явкой на сборный пункт в указанное время рубить головы. С огромным войском Модэ двинулся против дунху и внезапно напал на них. Дунху, пренебрегавшие до сих пор Модэ-шаньюем, не предприняли мер предосторожности: Модэ разгромил дунху наголову, убив правителя и взяв в плен его людей. Остатки племени дунху поселились у гор Ухуань и Сяньби.

В войне с дунху хунны одержали блестящую победу и, развивая успех, напали на северные тюркские племена динлинов. Разгромив их, двинулись к реке Иртыш. Затем направились на восток, одерживая одну победу за другой, и вышли к берегам Тихого океана.

Дав возможность своему народу и войску отдохнуть, Модэ начинает войну против китайцев. Как ни старались разведчики китайцев, так и не смогли узнать ни численности хуннского войска, ни замыслов, ни сроков и места наступления. Войско китайцев по численности в 15–20 раз превосходило хуннов, они в основном были пешими, и самоуверенность китайских полководцев в отношении хуннов была велика. Войско шаньюя Модэ состояло из конницы, было маневренным и мощным. Непосредственно в боях и в ходе войны боевое искусство Модэ раскрылось в полной мере. Обычно, готовя войско, тех, кто послабее, он ставил вперед, а сильных, хорошо вооруженных – по флангам и в резерв. Спустя какое-то время после начала сражения передние, не выдержав натиска, отступали, китайцы, преследуя их, растягивались, терялся порядок и терялось управление войском. Тут-то на них обрушивались с флангов основные, свежие силы шаньюя Модэ и разбивали противника наголову. Как мы уже отмечали, Модэ ввел в ратный арсенал свистящие стрелы. Звуки сотен, тысяч таких стрел, слившись воедино, издавали такой устрашающий вой, что противник уже заранее впадал в панику.

В результате многолетней войны шаньюй Модэ отвоевал у китайцев и вернул хуннские земли Ордоса. Государство его расширилось, и созданная им держава была настолько сильна, что китайцы сравнивали ее с Ханьской империей. В войско в случае необходимости можно было собрать до 300 тыс. лучников. С хорошо подготовленными войсками Модэ пересек границу и начал наступление на Китай.

В 200 г. до н. э. китайский император Лю Бан решил лично нанести поражение шаньюю Модэ. Возглавив огромное войско из 300 тыс. воинов, он двинулся против хуннов. В это время Модэ из Дайгу, где размещались его войска, выслал 100 тыс. всадников, которые должны были завлечь императора Лю Бана в засаду на горе Бейден, расположенной в 17 км к востоку от Пинчэна. Одну часть отборных войск он спрятал вдоль дороги, ближе к горам, другую – в засаде в горах. Высланные навстречу Лю Бану хуннские воины атаковали китайскую армию. Началась битва. Хуннские воины «не выдержали» контратаку китайских войск и стали отступать к горам. Китайские войска во главе с императором устремились за бегущим противником. После того как авангард с императором вошел в ущелье, Модэ пустил из засады всадников, которые

окружили их. Другие отряды, спрятавшиеся вдоль дороги, разбили и отбросили оставшиеся без императора китайские войска. Все это происходило зимой, стояли сильные морозы. Семь дней авангард китайской армии во главе с императором, оторвавшись от основной армии и обозов, находился в окружении без запасов продовольствия. Китайские войска, разделенные надвое, ничего не смогли сделать для спасения императора. Критическое положение вынудило Лю Бана отправить лазутчика с подарками к жене Модэ. Китайский лазутчик добрался до жены Модэ и сумел подкупить ее. Она стала советовать мужу помириться с императором, сказав, что, приобретя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить. Подумав, что на чужой земле не приобретешь ни счастья, ни покоя, Модэ отказался от дальнейшей борьбы и приказал открыть проход войскам императора. Китайские войска вышли и соединились со своими главными силами, а Модэ повернул войска на Ордос.

С выходом Лю Бана из окружения военные действия, тем не менее, не прекратились. Модэ стал часто нападать на Китай с целью грабежа. Непрерывные набеги тревожили императора, поэтому один сановник предложил императору отдать Модэ в жены старшую дочь, послав ему щедрые подарки: «Модэ будет твоим зятем, а родившийся от нее сын – твоим внуком. Внук императора не станет нападать на своего деда и таким образом в будущем удастся не только достигнуть мира, но и подчинить Хунну». Император так и сделал.

Так в 198 г. до н. э. было положено начало унижительному для Китая договору с хуннами, известному в истории как договор о мире, основанный на родстве. Договор «мира и родства» заключался в том, что китайский двор выдавал царевну за Модэ и обязывался ежегодно посылать ему обусловленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань.

Могущество хуннов возрастало. Но военное командование и управление народом возможно лишь при наличии сильного аппарата центральной власти. Эта власть достигалась путем установления государственной собственности на землю и регламентации перекочевков.

Особенность новой социальной структуры, появление которой говорило о возникновении государства, состояла в ее тесной связи с военной организацией. Все земли, принадлежавшие Хунну, оказались под властью шаньюя, раздававшего уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, которые в свою очередь наделяли землей приближенных. За предоставленные участки для содержания скота кочевники несли в отношении государства повинности хозяйственного характера, куда входило обслуживание почтовой связи и т. д., но главной была воинская повинность. Воинами считалось все мужское население. У хуннов все возмужавшие юноши, которые могли натягивать лук, становились конными латниками. Появился и аппарат принуждения. Установленные правила требовали безоговорочной явки воинов на сборный пункт в назначенное время.

Для содержания шаньюя и вельмож требовались средства. Роды и свободные воины были не согласны никому платить, так как в этой уплате они усматривали ущемление своей свободы. Средства поступали с подчиненных племен в виде дани от врагов и в виде военной добычи.

Основным оружием хуннского всадника были лук, копье и меч. Китайские полководцы писали о них так: «Перед решительным наступлением противника хуннские всадники расступаются подобно стае птиц, для того чтобы собраться и снова вступить в бой. Отогнать их легко, разбить трудно, уничтожить невозможно. Хуннский род был патриархальным, т. е. дети принадлежали отцу, а не матери. Женятся они вот так: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли может их содержать. Приданое отдается матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену почитают за старшую и самую милую».

У хуннов были развиты родовая взаимопомощь и общественная солидарность, нарушение которых каралось смертью: «Извлечший из ножен меч на один фут подлежит смерти». При таком строгом законе хунны боялись ссориться друг с другом. «Они редко бранятся между собой и никогда не дерутся, воров у них нет, друг с другом общительны и помогают в беде, даже в пьяном виде не бранятся и не дерутся», – отмечал Бичурин.

Хунны чтили одно божество – Тангри. Они верили в Бога Неба – Тангри и Землю. Небо – отец, добро, а Земля – мать. Хунны, согласно обычаю, три раза в год совершали жертвоприношение в ставке, где при 1, 5 и 10-й луне приносили жертвы духу Неба. В первой луне каждого года все начальники съезжались на малое собрание в ставку шаньюя и приносили жертвы предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжались на собрание, где подсчитывали, проверяли число людей и домашнего скота; обсуждали государственные дела и устраивали развлечения – скачки лошадей и бег верблюдов.

В 195 г. до н. э. император Лю Бан умер. Поскольку его сын, наследник, был малолетним, страной стала управлять императрица Люйхоу – жена Лю Бана.

В 192 г. до н. э. Модэ написал письмо и отправил гонца доставить его императрице Люйхоу. В письме говорилось: «Я одинокий (у Модэ было уже 4 жены) и находящийся от этого в возбуждении государь, родился среди низин и болот, вырос в краю степных волон и лошадей. Несколько раз подходил к границам, желая подружиться с Китаем. Вы, Ваше Величество, сидите одна на престоле, а я, одинокий и возбужденный, не имею никого рядом. Обоим нам скучно, мы лишены того, чем могли бы потешить себя. Хотелось бы поменять то, что имею, на то, чего не имею».

Разумеется, императрица, прочитав это послание, пришла в ярость. Однако помощники успокоили ее, и она составила письмо с отказом, сославшись на свою старость. Между странами по-прежнему продолжались отношения, установленные договором о мире, основанном на родстве.

Тем не менее это не мешало хуннам продолжать набеги (несмотря на Великую стену): они вступали в Китай в 166, 159, 144, 129 гг. до н. э. и доходили до нынешнего Пекина. Устанавливалось равновесие сил между Ханьской оседлой империей и кочевым царством хуннов.

После смерти императрицы Китаем правил император Вэн-ди, который признал Хуннскую державу равной Ханьской империи, а шаньюя назвал братом. Для хуннов это было большим достижением. До сих пор ни один вождь кочевых племен не мечтал сравниться с Ханьским императором.

В 177 г. до н. э. хуннским войскам удалось разбить тюркские племена юэчжей. В результате этой победы хунны присоединили к Хуннскому государству все княжества Восточного Туркестана. На арене истории появилось Великое Хуннское государство, которое простиралось от Восточного Туркестана до Кореи.

Итак, во II в. до н. э. решалась судьба хуннского народа. Если бы не ум и энергия Модэ, хунны истратили бы свои силы в родовых распрях или в бессистемных грабежах и истребительных войнах с соседями, а земли их были бы захвачены. Реформы Модэ, такие как поголовная воинская обязанность, безусловное подчинение начальникам и создание системы чинов, а самое главное, что земля рассматривалась как основа создания государства, – все это консолидировало хуннов и способствовало превращению их в сильнейшее государство Азии.

Шаньюй Модэ умер в 174 г. до н. э. Его потомки преумножили славу Хуннского государства. Политическое и военное искусство, унаследованные от Модэ, еще долго и успешно служили тюркам. Государство Хунну было первым известным нам крупным государством тюрков и просуществовало с 209 г. до н. э. до 216 г. до н. э.

Сын Модэ Гиуй, вступивший на престол под именем Лаошань-шаньюя, получил в наследство мощную державу. Он продолжил ратные дела своего отца, и в частности, борьбу на западе в Восточном Туркестане, в Семиречье, с тюркскими племенами юэчжи, с народом, который заявил о себе в контексте мировой истории.

Изгнание хуннами юэчжей из Западного Ганьсу и его последствия в евразийском мире

Юэчжи – еще один народ туранского мира. Этот этнос появился, гранича на северо-востоке с хуннами, а на юго-востоке – с царством Цинь. Согласно китайской географии того времени, во владении юэчжей находились пустынные земли между Ордосом и оазисом Хами, но, по-видимому, эту территорию они просто захватили, имея базой богатую пастбищами Западную Джунгарию, к которой с севера примыкает Монгольский Алтай.

В 177 г. до н. э. шаньюй Модэ, продолжая войну с племенем юэчжи Западного Ганьсу, нанес им первое поражение.

Его сын и наследник Лаошань (174–161 гг. до н. э.) окончательно победил юэчжей, сделал кубок из черепа их царя и заставил их уйти на запад, вызвав таким образом первый отток народов в Верхнюю Азию, который отмечен в мировой истории.

Некоторые востоковеды предлагали идентифицировать юэчжей с тохарами – народом, хорошо известным греческим историкам тем, что во II в. до н. э. они ушли из Туркестана в Бактрию, а также с индо-скифами; по сути, тохары и индо-скифы – это один и тот же народ в два разных периода своего существования, который считается скифского происхождения, т. е. индоевропейского. Кстати, Густав Халун видит в китайском названии «юэчжи» старое произношение «згуджа», т. е. «скифы». В частности, эта идентификация опирается на тот факт, что в нынешнем Западном Ганьсу, который, по свидетельству китайских историков, в начале II в. до н. э. был родиной юэчжи, Птоломей (в том же временном периоде) отмечал народ «тагури», гору Тагурон и город Тогара. Он же называет такие страны, как Бешбалич, Турфан, Карашар и др. Страбон же упоминает племена тохаров в числе народов, которые отобрали Бактрию у греков-бактрийцев, т. е. в то время, когда китайские историки указывают на появление юэчжей у границ Тахья, т. е. Бактрии.

Прежде чем продолжить тему идентификации юэчжей, следует остановиться на том, что же представляло из себя Бактрийское царство в древности.

Бактрия – область, славившаяся в ту пору плодородием, находилась к северу от Афганистана и соседних с ним территорий (ныне территория Афганистана и частично Узбекистана и Туркмении). При Ахеменидах была сатрапией, оказавшей упорное сопротивление Александру Македонскому, который покорил ее в 329 г. до н. э. В середине III в. до н. э. Диодот I основал здесь царство, независимое от Селевкидов (македонская династия); его преемник Эвтидем I (правил ок. 235–200 гг. до н. э.) вынужден был признать своим сюзереном Антиоха Великого, а Менандр (правил в 155–130 гг. до н. э.) завоевал территорию современного Афганистана, часть Пакистана и Туркестана.

Такова была история Бактрии до юэчжей. Однако вернемся к вопросу их идентификации.

По нашему мнению, существует убедительный аргумент за то, что юэчжи в китайских хрониках – это «тохары» греческих историков, «тукара» в санскритских текстах и будущие индо-скифы римской эпохи. Кстати, оазисы Северного Тарима, которые, несомненно, были если не исконной страной юэчжей, то, во всяком случае, частью территории родственных им племен, а в Турфане, Карашаре и Куче еще в Средневековье (V–VIII вв.) говорили на индоевропейских языках, которые лингвисты совсем недавно называли «тохарийскими», а сегодня согласились считать «кучийским», «карашарийским» и т. д.

Таким образом, очевидно, что индоевропейские племена на заре истории ушли далеко на восток. Тот факт, что Западная Сибирь, возможно даже район Минусинска, была населена до новой эры скифо-сарматскими народами, и также то, что на обоих склонах Тянь-Шаня, со стороны Ферганы и Кашгара, в ахеменидскую эпоху жили саки, говорившие на восточно-иранском языке, подтверждает эту гипотезу. Значительная часть нынешнего Восточного Тур-

кестана была населена индоевропейской, либо восточноиранской (Кашгар), либо тохарийской расами (Куча, Ганьсу), таким образом, юэчжи должны относиться к последней ветви.

Но сведения из китайской истории указывают на первые пертурбации индоевропеизма в этих крайних точках: хунны наносят серьезное поражение юэчжам, затем вынуждают этот народ уйти из Ганьсу на запад, через северную часть Гоби (165 г. до н. э.), лишь часть юэчжей («маленькие юэчжи», как их называли китайцы – «сяо юэчжи») обосновалась на юге Тянь-Шаня, среди кьянгов, или тибетцев, язык которых двести пятьдесят лет спустя они сделали своим. Другая часть юэчжей («большие юэчжи», или «та юэчжи»), пройдя через Гоби, пыталась остановиться в долине Или и в бассейне Иссык-Куля, но их сразу прогнали усунь. Усуней китайские историки описывают как людей с голубыми глазами и рыжей бородой. Ярл Карпентьер связывает имя «усунь» с именем «асианой», или «асионы», второе название сарматского племени аланов, т. е. он видит в них предков или сородичей аланов. Если принять эту гипотезу, тогда получается, что часть усуней, по тем же причинам, что юэчжи и хунны, ушли в направлении Южной России, где несколько раньше сарматов начали вытеснять скифские племена.

Как бы то ни было, юэчжи, которых изгнали из Ганьсу хунны, пытались вначале закрепиться в долине р. Или, но местное население, усунь (возможно, ветвь прототюрков), оказало сопротивление. Тогда юэчжи перешли Ферганскую долину в Согдиане, где они разрушили Греко-Бактрийское царство, последний осколок империи Александра Македонского. По нашим сведениям, это – первое крупное, исторически установленное переселение народа, сопоставимое по масштабу с другими, которые имели место в истории. В этом практически заключается весь событийный ряд великих завоеваний. Юэчжи продолжили их, покорили илийских усуней и совершили грандиозный поход. На юге они столкнулись с китайцами. Но те, к их счастью, переживали в это время эпоху процветания и могущества.

В районе нынешнего Ташкента, в Фергане и Кашгаре жил народ, известный под именем ссеи, персам и индусам – под именем сака, грекам – саки, т. е. «азиатские скифы». Речь идет о ветви большой скифо-сарматской группы, кочевниках-иранцах северо-западных степей. Язык, приписываемый им, – сакский, много текстов на котором, датированных ранним Средневековьем, обнаружено в Хотане, по сути – это диалект восточноиранского.

Появление юэчжей среди сакских племен вызвало общее смятение. Под давлением юэчжей саки вторглись в Согдиану, затем в Греко-Бактрийское царство.

Между 140 и 130 гг. Бактрию действительно отвоевали кочевые племена, самыми известными из которых Страбон называет асианоев, пасианоев, тохараев и сакаралаев, пришедших из стран севернее Яксарга (Сырдарья). Точная идентификация этих племен невозможна.

Как сказано выше, Карпентьер считал сианоев усунями из бассейна Или; сакаралаи, или сакараи – это, возможно, древнее племя саков; тохары – основа народа юэчжи.

В 128 г. до н. э. китайские историки уже считали юэчжи покорителями Согдианы («страны к северу от реки Вей», т. е. Окса – Амударья), и, по свидетельству «Цяньханьшу» («Истории Старшей династии Хань», составленной Бань Гу в I в. н. э.), их столицей был город Кьеньше, из названия которого Ханеда Тору фонетическим путем выводит слово Канда, сокращенное от Мараканда, или Самарканда. Китайские историки добавляют, что юэчжи подчинили себе Бактрию. Возникает вопрос: были ли властители Бактрии, покоренные народом юэчжи, бактрийскими греками, которых саки еще не изгнали, или же это были сами саки? Многие востоковеды полагают, что вскоре после этого, около 126 г. до н. э., юэчжи, не довольствуясь ролью сюзеренов Бактрии, перешли Окс и фактически заняли эту провинцию. При этом они ссылаются на отрывок из «Хоуханьшу» («Истории Младшей династии Хань»), где описывается, как юэчжи переселяются в Бактрию и делят эту страну между пятью вождями («ябгху»). В более поздней книге «Цяньханьшу» упоминается, что «люди Тахья» (т. е. бактрийцы) не имели выдающихся вождей, у них были мелкие правители городов или селений, и в целом это был тихий и боязливый народ (т. е. никак не греческие авантюристы), что с появлением

нием юэчжи они подчинились пришельцам. Это довольно расплывчатые сведения, хотя существует другой, более четкий документ в «Хоуханьшу» («История Младшей династии Хань»), который гласит, что в 84 г. до н. э. китайский генерал Бань-Чао потребовал от царя юэчжей оказать почести царю Согдианы. Таким образом, в то время Согдиана и страна юэчжей были раздельными, поэтому последних следует искать, скорее всего, южнее, рядом с Бактрией. Значит, после недолгого пребывания на северном берегу Окса племена юэчжей переправились через реку и вытеснили саков. Однако историк Тарн прямо указывает на то, что именно юэчжи отобрали Бактрию у греков. В любом случае это был толчок к большому передвижению народов через Восточный Иран. Саки, отброшенные на юг племенами юэчжей, захватили Дрангиану (Систан) и Аракозию (Кандагар). С тех пор эти провинции стали называться «сакской страной», Сакастан, отсюда персидское название Систан.

С этих мест кочевники ринулись на Парфянскую империю и едва не разгромили ее.

Здесь следует сделать небольшое отступление и более подробно остановиться на македонской династии Селевкидов и Парфянской империи.

Селевкиды правили на Ближнем и Среднем Востоке с 312 г. до н. э., когда Селевк I, полководец Александра Македонского, присоединил к Вавилону Мидию и Сузиану. Затем его империя начала расширяться: он занял Сирию, основав там в 300 г. до н. э. Антиохию, а после победы над Лисимахом (281 г. до н. э.) овладел всей Малой Азией.

Преемники Селевка утратили контроль над Сирией и Малой Азией, которые затем несколько раз переходили из рук в руки, и на Востоке была основана Парфянская империя.

Традиционно основанием Парфянской империи считается 247 г. до н. э., когда Аршан I поднял восстание против Селевкидов. К концу II в. до н. э. она охватывала территорию от реки Ефрат на западе до Афганистана на востоке. К середине I в. до н. э. – период расцвета империи – территория государства простиралась от Двуречья до реки Инд. Парфяне были основными соперниками Рима на Востоке: в 53 г. до н. э. парфяне в битве при Каррах разгромили римского полководца Красса.

Что касается дальнейшей истории династии Селевкидов, то в годы правления Антиоха III (223–187 гг. до н. э.) был вновь установлен контроль над Сирией и Малой Азией, ему также удалось вернуть Палестину, но, завоевав Фракию и вторгшись в Грецию, он столкнулся с Римом. При Фермопилах Антиох III потерпел поражение и в 188 г. до н. э. заключил мир, по условиям которого уступил Малую Азию римлянам. После этого Селевкиды утратили свое влияние.

Но вновь обратимся к 125 г. до н. э., когда парфянский царь Фраат II, которому в Мидии угрожали Селевкиды в лице сирийского царя, имел неосторожность обратиться за помощью к варварам. Те не замедлили явиться, но скоро повернули оружие против Фраата, который был побежден и убит (128 или 127 г. до н. э.). Новый парфянский царь Артабан II получил смертельную рану во время контрнаступления на тохарийцев (124 или 123 г. до н. э.), и этот факт доказывает, что юэчжи из китайской истории, если они действительно соответствуют тохарам из греческой истории, в то время уже обосновались в Бактрии и называли ее Тохаристан.

Парфянский царь Митридат I (128—88 гг. до н. э.) сумел остановить натиск кочевников и даже стать сюзереном саков Сейстана. Тем не менее в 77 г. до н. э. сакаралаи были достаточно сильны в Иране, чтобы снова посадить на парфянский трон своего протеже по имени Синатрук или Санатроик, который впоследствии захотел стать их предводителем и погиб в борьбе с ними (70 г. до н. э.).

Истории Ирана и Индии было суждено следовать судьбам саков и юэчжей в этих регионах. Стоит напомнить, что из Систана и Кандагара саки распространились в районы Кабула и Пенджаба, затем, когда эти земли захватили юэчжи, пришли в Мальву и Гуджерат, где сакские сатрапы продержались до IV в. Что касается бактрийских юэчжей, китайские историки свидетельствуют, что в I в. они основали знаменитую династию Кушанов. С того времени их могущество резко возросло. Соседние царства называли их «кушаны», только хунны попреж-

нему называли их «юэчжи». Эти кушаны были одним из пяти кланов, которые в 128 г. до н. э. поделили между собой Бактрию.

Хунны – главный противник империи Хань

Китай провозгласил политику, от которой с тех пор не отступал: речь идет о гибком сочетании политических и военных действий. Будучи прирожденными мастерами интриг, жертвой которых нередко становились тюрки, китайцы непрестанно разжигали распри и натравливали друг на друга членов императорских семейств, вдохновляли бунтовщиков – словом, сеяли смуту в их рядах. Китайцы пытались, правда с меньшим успехом, привлечь на свою сторону юэчжей, однако те оставались глухи к китайским сладкоголосым сиренам.

Лаошань-шаньюй, принимая и хорошо обеспечивая жизнь китайских специалистов–перебежчиков (по примеру своего отца), с их помощью усовершенствовал государственное делопроизводство. Начали регулярно вести перепись населения, упорядочилось обложение налогами вассальных народов и т. д. От торговли с Китаем у хуннов появились китайские товары, лакомства и хлеб, но правительство Китая держало торговлю в своих руках. Недостаточное количество тканей и хлеба, получаемых от торговли с Китаем, толкало хуннов к войне. И она не заставила себя долго ждать. В 166 г. до н. э. Лаошань-шаньюй пошел войной на Китай со 140-тысячной армией. Захватив множество пленных и имущества, он сжег летний дворец императора и с богатой добычей покинул Китай, разграбив всю восточную границу. В 162 г. до н. э. император Ван-ди запросил мира. Для Китая этот мир был позорным. Китай обязывался ежегодно отправлять в Хунну «известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей». Это была завуалированная дань.

Лаошань умер в 161 г. до н. э., и на престол сел его сын Гюньчень, который старался сохранить мир с Китаем. В 152 г. до н. э. был заключен договор, по которому пограничные рынки открывались для свободного обмена и, сверх того, шаньюю была отдана в жены китайская царевна с большой данью. Это был год наивысшего могущества хуннов. Теперь они доминировали в Восточном Гоби, в Верхней Монголии, где резиденция шаньюя находилась недалеко от Каракорума, в Орхоне, а так же во Внутренней Монголии, у подножья Великой стены. Тем не менее их конные отряды, продолжали совершать дерзкие набеги на китайские земли.

В 142 г. до н. э. хунны атаковали Великую стену со стороны Йеньмэня вблизи Татона, к северу от Шэньси. Вся китайская граница была объектом нападений, когда на ханьский трон сел выдающийся император У-ди (140—87 гг. до н. э.). С приходом к власти он сразу начал готовиться к войне с хуннами. Вначале он хотел применить хитрость: заманить хуннов в засаду через китайского лазутчика, втершегося в доверие к шаньюю, но замысел императора был раскрыт хуннами. Тогда император направил своего приближенного Чжань Цяня с заданием убедить юэчжи напасть на хуннов одновременно с китайскими войсками. Хунны узнали об этом через своих шпионов и в ответ вторглись в китайские северные провинции, разбили войско, разграбили всю местность и увели с собой пленных. Что касается юэчжи, то они были довольны своим новым царством в Бактрии, и дела Гоби их больше не интересовали.

У-ди начал войну в одиночку. Его генерал Вей-Цинь, выйдя с войском из Татона (129 г. до н. э.), в северной части Шэньси, пересек Гоби, дошел до Лоня на берегу Онгинь-гола и обратил хуннов в бегство. В 127 г. до н. э. китайцы создали военную колонию, построив новую крепость Шо-Фан, на Хуанхэ, между Ордосом и Алашанем.

Зимой 126 г. до н. э. умер Гюньчень-шаньюй, внук Модэ. Он не уронил достоинства державы, созданной его дедом, и выдержал шестилетнюю войну с противником, который был во много раз сильнее. На престол сел его брат Ичиси-шаньюй. Он удачливыми набегами разрушил и разграбил северные провинции и области Китая, а в 125 г. до н. э. шаньюй ворвался в Ордос, но не смог его удержать.

В 121 г. до н. э. племянник Вей-Циня, юный полководец Хо-Цюй-Бин, с отрядом в 10 тыс. всадников изгнал хуннов из Ганьсу. Обе второстепенные орды хуннов, которые владели этой

страной – орда хуэнь-си с центром в Ганьчжеу и орда хьеу-чу с центром в Ланьчжеу, – отказались служить шаньюю и перешли на службу Империи, став членами китайской федерации к северу от земель Наньшань.

Тем временем У-ди готовился к новому наступлению на хуннов.

В 119 г. до н. э. Вей-Цинь и Хо-Цюй-Бин – первый из района Кукуото в северной части Шэньси, а второй из Чаньку, северо-западнее Пекина, – прошли через Гоби до Внешней Монголии, т. е. до центра Хуннской империи. Очевидно, Вей-Цинь дошел до нижнего течения Онгинь-гола, захватил врасплох шаньюя Ичиси и обратил его в бегство. 19 тыс. хуннов были убиты или попали в плен. Хо-Цюй-Бин совершил еще более дерзкий марш: на 1000 км проник во Внешнюю Монголию до верховьев Орхона. Он взял в плен около сотни хуннских вождей и совершил торжественные жертвоприношения в горах хуннской страны. (Хо-Цюй-Бин умер в 117 г. до н. э., вскоре после возвращения из похода.)

Хунны вынуждены были оставить Инышань и отступить за песчаную пустыню. Границей между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби. Китайцы, учитывая важность одержанной победы, поспешили закрепиться на завоеванной территории. Император У-ди вновь начал набор войска и лошадей для нового похода на хуннов.

В 114 г. до н. э. умер Ичиси-шаньюю, и власть перешла к его сыну Увею.

В 108 г. китайский генерал Чао-По-Ну пошел еще дальше на северо-запад – до царств Леулань, Лобнор и Кью-Че. Он пленил царя Леуланя и сделал своим вассалом правителя Кью-Че. К тому времени Китай установил торговые связи с Ферганой (Даюнь в китайской транскрипции), где жили восточные иранцы, или саки (родственные скифам-кочевникам), которые поставляли китайцам лошадей лучших мавераннахрских пород.

В 105 г. до н. э. ферганцы, уставшие от поборов, убили китайского посла. В 102 г. до н. э. китайский генерал Ли-Куань во главе 60-тысячной армии совершил беспрецедентный в истории марш-бросок на Фергану. Правда, когда он дошел до Ферганы, у него оставалось только 30 тыс. воинов. Он разрушил столицу – возможно, город Усрушна (нынешний Ура-Тюбе), в том числе ирригационные каналы, и ушел только после того, как получил дань в виде 3 тыс. лошадей. Надо отметить, что кампании китайцев в Фергану имели целью не территориальные завоевания. Им было нелегко сражаться с грозной конницей хуннов и их искусными лучниками, которые на своих низкорослых монгольских лошадях (лошадь Пржевальского) периодически вторгались в Китай. У китайцев были такие же лошади, хотя всадники уступали кочевникам. А в Фергане, как и в соседней Согдиане, были настоящие боевые кони, как ранее было сказано, мавераннахрской породы, возможно, именно таких греки увидели в Мидии и назвали их «нисейскими». Поэтому китайцы решили пересадить часть своей конницы на этих лошадей, чтобы получить превосходство над хуннами.

Разумеется, император понимал, что главная проблема – хуннская – еще не решена. Советники представили У-ди оригинальный план борьбы с хуннами: они предложили привлечь на сторону Китая тюркские племена усуней (поселившихся в Восточном Туркестане), опираясь на них, склонить к подданству Бактрию и другие владения на западе и этим отсечь «правую руку хуннов».

Но усунь были вассалами хуннов и по образу жизни тяготели к ним, а согдийские владельцы несравненно приветливее принимали хуннских послов, чем китайских. Для того чтобы воздействовать на них, Китаю было необходимо ублажать их. И в 107 г. до н. э. китайцы привезли в жены усуньскому вождю (йабугу) китайскую царевну. Китайка, времени не теряя, создала прокитайскую группировку, которая и после ее смерти продолжала существовать, реализуя планы У-ди на западе. Семь лет готовился император У-ди к новой войне.

В 101 г. до н. э. талантливый вождь хуннов неожиданно умер, и наследником престола оказался младенец – внук покойного. Однако время требовало энергичного правителя, посему

на курултае был избран один из низших принцев крови – Цзюйдихэу, который спустя некоторое время умер и на престол взошел его сын Хулугу.

Хулугу получил сведения о готовящемся наступлении китайской армии. На помощь шаньюю пришли енисейские тюркские племена динлины, монгольские племена сяньби, забайкальские племена тоба и др. Кстати, согласно археологическим данным, в Забайкалье найдено немало предметов, оставшихся от хуннов и обнаруженных в могилах Дерестуйска, датируемых (по китайским монетам) примерно 118 г. до н. э., и в захоронениях под Читой, также относящихся ко II–I вв. до н. э. Забайкалье представляло собой хуннский тыл, где черпали свои резервы орды, угрожавшие Китаю в районе излучины Ордоса.

Итак, Восточная Азия разделилась на два лагеря. И лишь усунь не приняли участие в предстоящей войне, внутри усунь китаефилы боролись с хуннофилами.

Первым этапом китайская армия двинулась с запада в Джунгарию. Но китайский удар ничего не достиг, и на этом закончились действия западной армии.

Восточная армия углубилась в степь и в горы, но когда припасы закончились и китайская армия повернула назад, ее атаковали и изрядно потрепали хунны. Так закончилась восточная операция.

Основные силы Хулугу направил навстречу главной армии. Китай потерпел небывалое поражение, которое перечеркнуло все достигнутые до этого успехи в борьбе против хуннов. От этого разгрома Китай долго не мог оправиться. Хунны в 90 г. до н. э. вновь стали хозяевами Восточной Азии. Их победа оказала влияние на ход развития мировой истории – хунны не допустили заселения китайцами Великой степи.

Согласно китайским источникам, Хулугу в 89 г. до н. э. отправил У-ди письмо следующего содержания: «На юге есть великое государство Хань, а на севере могущественные хунны. Хунны – это любимые сыны Неба (Тэнгри), поэтому не обременяю себя мелкими правилами приличия. Ныне я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также остальное, согласно прежнему договору, и в этом случае на границах не будет больше взаимных грабежей». Источники не уточняют, каков был ответ императора, но война не возобновилась, а в 87 г. до н. э. император У-ди умер.

В последующие времена хунны и китайцы, не вступая в открытую войну, оспаривали власть над северными оазисами Тарима, т. е. контроль над Великим Шелковым путем.

Что же касается послевоенного периода, то среди хуннов увеличилось количество китайского населения: то были пленные и перебежчики, воры и преступники, набранные на войну. Среди хуннской знати стали появляться прокитайские группировки. Женившись на китайках, хуннские дети получали китайское воспитание, тяготели к китайской культуре и больше думали не о войне, а о дружбе с Китаем. Китайское правительство внимательно следило за политической ситуацией внутри государства Хунну.

В 85 г. до н. э. умер шаньюй Хулугу, его распоряжение о престолонаследии было нарушено не без помощи прокитайских придворных: вместо западного принца на престол был посажен восточный – Хуаньди, по сути марионетка в руках прокитайской группировки.

В 77 г. до н. э. царь Леуланя (правитель Лобнора) вступил в союз с хуннами и взбунтовался против китайского владычества, но он был обезглавлен, а в его стране появилась китайская колония. При ханьском императоре Сюаньди (73–49 гг. до н. э.) имела место решительная экспансия Китая в бассейне Тарима. Император заявил: «У ханей есть свой закон – это закон завоевателей!» В 71 г. до н. э. китайский генерал Чань-Хуэй помог усуням долины Или в борьбе против хуннов. Дело в том, что усунь начали активно ориентироваться на Китай. Хунны потребовали от усуней, своих вассалов, прекращения связей с Китаем. Император Сюаньди с

восторгом принял предложение усуней о военном союзе и нападении на хуннов. Китай мобилизовал на эту кампанию 160 тыс. легких конников, и хунны не устояли.

В 67 г. царство Турфана (Кью-Че), бывшее союзником хуннов, захватил китайский генерал Чень-Ки. В 65 г. другой военачальник, Фон-Фон-Ше, сверг царя Яркенда и поставил оазис под китайский контроль. В следующем году китайский гарнизон был вынужден уйти из Турфана, который тут же попал под влияние хуннов, но в 60 г. Чень-Ки снова оккупировал это царство. Он создал крупный военный лагерь в Курлей, к югу от Карашара, и стал управлять Таримом из Улэй – между Карашаром и Кучей. Так китайцы лишили хуннов контроля над Шелковым путем. Начиная с 60-х гг. до н. э., кочевников раздирали гражданские войны.

Пока хунны терпели поражения, внутри государства шла мощная политическая борьба за власть, в результате которой всколыхнулись все хуннские племена. Борьба антикитайской и прокитайской партий не затихла. У Грумм-Гржимайло мы находим: «В Хуннской империи объявили себя шаньюями сначала два вельможи. Из восточного крыла Хуханье и из западного – Чжичи. Впервые хунны стали вести войну друг против друга. Некоторые роды, чтобы не участвовать в братоубийственной войне, откочевали поближе к китайской границе. В такой междоусобице появились новые претенденты, которые стали объявлять себя шаньюями. Но, усилившись в ходе междоусобной войны, западный князь Чжичи напал на Хуханье и обратил его войско в бегство, захватив его ставку в Хангае».

В 51 г. до н. э. Хуханье лично явился к китайскому двору просить помощи у императора Сюаньди, объявив себя его вассалом. Начиная с 49 г. до н. э., благодаря китайской поддержке, он одерживал победы над соперником и в 43 г. стал победителем в междоусобных спорах на Орхоне. В 33 г. до н. э. он снова обратился к Сыну Неба и получил высшую награду, о которой мечтали все тюрки: руку китайской инфанты.

А проигравший Чжичи оставил старую Монголию своему сопернику, вассалу Китая, и ушел на запад, в Туркестан (44 г. до н. э.). По пути он разгромил илийских усуней, подчинил своей власти племена хукье и кьенку аральских степей и даже согдианцев кьянь-кью которые имели неосторожность помочь ему, а затем разбил свои лагеря в степях Чу и Таласа. Это была попытка создать свою большую империю хуннов на западе. Но китайцы не дали ему времени для укрепления. В 36 г. до н. э. генерал Чань-Тан совершил молниеносный бросок на берега Чу, пленил Чжичи и обезглавил его (36–35 гг. до н. э.). После этого теряются следы хуннов, которые ушли на Арал. Об этих западных хуннах не было долгое время исторической хроники, так как не соседствовали они с какой-нибудь крупной цивилизованной нацией, какой был Китай для восточных хуннов. Вплоть до конца IV в. они были потеряны во времени, и лишь в 370–375 гг. западные хунны вновь вышли на арену истории: их потомки перешли Волгу и Дон и вторглись в Европу. Эти хунны появились в мировой истории, но уже под именем гуннов, введомых Аттилой.

Что касается Хуханье, то он завладел всей территорией хуннов. В Хуннской державе воцарился мир под покровительством Китая, с которым был заключен договор, гласящий, что «дома Хань и Хунну равноправны». Тем временем Усунь продолжали раздирать распри, и она была уже не опасна для китайского правления на западе.

С середины I в. до н. э. у хуннов, как этнической системы, начался раскол.

Ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против хуннов окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Весьма распространено, особенно среди западных историков, предвзятое мнение, что хунны были дикими, обижавшими своих трудолюбивых соседей. И так, прежде всего отметим, что хунны стремились не к территориальным захватам, а к организации обменной торговли с Китаем на паритетных началах. И даже Модэ, захватив Шэньси, о чем говорилось выше, заключил с китайским императором договор «мира и родства» без каких-либо территориаль-

ных посягательств, основываясь на том, что, захватив китайские земли, хунны не смогли бы на них жить. Но свои земли они защищали отчаянно и, потеряв Иньшань, «плакали, проезжая мимо него».

Поскольку территория, населенная хуннами, была, скорее, удобна для кочевого скотоводства, но не для земледелия, то они, как и все кочевники, нуждались в хлебе и тканях. Легче всего это было получать из Китая путем меновой торговли, на что очень охотно шло китайское население, но между народами встало ханьское имперское правительство. Императору требовались средства на содержание армии, чиновников, и правительство взяло торговлю с хуннами в свои руки, вследствие чего хунны стали получать значительно меньше тканей и хлеба, чем им было нужно. Хунны на это ответили войной и к 152 г. до н. э. добились открытия рынков меновой торговли.

В 133 г. до н. э. китайцы возобновили войну и, пользуясь численным перевесом, оттеснили хуннов на север пустыни Гоби. Однако попытка покорить хуннов закончилась в 90 г. до н. э. полным разгромом китайской экспедиционной армии.

Новое наступление Китая на хуннов, начавшееся в 72 г. до н. э., проводилось путем дипломатии: китайцы сумели внести раскол в кочевые племена и поднять против хуннов их соседей.

Междоусобица, вспыхнувшая среди самих хуннов в 58 г. до н. э., облегчила победу Китая. Один из претендентов на престол вступил в союз с Китаем, а прочие погибли. Хунны в 51 г. до н. э. признали верховную власть Китая.

В 36 г. до н. э. отряд ханьцев, преследуя хуннского князя, натолкнулся около города Талас на странных воинов, которые сдвинули высокие четырехугольные щиты, выставили короткие копья и пошли в атаку на китайцев. Те удивились, посмеялись и расстреляли сомкнутый строй из тугих арбалетов. По выяснению оказалось, что побежденные были римскими легионерами из легиона, сдавшегося парфянам при Карра, где погиб триумвир Красс, о чем упоминалось ранее. Парфяне перевели пленных на свою восточную границу и при первой же надобности отправили их выручать своего хуннского друга и союзника.

Большой удачей для Европы было то, что китайцы не добрались до нее на рубеже новой эры. А ведь могли, если бы их не задержали хунны, главный противник империи Хань.

Судя по археологическим находкам, у хуннов было очень оригинальное искусство – в основном пряжки и пластины для пояса, застежки и пуговицы из бронзы со стилизованными анималистическими мотивами или с характерными плавными окончаниями узора. Его часто называют «ордосским искусством» по названию племени, которое жило в излучине Желтой реки, к северу от Шаньси, где обнаружено особенно много находок. Впрочем, это – всего лишь ответвление стилизованного анималистического искусства степей, пропитанного ассирийско-иранскими и греческими элементами в Южной России, а в районе Ордоса – близкого к китайской эстетике. По многим деталям – сражения оленей, лошадей, тигров, медведей, фантастических животных, а также концы рукояток, выполненные в виде оленьих и ланьих голов, – ордосское искусство напоминает минусинское, хотя и превосходит его в богатстве фантазии.

Искусство хуннов и Ордоса такое же древнее, как и скифское. Шведский археолог Арне относил ордосскую бронзу к началу III в. до н. э. и даже ко второй половине IV в. до н. э. Японский археолог Умехара считает, что ордосское искусство оказало большое влияние на формирование китайского стиля «Воинственных царств», который находился в расцвете в V в. до н. э. Шведский востоковед Калгрэн отодвинул зарождение упомянутого китайского стиля еще дальше – до 650 г. до н. э. Многие ученые согласны с тем, что влияние ордосского искусства является одним из факторов, которые, наряду с законами внутренней эволюции, обусловили переход от так называемого стиля Среднего Чжеу с его архаической китайской бронзой к стилю «Воинственных царств».

Основные места находок, принадлежащих хуннам, располагаются от Байкала до границы Хэбэй, Шаньси.

Если большая часть «ордосской бронзы», т. е. бронзы хуннов Внутренней Монголии, относится к эпохе «Воинственных царств» (V–III вв. до н. э.), то же самое искусство продолжало процветать и во Внешней Монголии во времена Ханей (начало II в. до н. э. – начало III в.), о чем свидетельствуют находки в Ноин-Ула и многочисленные бронзовые пластинки с изображением многоголовых животных той же эпохи, а также китайские бронзовые пряжки с хуннскими мотивами, скопированные с ордосских моделей ханьскими художниками.

Что касается следующей эпохи – эпохи «Шести Династий» (IV–VI вв. н. э.), – влияние ордосского искусства чувствуется и в некоторых китайских бронзовых пряжках с «тяжелым» извилистым анималистическим орнаментом, переходящим в чистую «химеру». С другой стороны, бронзовые предметы в Западной Сибири до IX в. н. э. сохраняют характерные черты древнего анималистического стиля степей. Это же искусство можно проследить вплоть до онгутов времен Чингисхана в небольших несторианских бронзовых предметах – кресты, голубки и «параклеты», в изобилии встречающиеся в Ордосе и соседних районах.

Завершая этап истории тюрков длиной в десять веков, следует отметить, прежде всего, огромное влияние первой «хуннской волны» на судьбы народов Евразии. Последствия изгнания хуннами народа юэчжей из Западного Ганьсу докатились до порога Передней Азии и Индии. Эллинский мир потерял Афганистан, последние остатки завоеваний Александра Македонского в этом регионе. Парфянский Иран покачнулся, и изгнанные из Ганьсу племена основали империю с центром в Кабуле, включавшую в себя северо-западную часть Индии – Кушанскую империю, появления которой никто не ожидал. Так же будут развиваться дальнейшие события в пределах интересующего нас отрезка истории. Малейший толчок на одном конце Великой степи вызывал бесконечные, самые непредсказуемые последствия во всех четырех уголках этой огромной зоны миграции, и вся история тюрков тому подтверждение.

Древние тюрки I–V вв

Этносы, как люди и животные, рождаются, стареют и распадаются на части, которые затем образуют новые комбинации, т. е. новые этносы.

Еще в I в. до н. э. начались внутренние процессы, расколовшие державу хуннов на четыре ветви. Часть их подчинилась Китаю, другая – отступила с боями на запад.

Одна из них, наиболее неукротимая, отошла через степи современного Казахстана в междуречье Урала и Волги в поисках новой родины. Вторая осела в Тарбагатае и овладела Семиречьем, после чего не раз удивила Азию своими подвигами. Третья, наиболее инертная, осталась на родине и смешалась с победителями. Наконец, четвертая ветвь осела по обе стороны Великой стены, в Шэньси, Ордосе и Алашани. Именно эта ветвь взяла на себя инициативу восстановления былой хуннской славы.

Хань и Хунну были естественно возникшими этносами, органически связанными с ландшафтами своих стран. Разница была лишь в возрасте. «Хань – мощный мудрый пожилой человек, еще не потерявший силы и воли; Хунну – юноша, для которого все впереди» – так определил особенности этих двух этносов Гумилев.

В начале I в. отношения хуннов с китайцами были стабильными: последние даже старались приобщить хуннов к китайской культуре и хорошими деньгами привлечь к военной службе. Однако и хунны и китайцы понимали: хотя надо стараться жить мирно, но, тем не менее, порознь. До тех пор пока китайская власть в Степи была номинальной, мир сохранялся.

В I в. н. э. на императорский престол вступил малолетний Пин-ди. Регентшей была объявлена императрица, но фактическим правителем стал фаворит Ван Манн, который, узурпировав власть, круто изменил внешнюю и внутреннюю политику Китая. Прежде всего, он объявил о конце Старшей Ханьской династии и начал проводить реформы. Он имел неограниченную власть, такой власти не имели даже императоры, которые все-таки считались с законами своей страны. В I в. гражданские войны потрясли государственную систему Китайской империи. Согласно хроникам, «голодные поедали друг друга, убитых насчитывалось несколько сот тысяч, столица превратилась в развалины».

Что касается политики Ван Манна по отношению к хуннам, то Бичурин по этому поводу писал следующее: «В отношениях с хуннами Ван Манн повернул так же резко, как внутри страны. Преисполненный высокого мнения о своей власти, он задумал перевести шаньюя в ранг пограничного вассального князька. Для этого нужно было сменить государственную печать шаньюя, где вырезаны слова: „Государственная печать хуннского шаньюя“. По распоряжению Ван Манна шаньюю сделали другую печать, которая выдавалась в Китае удельным князьям и высшим чиновникам. Приняв ее, шаньюй перестал быть независимым государем».

В 9 г. посол Китая объявил шаньюю Учжюлю о смене династии и необходимости поменять старую печать на новую. Обманным путем у шаньюя забрали печать и вручили новую, тем самым обязав его принять новое назначение, угодное императору. Позже, когда посол отбыл в Китай, шаньюй послал 10 тыс. всадников на границу. К его войску присоединились взбунтовавшиеся западные кочевые племена, и все они обрушились на пограничные гарнизоны. Началась война.

Ван Манн решил хитростью ослабить силы хуннов, предложив каждому из хуннских князей титул шаньюя, взамен на предательство, но князья не пошли на измену. В ответ на интриги Ван Манна шаньюй отказался признать его императором. Гумилев писал: «Разгневанный Ван Манн приказал мобилизовать 300 тыс. ратников и загнать хуннов в Саянские горы. Опытные китайские полководцы предлагали вести борьбу мобильными отрядами, громить хуннские кочевья и угонять стада – материальную базу противника, но Ван Манн никого не слушал.

Сбор войск и провианта продолжался, а хунны тем временем нападали, грабили, срывая возможность похода». Таким образом, поход Ван Манна против хуннов не состоялся.

После смерти в 13 г. Учжюлю прокитайские сторонники пытались сориентировать политику хуннов на мир с Китаем, однако новый шаньюй Хань, сын которого был казнен Ван Манном, не стал мешать войне в Степи, которая вспыхнула с новой силой.

В 17 г. в Китае произошло народное восстание. Основной причиной народного движения были невыносимые условия жизни, созданные реформами Ван Манна, и, как следствие, голод. К 21 г. весь восток Китая был охвачен восстанием, а северная граница разграблена хуннами.

Восставшие выкрасили брови в красный цвет, чтобы отличить своих воинов от воинов Ван Манна. Хунны поддержали «краснобровых» во главе с Лю Пен-Цы: восставшие одержали победу, столица была взята, убиты Ван Манн и император. С большим трудом в 25 г. царевичу Лю Сю, из дома Хань, удалось разбить Лю Пен-Цы, после чего он принял императорский титул Гуан У-ди и начал новую династию – Младшую (или Восточную) Хань. Несмотря на гражданскую войну, Китай оставался силен по-прежнему.

В 30—40-х гг. хунны активизировали набеги на Китай, они стали тревожить уже внутренние области Китая. В эти годы хунны восстановили границу, установленную еще Модэ.

Китайцы были серьезно обеспокоены – как спасти Китай и династию Хань.

Около 48 г., в результате действий китайской дипломатии и внутренних распри, случился второй кризис, который закончился разделением Империи хуннов на два царства – Северное, в Северной Монголии, и Южное, на нынешней территории Внутренней Монголии. Этот раскол стал для них крахом, но спасением для Китая.

Упадок Хуннской державы

В 46 г. на престол взошел шаньюй Пуну. Би – претендовавший также на власть, являясь не менее законным наследником, – встал на путь измены. Согласно исторической хронике, «в 48 г. вожди восьми хуннских кочевий после совместного обсуждения решили возвести на престол Би под титулом шаньюя Хуханье II. Они хотели, чтобы он принял этот титул, так как в свое время его дед с помощью Китая установил спокойствие в стране. После этого Би явился к укрепленной линии в округе Уюань с выражением покорности и объявил о желании поставить вечный заслон для империи Хань и северных варваров. Император удовлетворил эту просьбу. Зимой того же года Би вступил на престол под титулом шаньюя Хуханье II».

Итак, восемь орд южных хуннов взбунтовались против шаньюя Пуну и пришли на поклон Китаю. Китайский император Гуан У-ди сделал их федератами во Внутренней Монголии, на южной границе Гоби, вдоль границ Ганьсу и Шэньси. Так появилось царство Южных хуннов, которые оставались верными вассалами империи до тех пор, пока Китай был в силе, во времена же китайского упадка, в VI в., они стали его разрушителями. Произошло то же самое, что с федеральными германскими народами, жившими на границах Римской империи.

Обе конфедерации – Южная и Северная – по социальному устройству были схожи между собой. У тех и у других существовало деление на два крыла, система аналогичных высших и других рангов, одинаковая система наследования. Правда, Северная хуннская конфедерация изначально была раза в два крупнее. Тем не менее переход части хуннов на сторону Китая был переломным и губительным для империи Хунну.

До 49 г. усунь и сяньби (монгольские племена) активно сражались на стороне хуннов и наносили китайцам большой урон. Но как только в Хуннской империи произошел раскол и часть хуннов во главе с Би стали служить Китаю, отношение к хуннам изменилось. Они постепенно установили дружеские отношения с Китаем, а затем стали активизировать свои действия против хуннов, нанося им значительный урон.

Однако у южного шаньюя Би было не все благополучно. Статус вассала предполагал унижительное положение, что роняло достоинство шаньюя в глазах гордых хуннов. Зимой 50 г. войска Северной и Южной конфедераций столкнулись. Южные хунны были разбиты и отброшены. Это заставило Би принять китайскую военную помощь, что еще более понизило его авторитет у собственного народа.

Самыми серьезными врагами Китая были северные хунны – старое хуннское царство на Орхоне во Внешней Монголии. Тем не менее северный шаньюй пытался придерживаться традиционной дистанционной политики кочевников в отношении Китая – в 51, 52 и 55 гг. он пытался заключить «договор о мире, основанном на родстве», но императорский двор отмалчивался. Демонстративно щедрые дары Китая южному шаньюю снижали престиж северного шаньюя в глазах подданных, алчных до шелка, изысканных продуктов и иных диковинок. И, как следствие, кочевники понемногу стали ретироваться в пределы Южной конфедерации.

Шаньюй вынужден был сменить тактику. Примерно на рубеже 50–60-х гг. северные хунны возобновляют набеги на Китай. Набеги оказались результативными: южные хунны не смогли выполнить функции буфера между Монгольской степью и Китаем. В результате в 63 г. ханьская администрация пошла на заключение официального договора с шаньюем Северной конфедерации, а также на открытие приграничных рынков. Данное решение оказалось политической ошибкой китайских дипломатов. Официальное признание Китаем существенно подняло престиж северного шаньюя. Набеги и грабежи продолжались. Кочевники до того затерроризировали приграничное население, что, согласно Фань Е, в Хэси ворота городов держались закрытыми даже в дневное время. Положение изменилось только в конце 70-х гг. В этот период «северные варвары ослабли, их сообщники отложились».

В 83 г. Китай начал войну с северными хуннами. Война продолжалась три года. Объединенные китайско-южнохуннские войска нанесли серьезное поражение северным хуннам. Северные хунны потеряли более 13 тыс. воинов, среди них было немало именитых хуннов.

Южные хунны были для китайцев не столько буфером от набегов кочевников из-за Гоби, сколько опытным союзником в организации карательных рейдов на свою историческую родину. Внешнеполитическая обстановка сложилась исключительно против Северного хуннского союза. В этот период территория Монголии подвергалась постоянным нашествиям со всех сторон: «...южные кочевья нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения западного края с правой стороны». В такой ситуации уцелеть было практически невозможно. Тем не менее Хунну в I в. было все еще «великое государство».

Итак, в 86 г. северный шаньюй Юлю оказался в кольце врагов. С юга нажимали южные хунны и китайцы, к которым перебежали его подданные, на востоке свирепствовали сяньби, на севере восстали динлины.

Первый удар нанесли сяньби. В 87 г. они вступили в восточные земли хуннов и те потерпели полное поражение. Шаньюй был захвачен врагами, которые «содрали с него кожу». Поражение северных хуннов подтолкнуло часть хуннских старейшин откочевать в Китай. Весной 89 г. китайская армия вместе с южными хуннами обрушилась на северных хуннов, и войска северных были разбиты. В руки врагов попали семья шаньюя и все его имущество. Окончательное поражение ослабевшему северному союзу было нанесено в 91 г. китайской армией, которая разбила северных хуннов у горы Цзыньвэйшань, а сам шаньюй бежал неизвестно куда. После его бегства земли хуннов стали заселяться сяньби, оставшиеся 100 тыс. хуннских семей стали называть себя сяньби, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев. Таким образом, господство над современными монгольскими степями постепенно переходило от тюркоязычных племен к монгольским.

В 93 г. объединенные китайско-южнохуннские войска вновь нанесли поражение северным хуннам. Шаньюй Уйчугань погиб в этой битве. Он был последним северным шаньюем из рода Модэ. С этого времени династия Модэ передала правление династии рода Хуань.

Потерпев сокрушительное поражение и будучи не в силах победить многочисленных врагов: южных хуннов, сяньби, динлинов, перешедших в 90 г. на сторону китайской коалиции, – хунны стали отступать; часть их подчинилась сяньби, часть перешла к южным хуннам, третья часть, покинув свою родину, но, спасая свою свободу, ушла в степи современного Казахстана и Аральского моря, чтобы через определенное время вновь возродиться и дать знать о себе миру.

Часть северных хуннов, которые не хотели сдаваться и отступать, считавшие себя достойными сидеть на коне, сделали свою ставку в Бэй-Шане, но после сяньбийского вторжения разместились около Тарбагатая.

В 104 г. в Китай прибыло из Северного Хунну посольство с предложением «мира и родства». Оно было отпущено без ответа. В 105 г. явилось второе посольство с мирными предложениями, но также не получило ответа. Вслед за ним вспыхнуло восстание в Западном крае (Восточном Туркестане) – китайцы были выбиты оттуда, и там укрепились северные хунны, причем достаточно основательно. Теперь территория Северного Хунну простиралась от озера Баркуль до Западного моря (Каспийского). Власть, как уже отмечалось, принадлежала роду Хуань. После перехода Западного края в руки хуннов, северо-западные области Китая стали театром военных действий на протяжении пятидесяти лет. На севере северным хуннам покорились все степные народы Западной Сибири.

Что касается южных хуннов, то численность их, оказавшихся на китайских землях, росла. В основном рост происходил за счет пленных, захватываемых в войнах с северными хуннами, и уже к 90 г. южных хуннов насчитывалось 34 тыс. семейств общей численностью 237 тыс. человек, способных выставить 50 тыс. отборных воинов. Хотя население Южного Хунну уве-

личивалось, это не усилило, а, наоборот, ослабило державу. Захваченные в плен и добровольно подчинившиеся северные хунны были иного склада, нежели южане. Они ненавидели как победителей-китайцев, которые таскали на аркане их жен и детей, так и пресмыкающихся перед ними и воюющих против своих братьев южных хуннов.

Южные шаньюи и некоторые старейшины, стремившиеся привлечь на свою сторону китайцев и заручиться их поддержкой, стали искать в китайских летописях свои родословные в генеалогии по материнской линии от императоров и знатных китайских вельмож. Найдя эти доказательства, они гордились своей китайской родословной, забывая о тех временах, когда хуннские шаньюи, пользуясь силой, диктовали Китаю свои условия. Заносчивость таких полукитайских вождей еще более озлобляла северных хуннов.

В последний период (142–215 гг.) южные хунны разделились надвое: одни постепенно уходили на север, а другие окитаивались на месте. В степь уходили повстанцы. Много хуннов ушло на север к сяньби в 158 г. Совместная жизнь с китайцами и смешанные браки постепенно меняли менталитет оставшихся в Китае хуннов.

Южные хунны утратили свою государственность в 215 г.

Противостояние империи Хань и Хунну длилось более двух с половиной столетий.

Каким же образом хунны смогли на протяжении столь длительного времени противостоять имперскому Китаю? Если сравнить численность населения Хуннской державы и Китая, то грозные и воинственные в обычном представлении степняки предстают лишь небольшой этнической группой. Численность хуннов соответствовала приблизительно численности населения одного ханьского округа, тогда как численность Ханьской империи доходила почти до 60 млн. человек.

Анализ источников по этому вопросу позволяет назвать две причины противостояния: 1) оригинальный способ организации власти в форме «кочевой империи»; 2) самобытная пограничная политика кочевников в отношении Китая.

Это драматическое противостояние вылилось в то, что хуннам удалось остановить ханьскую агрессию на север; они заставили китайцев выплачивать им под видом «подарков» крупные платежи.

Безусловно, Хань и Хунну отстаивали свои собственные интересы, которые диктовались как адаптивной необходимостью, так и субъективными амбициями лидеров обеих стран. У Китая должно было быть две стратегии: активное давление на хуннов с последующей войной до победного конца или тонкий дипломатический мир с признанием определенных уступок кочевникам.

Что касается войн, то они не принесли китайцам успеха. Более эффективной оказалась политика откупа. Таким путем ханьское правительство избегало не только дорогостоящих войн и разрушений в северных провинциях Китая, но и рассматривала «подарки» кочевникам как своеобразный способ ослабить и разрушить хуннское единство изнутри.

При ханьском дворе была разработана специальная стратегия «пяти искушений», которая преследовала следующие цели: 1) дать кочевникам дорогие ткани и колесницы, чтобы испортить их глаза; 2) дать им вкусную пищу, чтобы закрыть их рты; 3) усладить музыкой, чтобы закрыть их уши; 4) построить им величественные здания, хранилища для зерна и подарить рабов, чтобы испортить их желудки; 5) преподнести богатые дары и оказать особое внимание тем племенам хуннов, которые примут китайский протекторат.

К данным «пяти искушениям» можно добавить еще одно универсальное средство, которое стыдливо не упомянуто конфуцианскими интеллектуалами, – это алкоголь.

Спаивание полукцивилизованных народов в ходе колонизации периферии – явление, неоднократно отмечавшееся в историографии, начиная от контактов скифов с греческими полисами вплоть до освоения Дикого Запада американскими пионерами. Вино было одним

из традиционных составляющих ханьского экспорта неизбалованным благами «цивилизации», неприхотливым кочевникам.

Согласно политике «пяти искушений» китайцы поставляли ежегодно хуннскому шаньюю 10 000 даней рисового вина, что соответствовало 1 млн литров. При ежедневной норме потребления это составляло более 2700 литров в день. Даже если гипотетически допустить, что хуннское войско составляло 300 тыс. лучников, о которых пишут китайские летописи, то при ежедневном потреблении алкоголя на каждого представителя хуннской высшей военной элиты приходилось более 8 литров рисового вина!

Хуннская внешнеполитическая доктрина была основана совсем на иных принципах. Т. Барфилд выделяет три ее главных компонента: 1) умышленный отказ от завоевания разграбленных китайских земледельческих территорий даже после больших побед; 2) грабительские набеги, производимые с целью запугивания китайского правительства; 3) чередование войны и мира для того, чтобы увеличить размер «подарков» и торговых привилегий от Китая.

После заключения очередного договора и получения даров набеги на какое-то время прекращались, и соблюдалась официальная граница между Хань и Хунну, коей являлась Великая стена.

Последний этап отношений между империей Хань и имперской конфедерацией Хунну начался с 9 г., когда поводом к разрыву отношений послужили территориальные претензии тогдашнего правителя Китая, узурпатора Ван Мана, и его оскорбление хуннского шаньюя. Набеги совершались с определенной периодичностью вплоть до упадка Хуннской державы.

Завоевание оазисов Тарима

Протекторат над царствами Тарима, который отвоевывали друг у друга Хань и Хунну, имел большое экономическое значение.

Оазисы образуют большую двойную дугу с севера и с юга от Тарима. На севере располагался Турфан, Карашар, Куча, Аксу и Кашгар, а на юге – Леулань (вокруг Лобнора), Хотан и Яркенд.

Тот факт, что в VII в. на индоевропейских языках еще говорили в Карашаре, Куче и Кашгаре, указывает на то, что жители оазисов Тарима, по крайней мере частично, принадлежали к индоевропейскому семейству. Кучийский язык, известный нам по текстам VII в., имеет общие черты с индоиранским, хиттитским, армянским и со славянскими языками. Если нет абсолютной уверенности в том, что кучийский и карашарский диалекты можно отнести к тохарийской группе, то их принадлежность к индоевропейскому семейству несомненна. Поскольку никакого индоевропейского вторжения в Тарим в начале Средних веков быть не могло, логично предположить наличие в этом регионе древнего индоевропейского населения в то время, когда скифы-сарматы расселялись в Западной Сибири до верховьев Енисея, а саки по обоим отрогам Тянь-Шаня – между Ферганой и Кашгаром. Помимо лингвистических свидетельств (восточноиранский язык в Западной Кашгарии и кучийский на севере) имеются сведения китайских историков о голубоглазых и русоволосых усунях бассейна Или, к северо-западу от района Кучи.

Еще раз уточним, что эти небольшие царства Тарима имели огромное экономическое значение, потому что через их оазисы проходил великий караванный путь от Китая к индоиранскому и греческому миру.

«Великий Шелковый путь» – термин, впервые введенный в 1870 г. немецким географом Карлом фон Рихтгофеном для обозначения системы торговых караванных путей, связывавших (со II в. до н. э. до XVI в. н. э.) главные культурно-хозяйственные регионы Евразии: Китай, Центральную Азию, Индию, Средний и Ближний Восток, Средиземноморье и Европу. Идея проложить первый маршрут для доставки китайского шелка на запад принадлежала императору династии Хань, известному под именем У-ди.

О Шелковом пути упоминает Птоломей, который приводит свидетельство своего предшественника Марина Тирского о том, что один македонский торговец по имени Маэс Тицианос в I в., т. е. в эпоху, о которой мы ведем речь, составил карту этого маршрута. Шелковый путь начинался в Антиохии, столице римской Сирии, проходил через Евфрат в Иераполисе (Менбидж), через парфянскую империю – Эқбатан (Хамадан), Рагес, или Рейи, около нынешнего Тегерана, Гекатомпил, затем через Мерв и Бактр, город, принадлежавший в ту эпоху индоскифам, вероятнее всего племенам юэчжи, как их называли китайцы. Оттуда Шелковый путь достигал Памира.

В одной памирской долине у подножья Комедайских гор, как писал Птоломей, стояла каменная башня, возле которой происходил обмен товарами между левантийскими и серскими караванщиками. Альберт Геррман локализует это место в памирской долине р. Кызыл-Су, между продольными Алайским и Заалайским хребтами, на переходе от бассейна верхнего течения Окса в Кашгарскую долину. Хакин считает, что башню следует искать рядом с нынешним Ташкурганом, между Ваханом (Малый Памир) и истоком Яркендаря, к северу от ущелья Минтеке.

В Кашгаре Шелковый путь раздваивается. Северная тропа ведет к Куче, городу, который, по мнению Геррмана, александрийские географы называли Скифским Исседоном, затем к Карашару и Леуланю на Лобноре (Серский Исседон) и, наконец, к Юймыньгуаню.

Маршрут южного пути начинается от Кашгара и идет через Яркенд, Хотан, Нию, Миран (царство Леулань) к Лобнору. Обе ветки снова соединяются в Юймыньгуане, Шелковый путь продолжается по территории Китая и доходит до Чананя и Лояна.

Независимо от локализации этапов трансконтинентального Шелкового пути, соединявшего Римскую и Парфянскую империи с Ханьской империей, небольшие царства с индоевропейским населением в северных и южных оазисах бассейна Тарима имели немалое торговое значение. Поэтому хунны и китайцы соперничали за право контролировать его: первые держали под контролем Тарим и Алтай, вторые – выходы через Юймынь на востоке.

Завоевание или возвращение бассейна Тарима Младшими Ханями происходило медленно, но методично в царствование императоров Мин-ди (58–75 гг.), Чжан-ди (76–88 гг.) и Хо-ди (89–105 гг.). Но слава принадлежит нескольким выдающимся военачальникам.

В 73 г. генералы Кень-Пин (командир быстрых коней) и Теу-Ку возглавили экспедицию против северных хуннов, которые отступали под натиском ханьских войск.

Генерал кавалерии Бань Чао, заместитель Теу-Ку и один из выдающихся полководцев в истории Китая, был послан против хуньюев – баркульской орды хуннов; он разгромил их и «обезглавил много варваров», как гласят хроники. В том же 73 г. китайская военная колония была создана в Ий-Ву: Шавани идентифицирует это место с Ха-Ми, а Геррман локализует между Леуланем и Йеньпенем в северной части Лобнора.

В 74 г. Кень-Пин и Теу-Ку атаковали Турфан, который в то время состоял из двух царств – Передняя Кью-Че с центром в Турфане и Задняя Кью-Че – дальше на север, в районе Ку-Ченя, с другой стороны Тянь-Шаньского хребта, – во главе которых стояла одна и та же династия. Кень-Пин совершил неожиданный бросок и сначала напал на дальнейшее царство (Кью-Че в Ку-Чене); царь этой страны Нань-То испугался и отказался от сражения: «...он вышел из города, снял колпак, обнял ноги коня Кень-ПИна и выразил свое повиновение». Царь Турфана, сын упомянутого царя, также сдался. В обоих царствах остались китайские гарнизоны: один в Ку-Чене под командованием кузена Кень-ПИна по имени Кень-Кон, другой в Лукчуне (собственно говоря, Турфан).

Однако Бань Чао считал, что «тот, кто не проникнет в логово тигра, не захватит тигрят». Во главе небольшого отряда он контролировал царство Шаньшань к юго-западу от Леуланя и Лобнора. Когда он узнал, что царь этой страны плел заговор против Китая, сговорившись с хуннами, Бань Чао тут же собрал своих офицеров на совет. Обычно он обращался в таких случаях к гражданскому комиссару, состоявшему при нем, но на сей раз так не поступил: «Это тупой гражданский чиновник, если мы сообщим ему о наших планах, он провалит все дело. А дело наше решается в эту самую минуту. Умереть бесславно – это не судьба храбрецов». Той же ночью китайцы подожгли бараки, где спали хуннские посланники, и истребили их. После чего Бань Чао явился к царю Шаньшаня и молча показал ему отрубленную голову посла хуннов. Испуганный монарх тут же объявил себя вассалом Китая. Затем Бань Чао занялся делами Кашгарии.

Следует отметить, что, когда хунны и китайцы не вмешивались в дела небольших царств Тарима, те постоянно ссорились друг с другом.

Царь Яркенда, известный китайцам под именем Хьень (33–61 гг.), захватил всю власть в регионе, покорив Кучу (46 г.) и Хотан, но был сметен всеобщим восстанием, и тогда Куча встала под протекторатом хуннов, а царь Хотана расправился с Хьенем (61 г.). Власть в южной части Тарима перешла в руки того же царя Хотана, а на севере – в руки царя Кучи (Кьеня), который при помощи хуннов в 73 г. захватил Кашгар. Все это случилось, когда в Кашгарию прибыл Бань Чао, которого император Мин-ди уполномочил навести порядок в регионе.

Сначала Бань Чао отправился в Хотан, где царь Хотана, возгордившийся своим недавним успехом и слушавшийся советов хуннов, принял его весьма высокомерно. Бань Чао, недолго думая, собственной рукой отрубил голову колдуну – главному советнику царя. Последний

перепугался и объявил о своей верности Китаю, а в доказательство искренности приказал перебить хуннских посланников.

Затем Бань Чао двинулся на Кашгар. Как сказано выше, царь Кучи Кьень, вассал хуннов, подчинил своей власти Кашгар и посадил на трон в этом городе своего человека, кучийца. Бань Чао, несмотря на малочисленность своего отряда, прогнал чужака и в 74 г. восстановил старую кашгарскую династию в лице царя Чон.

В 75 г., накануне кончины императора Минди, в Тариме началось всеобщее восстание против китайского протектората, конечно при действенной поддержке хуннов. Царь Карашара убил китайского резидента, генерального протектора Чень-Му. Кучийцы и аксуйцы осадили Бань Чао в Кашгаре. Более года китайский военачальник держал осаду. В это время хунны захватили царство Кью-Че в Ку-Чене (Заднее царство), осадную крепость, где находился китайский генерал Кень-Кон, и убили вассального царя Нань-То. Как и Бань Чао, Кень-Кон держался с героической стойкостью. У него не оставалось припасов, его малочисленный отряд варил вместо мяса кожу своего обмундирования, но держался до конца.

Между тем новый император Чжан-ди приказал Бань Чао и Кень-Кону оставить Тарим. Китайский двор опасался постоянных бунтов и понимал, что протекторат над Центральной Азией требует больших жертв. Но Бань Чао считал, что уход означает сдачу страны в руки хуннов. Прибыв в Хотан, по дороге домой, он остановился и, нарушив приказ, снова вернулся в Кашгар. За время его краткого отсутствия городом овладели кучийцы, т. е. хуннская фракция. Бань Чао отрубил голову руководителям бунтовщиков и решил не уходить из Кашгара. Более того, в 78 г. вместе со вспомогательными отрядами, сформированными в Кашгаре, Хотане и по всей Согдиане, он овладел Аксу, Турфаном и «обезглавил 700 человек». В это время китайские легионы из Ганьсу отвоевали у хуннов царство Кью-Че, т. е. Турфан. «Они отрубили 3800 голов и захватили 37 тыс. голов скота». Северные варвары в страхе бежали прочь; согласно древнекитайскому источнику «Хоуханьшу», хунны обрели, таким образом, властителей в лице Бань Чао и Кень-Кона.

В письме на имя императора Бань Чао пытался оправдаться и примирить «робость» двора со своим опытом и знанием «великого запада». Свои далекие походы, осуждаемые придворными, китайский герой называл оборонительными действиями, желанием защитить китайскую землю от агрессивных хуннов: «Захватить 36 царств Центральной Азии – значит отрубить правую руку хуннов». Его боевые действия сводились к знаменитой фразе: «Воевать с варварами руками самих варваров». В сущности, покорение Тарима стало возможным благодаря тому, что каждый захваченный оазис поставлял ему людей для захвата следующего. Из китайцев в походах участвовала только кучка авантюристов и депортированных лиц. И воевали они за счет страны, которую охраняли от хуннских орд. Относительно же поставляемых из оазисов людей Бань Чао уточнял: «В Яркенде и Кашгаре много плодородной и возделываемой земли, и солдаты, которые здесь находятся, ничего не требуют от империи». Этот современник Траяна относился к военным делам так же, как и завоеватель Дакии.

Что касается хуннов, то самый мощный удар по ним нанесли сяньби. В 87 г. сяньби вступили в восточные земли хуннов, и те потерпели полное поражение. Их шаньюй был захвачен врагами, которые «содрали с него кожу», о чем говорилось выше.

В то время как северохуннская держава гибла под напором сяньби, Бань Чао ждал своего времени.

Цель его состояла в том, чтобы отбросить хуннов во Внешнюю Монголию, отрезать от Шелкового пути, который кормил их и снабжал всем необходимым. Реализуя на практике свои принципы, Бань Чао подавил новые восстания в Кашгаре (87 г.), Яркенде (88 г.), а ранее – в 83 г. – превратил усуней р. Или в своих союзников.

Получая информацию от своих шпионов, он прекрасно знал психологию варваров, поэтому без особого труда побеждал их.

В 84 г. в Кашгаре царь Чон, его протеже, его креатура, предал Бань Чао, подняв восстание, заручившись поддержкой жителей Яркенда, согдианцев и юэчжей. В 87 г., когда Бань Чао прогнал его из Кашгара, Чон разыграл раскаяние и попросил о личной встрече, на которую явился в сопровождении отряда всадников с целью убить Бань Чао. Однако тот в свою очередь тоже притворился, будто поверил в добрые намерения бывшего вассала, и устроил в его честь праздник, затем, «когда вино потекло рекой», он схватил коварного царя и отрубил ему голову. В тот же миг китайские солдаты бросились на противников и перебили всех до одного.

Под Яркендом в 88 г. у Бань Чао стоял небольшой отряд, состоявший из китайцев и хотанцев, лицом к лицу с яркендским войском, которому помогали 50 тыс. кучийцев и жители соседних городов. Бань Чао сделал вид, что ночью начал отступление, однако быстро и незаметно вернулся и напал врасплох на яркендцев, перебив 5 тыс. и заставив их покориться. Непокоренными оставались только Куча и Карашар, которые искали себе союзников повсюду – от хуннов Монголии до юэчжей Кушанской империи.

В том же году Бань Чао совершил необъяснимый поступок, чем сам развязал новую и бесполезную войну. А дело было в следующем.

В 78 г. на престол Кушана вступил Канишка, воинственный царь, продолжатель традиций отца и деда.

Остановимся коротко на истории Кушанского царства.

Кушанское царство – рабовладельческое государство, образовавшееся в начале I в. до н. э. на территории Согдианы и Бактрии, занятых с конца II в. до н. э. пятью юэчжийскими племенами. При Кадфизе I (15–45 гг.) произошло объединение юэчжийских племен. Сын Кадфиза I, Вима Кадфиз II (45–78 гг.), покорил индо-греческое государство Индии. Наивысшего развития Кушанское царство достигло при царе Канишке (78—123 гг.). При нем расширилась и укрепилась власть кушан в Северной Индии, велись успешные войны с Парфией. Канишка перенес столицу из Кушании в Северо-Западную Индию – в Пешевар. В 99 г. кушанское посольство посетило Рим. При дворе Канишки жили крупнейшие индийские философы и писатели того времени – Ашвагхоша, Васумитра, Нагардихуна и др.

В 225 г. умирает последний великий царь кушанов – Васудэва, и его империя распадается на части. При Сасанидах кушанские князья не были лишены своих владений: на Иранском плоскогорье они лишь признали власть шахиншаха, а в Пенджабе просуществовали до V в. Наместник восточной границы с титулом «кушаншах» сидел в Балхе и следил за тем, чтобы не восставали покоренные и не объединялись независимые варвары – хиониты в низовьях Сырдарьи и горные эфталиты Памира и Гиндукуша.

Однако вернемся в I в., когда агрессия кушан была обращена на запад и юг. Они воевали с парфянами и саками, завоевали Северную Индию, крепко держали Согд. Кушане не мешали китайцам, китайцы не мешали им. Естественная граница между ними была границей их интересов, и обе великие державы находились в самых дружественных отношениях около ста лет.

В 88 г. кушанский император решил упрочить союз и отправил посольство просить руки китайской принцессы. Бао Чань не пропустил посла и заставил его вернуться. Вызов, брошенный китайским полководцем, был принят кушанским императором: в 90 г. 70 тыс. кушанских всадников, закованных в броню, с длинными копьями и прямыми тяжелыми мечами, вышли в поход. Император направил армию на северо-восток Памира для поддержки Кучи в борьбе с Бань Чао. Бань Чао, блокируя все коммуникации между армией и кучийцами, дабы не допустить снабжения неприятельских войск продовольствием, пропустил их дальше. Кушаны углубились в бескрайние просторы Кашгарии, не имея припасов, и скоро были вынуждены бесславно повернуть обратно. Кушанский двор, наученный горьким опытом, снова вернулся к политике, традиционной для юэчжей, – дружбе с Китаем (90 г.).

На севере Монголии генералы Тьеу-Хьень и Кень-Пин также одержали крупную победу над северными хуннами (89–90 гг.). В результате оба царства Кью-Че (Ку-Чен и Турфан) укре-

пили свои связи с империей. В 91 г. китайский генерал Кень-Куэй еще раз устроил хуннам кровавое побоище. Он дошел до Внешней Монголии (до Орхона), захватил в заложники мать и всю семью шаньюя и вместо него поставил шаньюем его же брата – Ю-Чу-Кьена. В 93 г. новый шаньюй хуннов взбунтовался, и китайцы бросили против него сяньби, которые разгромили войска мятежника и убили его самого. От этого поражения северные хунны так и не смогли полностью оправиться.

Без помощи хуннов и сяньби три из четырех мятежных городов в северной части Тарима – Куча, Аксу и Турфан – покорились китайцам (91 г.). Китайский полководец получил от императора титул «генерального протектора», т. е. практически власть вице-короля Центральной Азии. Его резиденцией стал небольшой городок около Кучи, а другой китайский генерал стал лагерем в Кашгаре. Непокоренным остался Карашар.

В 94 г. во главе туземных отрядов Кучи и Шаньшаня (Лобнор) Бань Чао двинулся на мятежный город. Жители Карашара уничтожили мост через Юлдуз, но это им не помогло. Войска Бань Чао форсировали реку по пояс в воде и вышли на болота перед Карашаром. Часть жителей бежала на озеро Баграч, правитель же сдался. Бань Чао, помня старые обиды, отрубил ему голову, казнив на том самом месте, где девятнадцать лет назад был убит китайский губернатор Чень-Му. Затем «...Бань Чао отдал город на разграбление солдатам, которые отрубили более 5 тыс. человеческих голов, взяли 15 тыс. пленников и более 300 тыс. голов скота – коров, лошадей, быков и овец». Весь бассейн Тарима перешел под власть Китая.

В 97 г. Бань Чао поручил своему военачальнику Кань-Йину пройти через Нань-Си, т. е. через всю Парфянскую империю Аршакидов, в Дацинь, т. е. вторгнуться в пределы Римской империи. Но тот, напуганный рассказами о парфянах, не вступил на их территорию и не дошел до римской границы.

Бань Чао вернулся в Китай в 102 г. и в том же году умер. Преемникам великого полководца не удалось продолжить его гибкую политику, и в 106–107 гг. в Тариме разразилась настоящая революция. Китайский генерал Лянь-Кинь оказался осажденным в Куче. В конечном счете, он одержал победу, но перед лицом непрерывных восстаний китайский двор в 107 г. отозвал из Тарима все гарнизоны, оставив лишь в Лукчаке и Иву.

В следующем году кяны, или тибетцы, в то время совершенно дикие племена, которые кочевали к западу и к югу от Кукунора, атаковали китайские посты в Ганьсу, угрожая перерезать путь на Юймыньгуан, Лянь-Кинь сдержал их натиск ценой больших потерь (108 г.). В 109 г. южные хунны, жившие во Внешней Монголии, напали на границы Китая. Китайский губернатор Лаотона по имени Кень-Куэй бросил против них сяньбийские орды. Тем не менее южные хунны разорили северную часть Шэньси, а Лянь-Киню в 110 г. пришлось заключить мир с хуннским шаньюем.

Одним словом, Китай с трудом защищал свои границы до тех пор, пока в 119 г. положение не начало улучшаться: в Иву была снова создана военная колония (Хами или Лобнор?); опять покорились Шаньшань и правитель Турфана, но вскоре после этих событий северные хунны и войска Заднего царства Кью-Че (КуЧен) перебили китайский гарнизон в Иву.

Сын Бань Чао, Бань Юн, в конце концов сумел восстановить то, что сделал его отец. В 123 г. он вновь основал военную колонию в Лукчаке; в 124 г. снова привел правителя Шаньшаня к вассальности, пригрозил правителям Кучи и Аксу, заставив их заявить о своей преданности Китаю, и с помощью отрядов, которые предоставили в его распоряжение эти царства, изгнал из Турфана хуннов; в 126 г. он даже подчинил на какое-то время племена хуньюев, принадлежавших северным хуннам и живших к северо-востоку от оз. Баркуль, и обратил в бегство войска хуннов, которые хотели ему помешать. В 127 г. китайцы завершили повторное завоевание Тарима, вступив в Карашар. В 130 г. сын кашгарского царя вместе с посольством царя Ферганы прибыли в китайскую столицу Лоян выразить свое уважение императору Шун-ди.

В последующие годы, не считая кратковременного восстания (140–144 гг.) одного из вождей южных хуннов, их левого или восточного крыла, беспокойство Китая доставляли только хуньюи – баркульская орда хуннов. В 131 г. они напали на Заднее царство Кью-Че и перебили немало его жителей; в 151 г. они пытались уничтожить китайскую военную колонию в Иву, которая выстояла с большим трудом. Тем не менее в 153 г. Заднее царство Кью-Че вновь стало вассалом Китая. А в 151 г. жестокость одного китайского губернатора привела к восстанию хотанцев, которые убили деспота, но затем Хотан заплатил дань, и инцидент был урегулирован.

Тем временем воинственные сяньби были так неукротимы, что для того, чтобы хоть немного организовать их, нужен был человек необычайно сильной воли. Такой человек нашелся, но самое удивительное то, что ему было, согласно источнику, только 14 лет: Таншихай родился в 141 г.

Окончательный удар по северным хуннам был нанесен именно Таншихаем в 155 г., после чего хунны разделились снова: 200 тыс. «малосильных» попрятались в горных лесах и ущельях Тарбагатая и бассейна Черного Иртыша, где пересидели опасность и впоследствии завоевали Семиречье. В конце III в. они образовали там новую хуннскую державу – Юэбань. А «неукротимые» хунны отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и Нижнего Дона. О прибытии их сообщил античный географ Дионисий Периегет.

Ранее мы говорили о том, что в I в. до н. э. хуннов было 300 тыс. человек. Прирост их численности за I–II вв. был очень небольшой, так как они все время воевали.

В III в. в Китае насчитывалось 30 тыс. хуннских семей, т. е. около 150 тыс. человек, а «малосильных» в Центральной Азии было около 200 тыс. Так сколько же могло уйти на запад? В лучшем случае 20–30 тыс. воинов, без жен, детей и стариков, неспособных вынести отступление по чужой стране без передышек, ибо сяньби преследовали хуннов и убивали отстававших.

Этот отход затянулся на два с лишним года, пока хунны не оторвались от преследователей и не нашли покой в Волго-Уральском междуречье. За это время было пройдено по прямой 2600 км, а если учесть неизбежные зигзаги, то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок на столь огромное расстояние не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести арьергардные бои, где и погибли семьи уцелевших воинов. И уж, конечно, мертвых не хоронили, так как на пути следования хуннов «остатков палеосибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая». На запад в 155–158 гг. ушли только наиболее крепкие воины. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях, по психологическому складу, с учетом свободы выбора своей судьбы.

Во II в. началось Великое переселение народов. Миграций в Восточную Европу было две: готы около 160 г. с «острова Скандзы» перебрались в устье Вислы, после чего дошли до Черного моря, и хунны из Центральной Азии в 155–158 гг. достигли берегов Волги.

Итак, на смену тюркскому владычеству во Внутренней Азии пришло монгольское. Вождь сяньби Таншихай, победив Север, двинул свои войска в Западную Монголию до территории усуней Или и разгромил их. В 166 г. он царствовал от Маньчжурии до страны усуней, т. е. до Балхаша, хотя китайские историки явно преувеличивают, и его власть, очевидно, не распространялась в этом направлении дальше земель Богдо-Хана (Тушету-Хан) и Сетсерлик-Мандала (Саин-Нойан).

Оказавшись на вершине могущества, вождь сяньби проникся вожденной мечтой древних хуннов – захватить Китай. Таншихай напал на китайскую провинцию Лаотон, но нападение было отбито. Тогда он взялся за южных хуннов во Внутренней Монголии, союзников и вассалов Китая, затем договорился с ними и увлек их в поход на Шэньси и Ганьсу, но союзным ордам пришлось отступить под ударами китайской армии (158 г.).

Наконец в 177 г. китайцы решили разбить врага на его территории, и 30-тысячное войско выступило за границу. Сяньби достойно встретили китайский удар, и все три китайские колонны были разбиты наголову. Осенью 177 г. сяньби разбили Ляоси, а в 178 г. перекинулись в Хэси. От этого поражения Китай долго не мог оправиться.

Расходы Китая на войну усиливали налоговый гнет на крестьян, которые наконец ответили восстанием «желтых повязок», подорвавшим силу династии Хань (184 г.). Разложившиеся ханьские войска не смогли справиться с повстанцами. Инициативу взяли на себя аристократы, члены «сильных домов». Победив крестьян, они разделились и, встав во главе отдельных армий, вступили в борьбу друг с другом и большей частью погибли в междоусобной войне. Трое уцелевших основали три царства – на севере, юго-востоке и юго-западе, на полвека разорвав Китай (220–280 гг.), – Цао-Вэй, У и Шу.

Так пала империя Хань, одна из четырех мировых империй (наряду с Римом, Парфией и Кушанской империей) древности.

С 200 г. до н. э. по 150 г. Ханьская династия Китая вела крайне активную внешнюю политику, закончившуюся разгромом державы Хунну. И сразу после этого Китай ослабел настолько, что в IV в. исконные китайские земли в бассейне Хуанхэ попали в руки кочевников.

Хунны, сяньби, кяны побеждали организованные китайские войска с невероятной легкостью.

Для Китая это была настоящая катастрофа. Достаточно сказать, что его население с 221 по 280 г. уменьшилось с 50 млн налогоплательщиков до 7,5 млн. Города лежали в развалинах. При государственном перевороте Сыма Яня к власти пришли вместо землевладельцев и ученых-конфуцианцев безграмотные, морально разложившиеся солдаты, еще меньше понимавшие задачи своей страны.

На момент распада Ханьской династии северные степные орды, которым за предыдущий период нанесли ощутимые удары китайские легионы, все еще были напуганы или ослаблены, чтобы воспользоваться благоприятной ситуацией. Оазисы Тарима, несмотря на гражданские войны между «тремя царствами» Китая, наследниками Ханей, продолжали подчиняться Вэю, правителю Северного Китая (220–265 гг.). В 224 г. Шаньшань (Лобнор), Куча и Хотан присягнули на верность царю государства Цао-Вэй.

Во время кровавых десятилетий Троецарствия хунны особо о себе не заявляли. В волнениях, захлестнувших китайский народ, они участвовали. Сначала массы хуннов примкнули к «желтому» движению, потом, когда оно пошло на спад, явились к генералу Цао-Цао с изъявлением покорности и передали ему степных коней для обновления кавалерии (203 г.). Это спасло хуннов от истребления.

Правительство Цао-Вэй разделило хуннские кочевья на пять частей, поставив во главе каждого потомка хуннских шаньюев. Однако, вновь назначенные были подчинены чиновникам-наблюдателям.

В конце III в., согласно хроникам, зафиксированы только два возмущения хуннов: в северной ставке хуннов в 271 г. «взбунтовался шаньюй Мэн»; он был убит подосланным убийцей. В 291 г. восстал хуннский Хаосань, но был схвачен своими же старейшинами, и восстание задушили. Таким образом, в этом временном периоде хунны жили относительно спокойно и накапливали силу.

Следует отметить что IV–VIII вв. – эпоха Великого переселения народов. Именно тогда, в IV в., на Дальнем Востоке начались масштабные походы варваров. Тем не менее, в отличие от ситуации в Европе, здесь вторжения были вызваны не внутренними пертурбациями на родине варваров, а ослаблением китайского могущества, в результате чего варвары-федераты двинулись на юг, к центру Китая. Это был период, в общей сложности длившийся четыре столетия, когда кочевники хозяйничали в пределах Китая.

Цивилизация оазисов Тарима

Контроль Китая (Поздние, или Младшие Хани) за Шелковым путем, обеспечивавшим свободу трансконтинентального маршрута через двойную цепочку оазисов на севере и юге Тарима, благоприятствовал распространению буддизма, а вместе с ним индийской литературы и эллинистического искусства. Этим путем шли в Кашгарию и Китай проповедники буддизма, индийские миссионеры, а с товарами и религией сюда поступали образцы греко-римской культуры. В этом отношении активность проявляли и агенты Маэса Тицианоса и апостолы Будды. Скорее всего, самой оживленной в ту эпоху была южная ветка, которая проходила через Яркенд и Хотан. В древнем Хотане обнаружены римские монеты императора Валенса (364–378 г.), в Раваке, к востоку от Хотана, нашли несколько греко-буддийских барельефов и красивые эллинистические ткани чистейшего гандарийского стиля. Немного дальше к востоку, в Нийе, городе, брошенном в конце III столетия, найдены римские печати и индоскифские монеты. В Миране, юго-западном Лобноре, в древнем царстве Шаньшань, обнаружены прекрасные греко-буддийские фрески с изображением самого Будды, его монахов и сподвижников, ярко выраженного римско-азиатского стиля, кстати подписанные с использованием индийского алфавита именем Тита, эти находки датируются III–IV вв.

В эпоху Китайского Мира по этому пути прибыли в Китай великие буддийские миссионеры: Нань-Чже-Као, парфянин, пришедший в 148 г., Чу-Шо-Фо, индус, и Чже-Чань из племени юэчжи, которые пришли в 170 г. и основали монастырь в китайской столице Лоян.

В следующем столетии Чже-Кьень, сын посланника юэчжей, за период 223–253 гг. перевел на китайский язык несколько буддийских трудов. Здесь интересно упоминание юэчжей, потому что это свидетельствует о том, что Кушанская империя, простиравшаяся на территории Афганистана, Кандагара и Пенджаба, через Шелковый путь во многом способствовала распространению буддизма в бассейне Тарима и в Китае. Не менее интересно узнать, что наряду с этими кушанскими или индийскими миссионерами там встречались и парфяне, обращенные в буддизм, которые даже проповедовали прозелитизм в Верхней Азии и на Дальнем Востоке.

В китайской «Трипитаке» приводится список миссионеров и переводчиков, пришедших из Тарима в Китай, и это значит, что в самом Тариме работали монахи из Восточного Ирана и Северо-Западной Индии, которые переводили свои священные тексты с санскрита на местные языки, – с восточноиранского до кучийского. Одним из таких выдающихся переводчиков санскритских текстов на китайский язык был буддийский монах Кумараджива (344–413 гг.). Кумараджива принадлежал к индийскому роду, поселившемуся в Куче. Его предки занимали высокие посты в этой стране. Отец Кумарадживы, ярый буддист, хотел даже отказаться от высоких почестей, дабы уйти в монастырь, но царь Кучи уговорил его остаться в миру и отдал ему в жены свою сестру. От этого брака родился Кумараджива. В юности мать возила его в Кашмир, чтобы приобщить к индийским текстам и буддизму. Вернувшись из Индии, Кумараджива год провел в Кашгаре, продолжая изучать «Абхидхарму». В те времена Кашгар и Куча были очагами индуизма, и цари тех лет считали за честь принимать у себя буддистов. Затем он жил в Куче со своим учителем, индусом Вималакшей, уроженцем Кашмира. Источники отмечают колоссальную работоспособность Кумарадживы. Им были сделаны прекрасные переводы знаменитого буддийского поэта-философа Ашвагхоши. (Умер Кумараджива в 413 г., оставив после себя память как об одном из буддийских светил Центральной Азии.) Китайский генерал Люкуан, захвативший Кучу, увез Кумарадживу в Китай. Кстати, этот генерал пришел в восторг, увидев великолепные дворцы Кучи – произведения индийского и иранского искусства эпохи, которой датируются живописные работы, найденные в пещерах Кызыла.

Цивилизация Верхней Азии делится на две различные зоны. На севере, от русского Причерноморья до Маньчжурии и Ордоса, – степное искусство, главным образом искусство кочев-

ников, для которого характерны бронзовые набалдашники в виде звериных голов и анималистическая стилизация и орнаменталистика. На юге, вдоль Шелкового пути, от Афганистана до Тхунь-Гуаня, через оазисы, окружавшие бассейн Тарима, – цивилизация оседлых народов, проявляющаяся в живописи и скульптуре, вдохновленная греческим искусством, искусствами Ирана и Индии, которые пришли сюда по Шелковому пути.

Истоки таримского искусства в конце древней или античной эпохи и в начале Средних веков следует искать в Афганистане. Здесь, в долине Кабула, в IV в. последние кушанские цари находились под глубоким влиянием Сасанидского Ирана, в орбите которого они вращались. Сасанидо-буддийская цивилизация, сасанидо-буддийское искусство зародились на границе Индии и Ирана. Отметим в этой связи большие фрески в Бамияне и Какраке конца III и всего IV вв., где в типах персонажей и их одежде очевидно сасанидское влияние. Судя по многочисленным находкам той эпохи, Афганистан предстает перед нами как страна, где религия и литература Индии тесно связаны с материальной цивилизацией Ирана времен династий Сапора и Хосрова.

Именно этот сасанидо-буддийский сплав буддийские миссионеры, последователи Кумарадживы, привнесли во все оазисы Тарима на всем протяжении Шелкового пути, который стал, благодаря им, дорогой в будущее.

Этот ирано-буддийский синтез мы встречаем в южной зоне Тарима, в частности в живописных панно на дереве в оазисе, расположенном к северу от Хотана (конец VII в.). Здесь изображены, например, девушка индийского типа, похожая на гибких обнаженных красавиц Аджанты, рыцарь и погонщик верблюдов иранского типа и бородатый бодхисаттва в тиаре, в длинном зеленом халате, штанах и сапогах, т. е. настоящий сасанидский аристократ. Наконец, иранское влияние ощущается во фресках и миниатюрах из района Турфана, Базаклика, Муртука и т. д. В Базаклике низшие божества облачены в кирасу и напоминают сасанидских кучийских рыцарей Кызыла и Кумтура, закованных в латы. Такие же образы мы видим в Муртуке. С другой стороны, изящные миниатюрные скульптуры в Карашаре очень похожи на греко-буддийские фигурки, найденные в Хадде, в Афганистане. Кстати, влияние кучийских фресок распространяется далеко на север, в Сибирь. Например, «скачущие всадники» Сулека, заставляющие вспомнить сасанидские и тангские скачки, могут датироваться VII в. А антропоморфные рисунки на стелах в районе Семипалатинска, в верховьях Иртыша, лишь отдаленно напоминают сасанидское искусство Кучи.

Таким образом, до завоевания страны тюркскими народами во второй половине VIII в. индоевропейские оазисы на севере и на юге Тарима, от Яркенда и Хотана до Лобнора, от Кашгара, Кучи и Карашара до Турфана, черпали свою культуру не на Алтае и в степной цивилизации, а в великих цивилизациях Ирана и Индии. Они представляли собой продолжение «внешней» Индии и «внешнего» Ирана до китайской границы. Более того, благодаря им и Индия, и Иран проникли в Китай, о чем говорят буддийские фрески и розетки, обнаруженные под Тхунь-Гуанем, там, где Шелковый путь пересекает границу Ганьсу.

Великие походы в IV в.

К концу Ханьской династии южные хунны, оттесненные сяньби, пришли в большую излучину Хуанхэ, в Ордоские степи и в соседний Алашань, где и расселились. Южные хунны выполняли для Китайской империи функции федератов – примерно такие же, что осуществляли многочисленные германские народы, поселившиеся у границ Римской империи в IV в. Отношения между вождями этих ордоских хуннов-федератов и китайскими императорами династии Вэй (220–265 гг.), затем Северной династии Цинь (265–316 гг.) напоминают отношения между вождями готов, франков или бургундцев в IV в. и римскими императорами семейства Константина или Феодосия. Варварские правители в обоих случаях часто посещали имперскую столицу – Чанань или Лоян и Милан и Константинополь, их тепло принимали при дворе, и по возвращении домой они старались применить у себя все, что познали на чужбине.

Южные хунны, будучи федератами, поставляли империи вспомогательные войска и жили у Великой стены с северной стороны. Их шаньюй Хучуцунь (195–216 гг.) поселился в Пинчэне, в самом центре Шаньси. В Китае был канун падения Ханей. Хучуцунь, памятуя, что ханьская принцесса была его далеким предком, дал своему дому название по имени великой китайской императорской династии – Лю. И легитимность, угасшая в Китае по вине многих узурпаторов, начала возрождаться под куполом юрт хуннов.

В 304 г. один из вождей хуннов, по имени Лю Юань, прочно сидевший в Тайюане (Шаньси), получил от китайского двора Циней титул «шаньюй» и власть над пятью ордами. В 308 г. Лю Юань во главе 50-тысячной армии хуннов, как законный наследник Ханей, объявил себя императором в Тайюане. Основанная этим хуннским царем династия известна в истории под династическим именем Северные Хани (Пей-Хани), или Старшие Чжао (Цянь-Чжао).

Сын и преемник Лю Юаня по имени Лю Цун (310–318 гг.) был для Китая Атиллой. В 311 г. его войска захватили китайскую столицу Лоян, сожгли императорский дворец и взяли в плен императора Цзин-Хуай-ди, затем пришли в Чанань, где истребили половину населения (312 г.). Пленного императора отправили в Пинчэн, резиденцию Лю Цуна, где он был казнен в 313 г.

После ухода хуннов на китайский трон сел новый император, Цзин-Минь-ди (312–316 гг.), но в 316 г. хунны вернулись, осадили город и вынудили слабого монарха капитулировать. И снова на троне Пинчэна оказался хуннский царь, который заставил пленного императора «мыть посуду на праздничных обедах», а затем также казнил его в 318 г.

Один из членов императорской семьи Цинь, которому удалось бежать в Нанкин, отклонив защиту Китая от северных варваров, основал там, за рекой Янцзы, вторую династию Цинь – Восточные Цинь (Дун Цинь) (317 г.). Точно так же последние римляне в V в. уступили германским захватчикам западные провинции, чтобы укрыться от них в Восточной империи. В течение трех столетий (317–589 гг.) Нанкин заменял собой Чанань и Лоян, как в свое время Константинополь выполнял функции Рима и Милана.

Лю Цун, хуннский завоеватель Северного Китая, сразу же сделался крупной фигурой. Он был хозяином старых китайских столиц, Лояна и Чананя, хотя его резиденцией был Пинчэн в Шаньси, он царствовал в центре и на юге Шаньси, в северной части Хэбэя, на юге Хэнаня и на севере Шаньдуна. Но к северу от этого хуннского царства, правитель которого в какой-то мере воспринял китайскую цивилизацию (он воспитывался при императорском дворе), кочевали другие орды, полностью остававшиеся варварами.

Орда табгачей (по-китайски «тоба»), очевидно, тюркского происхождения, обосновалась в 260 г. на крайнем севере Шаньси, севернее Великой стены. В течение последующих лет тоба перебрались на юг от Великой стены, на древние китайские земли Йеньмэня, севернее Шаньси, и на тайские территории (около Ю-Чжеу), т. е. в район Татона, где они прочно закрепились в

310 г. Наконец, один клан монгольской орды сяньби, клан Муюнов, основал новое царство в Лаотоне и Ляоси, на юго-западе нынешней Маньчжурии.

Большая часть этих тюрко-монгольских царств в Китае в IV в. была так же нестабильна, как германские государства на западе Римской империи в V в., и по тем же причинам: они истребляли друг друга.

Лю Цун умер в 318 г., а его преемники смогли сохранить за собой только северо-западную часть своих государств с центром в Чанане, а один из военачальников покойного властителя, Ши Лэй, человек амбициозный, создал отдельное княжество вокруг Сянго на юге Хопея. В 329 г. Ши Лэй сверг потомков Лю Цуна (династию Цянь-Чжао, или Пей-Ханей) и основал новую династию хуннов, известную под именем Младшие Чжао (Хэу-Чжао), которая продержалась с 330 по 350 г.

Ши Лэй сделал своей резиденцией город Йе, а второй его столицей был Лоян. Этому хунну нравилось изучать классические китайские тексты с помощью переводчиков, что делало его похожим на Теодориха.

Преемником Ши Лэя был Ши Ху (334–349 гг.), человек необузданного нрава, которого пытался убить собственный сын – настоящий монстр, заставлявший жарить и подавать к столу самых красивых своих наложниц, кстати, за покушение на отца это чудовище поплатилось жизнью. И вот, как это часто случалось с варварами, соприкоснувшимися с китайской цивилизацией, Ши Ху стал ярым сторонником буддизма. Итак, хуннский царь, столицей которого оставался Йе в северной части Хэнаня, властвовал над Шаньси, Хэбэем, Шаньдунем и даже над северной частью Ганьсу.

Это хуннское царство рухнуло так же быстро, как и создавалось. После смерти Ши Ху его преемник и его генералы просто-напросто истребили друг друга.

Муюны, сяньби, которые сформировали царство в Лаотоне, воспользовались этой анархией и отобрали у хуннов весь Хэбэй (350–352 гг.), Шэньси и Шаньдун. Вождь победителей Муюн Цзюнь (349–360 гг.) сделал своей столицей Янь (350 г.), затем Йе (357 г.). Его династия известна в истории под именем Старшие Яни, или Цянь-Янь (349–370 гг.). В 364 г. его преемник захватил Лоян, затем северный берег реки Хуанхэ (366 г.). Но владычество Муюнов продолжалось недолго.

В 350 г. военачальник, служивший царю хуннов Ши Ху, по имени Пу-Хонь, вероятно монгольской расы, хотя его порой называют тангутом, т. е. тибетцем, создал независимое государство в Шаньси со столицей Чанань. Его династия – дело в том, что все мелкие тюрко-монгольские царьки считали своим долгом основывать настоящие китайские царствующие дома, – известна под именем Старшие Цини (Цянь-Цинь, 350–395 гг.).

Сын Пу-Хоня, Фу Цзянь (357–385 гг.), был одним из самых замечательных в когорте этих тюрко-монгольских царей: он приобщился к китайской цивилизации, показал себя добрым правителем и большим другом буддистов. Он отвоевал у муюнов сначала Лоян (369 г.), затем Тайюань и, наконец, Йе, столицу потомков Муюна, пленив их царя (370 г.). Таким образом, все царство Муюнов – Хэбэй, Шэньси, Шаньдун, Хонань – перешло в руки Фу Цзяня в 370 г. Он уже был правителем в Шаньси, а теперь ему принадлежал весь Северный Китай. В 376 г. он аннексировал еще одно небольшое государство варваров, царство Лянь в Ганьсу.

В 382 г. Фу Цзянь послал своего военачальника Лю-Гуана на завоевание Тарима. Лю-Гуана радушно встретили цари Шаньшаня (Лобнор), Турфана (Передний Кью-Че) и Карашара (Яньци). Царь Кучи (китайцы называли его По-Шуэнь) пытался оказать сопротивление, но был разбит и изгнан (383 г.). Лю-Гуан захватил Кучу и привез в Китай знаменитого буддийского монаха Кумарадживу, выдающегося переводчика санскритских текстов на китайский язык, о чем говорилось выше.

По всей очевидности, Фу Цзянь, покорив все варварские государства в Северном Китае, готовился покорить Южную Китайскую империю и объединить всю страну под своей властью,

как делает восемь столетий спустя другой тюрко-монгольский завоеватель – Хубилай. В 383 г. он действительно атаковал империю на реке Хуанхэ, но в верховьях реки потерпел поражение, от которого так и не оправился.

Один из потомков древнего сяньбийского клана Муюнов по имени Муюн Чуй, служивший клану, взбунтовался и отобрал Хэбэй и Шаньдун, основав царство Младших Яней (Хэу-Янь), которое продержалось с 384 по 407 г. Его столица находилась в городе Чжуншане, к югу от Баодина, в Хэбэе. Другой член муюнского семейства в те же годы (384 г.) основал другое царство – Западный Янь (Си-Янь) в Шэньси, но в 394 г. его присоединил к своим владениям Муюн Чуй. Наконец, Шэньси и часть Хэнаня отобрал у царствующего дома Фу Цзяня один бывший генерал Яо-Чань (тибетец), который основал здесь династию Младших Циней (Хэу-Цинь) со столицей в Чанане, которая просуществовала всего с 384 по 417 г. Надо отметить, что и другие генералы-тюрки основали в Ганьсу два других княжества – Западные Цини (Си-Цинь, 385–400 и 409–431 гг.) со столицей Ланьчжоу и Младшие Ляни (Хэу-Лянь, 386–403 гг.).

Династия Вэй – «тюркский Китай». Военные кампании против жужаней

Рядом с ордами, чьи царства рушились одно за другим, крепла тюркская орда табгачей (в китайской транскрипции тоба), которая в конце концов поглотила их всех и сформировала в Северном Китае прочную власть. Точно так же франки, пережившие бургундцев, вестготов, ломбардцев, создали Каролингскую империю, которая объединила в себе германское настоящее с римским прошлым. Такая же судьба была у тоба, которые объединили остальные тюрко-монгольские государства Китая (северной его части), китаизировали их и все смешали с китайской массой, а их приверженность буддизму сродни приверженности Меровингов и Каролингов христианству. Наконец, так же, как франки превратились в защитников романского мира против новых германских завоевателей, так и тоба стали на страже на Хуанхэ против монгольских орд, остававшихся дикими в своих родных степях.

Итак, в течение III в., смутного времени в китайской истории, когда варвары, сменившие хуннов, заполняя пустоту, хлынули повторяющимися потоками на север страны, в 260 г. в Северном Шаньси обосновалось племя тоба, выходцев с берегов Байкала и, вероятнее всего, говоривших на тюркском языке. Об этих людях, которым суждено было сыграть большую роль в истории, мы имеем достаточно сведений, чтобы точно идентифицировать их.

На протяжении нескольких сот лет о них почти ничего не было слышно. Но в конце IV в. их предводитель Тоба Гуэй (386–409 гг.) покорил шансийцев и быстро вышел на историческую арену. В 422 г. тоба взяли столицу Лоян и под династическим именем Вэй (Тоба-Вэй) стали настоящими китайскими императорами. Они захватили всю территорию Китая, включая его протектораты, оазисы Центральной Азии, которые прибрали к рукам около 448 г. (Куча и Карашар) и 456 г. (Хами); они почти завоевали его северную половину, аннексировав Шаньси (436 г.), Шандунь, Хэнань и часть Ганьсу (446 г.). Только утрата исконных кочевнических качеств стала причиной их поражения в борьбе с Южным Китаем после 469 г., когда они бросили свои войска на стены Нанкина.

Однако не блестящие военные операции сделали их известными и определили их историческое значение, а их исключительное приятие цивилизации и тот факт, что они стали защитниками китайской цивилизации от остальных варваров.

Разумеется, в самом начале, в царствование Тоба Гуя, Тоба Сэ (409–423 гг.) и Тоба Дао (423–452 гг.), которые были у тоба самыми заметными правителями, они проявили все свои лучшие качества и одновременно все пороки, присущие варварам. Но, начиная с царствования Тоба Сюня (452–465 гг.), они приняли буддизм и стали усиленно насаждать его в Китае: к примеру, в Лояне насчитывалось не менее 1300 пагод. Тоба Хун I проявил такое религиозное рвение, что отказался от трона и ушел в монастырь. Его сын Тоба Хун II (471–499 гг.) прославился тем, что при нем были созданы скульптурные гроты Лоньшэня. В таких условиях буддизм стал государственной религией.

Пятисотлетнее владычество тоба в Китае и вытекающие отсюда значительные политические и военные последствия обязывают нас более подробно остановиться на завоевательных устремлениях этого народа.

К началу 400-х гг. царству Вэй, т. е. «тюркскому Китаю» племени тоба, угрожала волна варваров – жужаней, чье название в китайской транскрипции может звучать как «дурно пахнущие насекомые». По мнению лингвистов, речь идет о чисто монгольской орде (как и их предшественники сяньби). Один из предводителей, Шо-Луэнь, прославил свой народ тем, что в 402 г. покорил соперничавшую орду – као-кью, – которая обитала в районе Кобдо и Урумчи и представляла собой предков тюркских талашей и уйгуров. После этого жужани царствовали в Северном Гоби от Леахо на востоке, на корейской границе, до верховьев Иртыша на западе и

почти до Карашара. Титулы «хан» и «каган» впервые появились у жужаней, т. е. это монгольские титулы, заменившие прежний титул шаньюй, который использовали племена хуннов.

Перед лицом угрозы со стороны новой империи кочевников правители тоба, или династия Вэй Северного Китая, предпринимали решительные наступления в виде превентивных операций в Гоби. Тоба Гуй одержал первую победу и отбросил кагана жужаней Шо-Луэня с излучины Хуанхэ (402 г.).

Тоба Сэ, продолжая защищать северные подходы к Великой стене от жужаней, продвинулся дальше на юг и отобрал у Южной Китайской империи город Лоян вместе с частью Хэнаня (423 г.).

Тоба Дао, сын Тоба Сэ, отразил угрозу со стороны жужаней в 423 г. В 425 г. он совершил против них карательный поход со своей конницей и прошел Гоби с юга на север (резиденция кагана жужаней находилась на Орхоне), затем он напал на другое царство варваров – Хья, основанное в Шаньси ханом хольенов, и захватил ханскую ставку около Пинъяна, на севере Шаньси (427 г.). В это время его военачальники действовали в Чанане (426 г.). В 431 г. они разгромили хольенов и присоединили Шаньси к царству тоба. В 436 г. войска Тоба Дао захватили царство Янь, последнюю территорию муюнов, и аннексировали его.

В 439 г. Тоба Дао покорил государство Пей-Лянь в Ганьсу. Правящее семейство Пей-Лянь – хуннский клан, правивший там с 397 г. под именем Цеу-Кью, – сбежало в Турфан, захватило этот район и царствовало здесь с 442 по 460 г.

Аннексией страны Пей-Лянь тоба завершили завоевание всех тюрко-монгольских царств в Северном Китае, исключением было царство Наньян в Шаньдуне, остаток муюнских государств, которое было аннексировано в 410 г. Южно-Китайской империей. После чего в этом регионе остались две силы: большое царство Тоба, или царство Вэй, как они называли свою страну на китайский манер, и исконно Китайская империя на юге, где Нанкин играл роль Византии. Действительно, картина напоминает римский мир, поделенный в VIII в. между франками, которые завоевали Запад, уничтожив остальные «варварские» царства, и Византийской империей, которая оставалась властительницей Востока.

Последствия этих завоеваний для народов Центральной Азии были настолько значительны, что они стали называть Северный Китай страной Тоба, так же, следуя их примеру, называли этот народ византийцы: табгачи – по-тюркски, тамгадж – по-арабски, тайгаст – по-гречески.

Объединив северную часть Китая, Тоба Дао провел в Гоби большую военную кампанию против жужаней, которая стала для последних настоящим бедствием (429 г.), затем закрепил свой успех в 443 г.

В 445 г. армия тоба примерно наказала Шаньшань, который блокировал все пути на запад, а в 448 г. генерал тоба Ванду Гуй наложил дань на Карашар и Кучу. В 449 г. состоялась третья экспедиция Тоба Дао в Гоби.

Тоба Дао – самая яркая личность этой энергичной тюркской династии, которая рьяно защищала от своих вчерашних родичей, оставшихся кочевниками, древнюю китайскую цивилизацию. Он отличался исключительной храбростью и наводил страх на жужаней, которые прежде пользовались слабостью китайских императоров и постоянно нападали на империю. Он поставил точку в масштабных походах, т. е. сделал примерно то же, что Хлодвиг сделал для Галлии. Он сам китаизировался в достаточной степени, но поддерживал в своей орде традиционный тюркский воинственный дух. Он отказался сменить старые стоянки в Пинчэне, на севере Шаньси, на пороге степей в исторические столицы древнего Китая – Лоян и Чанань, захваченные его армиями. Он также сохранил варварский тюрко-монгольский обычай, согласно которому перед восхождением на трон очередного царя тоба убивали его мать, чтобы избежать обиды и зависти возможных детей-соперников. Нет нужды говорить, что с такими взглядами он питал к буддизму глубокую антипатию, в которой сочетались его чувства воина-варвара и

ненависть к даосам со стороны его окружения. В 438 г. он упразднил орден буддийских монахов, а в 446 г. издал указ об их преследовании.

Преследования буддистов прекратил его внук, Тоба Сюнь, который пришел к власти в результате дворцового переворота (452–465 гг.).

В буддийских пещерах Юньгана, на севере Шаньси, вырытых между 414 и 520 гг., обнаружены скульптуры, составившие славу вэйского искусства и датированные временем царствования этих властителей; они выполнены с глубоким религиозным подтекстом, греко-буддийская основа которого пришла сюда через Гандхару по тропам Тарима и создала творения того высокого мистицизма, который можно назвать предшественником романской и готической скульптуры. Даже собственно китайские династии были слишком пропитаны национальными предрассудками и конфуцианским классицизмом, чтобы безоговорочно воспринимать мистику, пришедшую из Индии, поэтому буддийская скульптура императорских династий того времени – в Нанкине и даже в Лане – далека от таких взлетов религиозного экстаза.

Во многих отношениях именно благодаря своему варварскому происхождению племена тоба, эти франки Дальнего Востока, оставили в Юньгане, а затем в Лунмэне шедевры, сравнимые с Шартрским и Реймским соборами, и в этом, возможно, заключается один из самых неожиданных результатов завоевания древнего Китая степными кочевниками. Более того, великие походы V в. на Западе, когда общество, созданное западными варварами, в достаточной степени христианизировалось, принесли после «смутных» веков блестящие столетия Средневековья. Великие походы IV в. на Востоке еще раньше дали такие же результаты, потому что уже в течение ста лет Вэйский Китай впитал в себя достаточно буддизма, чтобы дать нам выдающуюся скульптуру Юньгана и Лунмэня.

Шли годы, а китаизация и обращение тоба в буддизм не погасили в них тюркскую энергию. В царствование Тоба Сюня племена тоба захватили оазис Хами (456 г.) и наконец в 448 г. нанесли жужаням такой сильный удар, после которого у тех осталась (до 552 г.) лишь тень былого могущества. Местные племена подняли головы и стали готовиться к предстоящему владычеству тюрков.

При Тоба Хуне I тоба перенесли направление своих завоеваний в исконно Китайскую империю, т. е. на юг: в 466 г. они взяли Пинчэн в Ганьсу, в 467 г. захватили бассейн Хуанхэ, в 469 г. завоевали Шаньдун. В 467 г. они нанесли сильный удар по родичам сяньби, т. е. монголам, которые с начала века поселились в Кукуноре.

Тоба Хун был настолько ревностным буддистом, что в 471 г. отрекся от трона в пользу своего юного сына и ушел в монастырь. Новый монарх – Тоба Хун II – с такой же симпатией относился к буддизму и под влиянием этой религии сделал законы намного гуманнее. Он завершил китаизацию тоба, а в 494 г. перенес свою столицу из Пинчэна в Лоян (кстати, византийские и сирийские географы иногда называли его Таугаст по имени тоба), и именно к этому периоду относятся знаменитые буддийские пещеры Лунмэня, с их скульптурами, которые датируются 494–759 гг. Но, полностью приняв китайскую культуру и буддийскую веру, тоба утратили воинственный дух своих прародителей тюрков. Все их попытки объединить Китай под своей властью, т. е. присоединить Южную империю, успехом не увенчались. Царь Тоба Ко (499–515 гг.) сделал последнее усилие в этом направлении, но его войска не смогли преодолеть линию Хуанхэ, которая служила границей между двумя империями и за которой находилась неприступная крепость Чоньли.

После смерти Тоба Ко царством Тоба правила его вдова, императрица Ху Ши (515–528 гг.). Наследница древних тоба была последней из династии, в которой еще чувствовались тюркская сила и энергия. Это была твердая, временами даже жестокая женщина, жаждавшая власти, но, тем не менее, благоволившая к буддизму. Она привела в порядок буддийские святыни Лунмэня и отправила в Северо-Западную Индию буддийского монаха-путешественника

Сонь-Юня, который оставил интересные записки о положении дел в Центральной Азии того времени.

Сонь-Юнь прошел через Шаньшань, Хотан, Памир и в Бадахшане встретился с ханом эфталитов. Затем он побывал в Уддиане и Гандхаре и привез оттуда своей царице интересующую ее буддийскую литературу (518–521 гг.).

К этому времени тоба китаизировались до такой степени, что в их царстве начались дворцовые перевороты, гражданские войны и споры из-за наследства. В 534 г. они разделились на две ветви: Восточные Вэй (Дун Вэй), которые владели Хэбэем, Шаньдуном и Хэнанем со столицей в Чанто (534–550 гг.), и Западные Вэй (Си-Вэй), которой принадлежали Шэньси и Ганьсу, а столицей был Чанань (534–557 гг.). Обе династии были свергнуты своими министрами, в результате в Чанто вместо Восточных Вэев образовалась династия Пей-Ци (550–577 гг.), а в Чан-Ане вместо Западных Вэев – династия Пей-Чжеу (557–581 гг.). Но эти династии скоро стали китайскими, поэтому не имеют отношения к истории Степи. Однако интересно то, каким образом тюркская сила, ярко выраженная у первых императоров тоба, постепенно ослабла и растворилась в китайской массе. Это вечная история, которая за столетия произошла с киданями, чингисидами, маньчжурами и др. К тому же следует добавить, что на судьбу тоба во многом повлиял буддизм, так же как позже он вмешался в судьбу чингисидов, а еще позже – племен халкха. Эти суровые варвары, которых коснулась милость Бодхисатвы, настолько сильно воспринимали гуманность буддийских заповедей, что не только забывали свою врожденную воинственность, но даже переставали заботиться о своей защите.

К 534 г. империя ослабла и постепенно пришла к закату, от нее остались только тоба, поглощенные китайскими массами.

А теперь остановимся более подробно на жужанях, согласно терминологии китайских авторов. Возможно, это – протомонголы, благодаря которым в глазах цивилизации оправдано присутствие в Китае тоба, их врагов. Жужани не имеют никакого отношения к псевдоавам, западным аварам, истребленным Карлом Великим. Под предводительством Че-Луэня они разгромили као-кью тинь-линей около Кобдо (Западная Монголия), в Тарбагатае и в районе нынешнего Семипалатинска, затем за короткое время восстановили, почти во всей целостности, степное государство от Кореи до Иртыша и Карашара, которое раньше было империей хуннов. Жужань не имела особой известности и просуществовала недолго.

Итак, 420 г. был кульминацией жужаньского могущества. Легкие победы над северными и западными племенами сделали Жужань гегемоном в Великой степи, но ни в коей мере не обеспечили этому ханству ни покоя, ни процветания. Главным врагом жужаней была империя Тоба-Вэй, и жужаньский хан Датань попытался сделать все возможное, чтобы не допустить усиления своего естественного соперника.

В 424 г. Датань с 60 тыс. конницы вторгся в Китай, дошел до столицы и разграбил императорский загородный дворец.

В 430 г. император Тоба Дао рассеял в степи войска жужаней.

Теперь роли переменялись: империя Тоба-Вэй достигла своего зенита. К тому же телеуты (прототюрки) в количестве 100 тыс. кибиток откочевали от Жужани в долину Иртыша, где телеский старейшина принял титул Великого Сына Неба, и война вспыхнула.

Переход теле на запад был событием чрезвычайной важности: эти разрозненные кочевники образовали свою державу Гаогюй.

В конце V в. в Китае началось возрождение. Античный период истории Восточной Азии заканчивался, и пережиток этой эпохи – Жужань – должна была погибнуть.

Таким образом, уход телеутов и государственный переворот 492 г. были переломными моментами в истории Жужани. Она потеряла гегемонию в Центральной Азии и принуждена была сражаться уже не за власть, а за существование.

Тем временем теле освоились на новом месте и, уничтожив Юэбань, последний остаток хуннской эпохи, создали новое государство.

В политическом отношении Гаогюй держался китайской ориентации, рассчитывая получить шелк. Однако в 495 г. эфталиты (враги жужаней и союзники китайцев), расправившись с Ираном, разгромили Гаогюй. Эфталиты выбрали из числа пленных князя Мивоту и поставили его над оставшимися телеутами. Итак, Гаогюй превратился в вассала эфталитов, которые заплатили ему за союз 60 кусков шелковых тканей.

Но шелк надо было отработать: против жужаней были подняты телеуты, которые должны были оплатить кровью свои 60 кусков шелка. При оз. Пулэй Мивоту разбил жужаней. Те бежали на юг, но в горах Бэйшаня встретили отряды Мын Вэя. В панике бросившись обратно, жужани натолкнулись на телеутов и были снова разбиты (508 г.). В резне погиб злополучный хан жужаней Футу. Мивоту отправил его скальп Мын Вэю. За это ему были присланы дары: полный набор музыкальных инструментов, 80 музыкантов, 10 кусков пунцовых и 60 кусков разноцветных шелковых тканей.

В 516 г. наследник Футу убил Мивоту, и спасшиеся телеуты примкнули к эфталитам. В Жужань тем временем проник буддизм, и единство в орде нарушилось: начались распри.

Распрями воспользовались телеуты: младший брат замученного Мивоту восстановил государство Гаогюй и разбил в 521 г. жужаней, загнав их в Китай.

В 534 г., оставшись один на один с телеутами, жужани разбили их наголову. В 540 г. держава Гаогюй перестала существовать.

Несмотря на бесспорное превосходство жужаней в Верхней Азии, их экспансии мешали яростные атаки тоба, теле, внутренние распри (особенно в 521 г.), восстания подданных.

Жужани имеют отношение к истории тюрков не только потому, что они сразу после них появились в Монголии, сражались с ними, поработщали их и, наконец, пали под их ударами, но и потому, что они привнесли в Верхнюю Азию новые черты цивилизации, которые позже стали признаком тюркской специфичности.

Владычество жужаней (407–552 гг.) не приняли народы Верхней Азии, которые в большинстве своем были тюрки, и оно кажется некоей исторической случайностью в той долгой эпохе, когда на первый план выходят тюркоязычные племена, а монголы большей частью остаются на крайнем Востоке.

Примерно в ту же эпоху на Енисее, в районе Минусинска, сформировалась новая культура – так называемая культура «рыцарей-кочевников», от которой остались бронзовые пластины, элементы упряжи и сбруи, удила, стремяна, ножи, сабли, копья, седла и т. п. Они хранятся в музеях Минусинска и Хельсинки. Кстати, такие же предметы (оружие) обнаружены южнее Байкала. По-видимому, эта культура существовала и при жужанях и после них, потому что в тех же местах ее следы связаны с китайскими монетами начала династии Тан (VII в.) и теряются только в IX в. Она интересует нас в связи с тем, что является поразительной аналогией с аварской культурой в Венгрии VI–VIII вв. и с протовенгерской культурой IX в. Однако этот факт не является убедительным доводом для того, чтобы считать жужаней прямыми предками европейских аварцев, по крайней мере, это позволяет заключить, что и те и другие вращались вокруг одного культурного центра.

После жужаней и телеутов можно вести речь о родственной орде – об эфталитах, хозяевах Западного Туркестана того периода.

Держава эфталитов

Эфталиты – это тюрко-монгольская орда, родиной которых, по сообщениям Сонь-Юня, были горы Алтая и которая спустилась в степи нынешнего Туркестана. Их имя – эфталиты – у византийских историков, хейафелиты – у персидского историка Мирконда, йе-таи – у китайцев, которое, по-видимому, происходит от царского клана Эфта, или Йе-Та. Византийские историки называют их, впрочем безосновательно, «белыми гуннами».

В начале V в. эфталиты представляли собой второстепенную орду вассалов жужаней, которая, как уже говорилось, владычествовала в Монголии. Во второй четверти V в. эфталиты набрали силу и распространили свою власть на запад: начиная с верховьев Юлдуза (северо-западнее Карашара), затем бассейн р. Или до Балхаша, бассейн Иссык-Куля, Чуйские и Таласские степи и район Сырдарьи до Аральского моря. Согласно некоторым источникам, одна из резиденций ханов эфталитов находилась рядом с Таласом. В 440 г. они оккупировали Согдиану, или Мавераннахр, и, вероятно, Балх, Бактрию, или Туркестан.

Некоторые востоковеды, в частности Ноельдке, считают, что начиная с царствования персидского царя Бахрама Гуру (420–438 гг.) эфталиты поселились в Бактрии. Возможно, они даже захватили сасанидскую провинцию Хорасан, откуда Бахрам Гур изгнал их в результате битвы при Кусмехане около Мерва. Наоборот, Маркарт полагает, что Бахрам Гур, а затем его преемник Йездигерд II (438–456 гг.) вынуждены были защищаться не от набегов эфталитов, а от хионитов, которые кочевали севернее Мерва. В любом случае именно эфталиты при сасанидском шахиншахе Перозе (459–484 гг.) напали на Хорасан и в конце концов победили и убили этого монарха. Эфталитский вождь, одержавший победу, известен арабо-персидским историкам под именем Ахшунвара или Ахшунваза (возможно, это искаженное согдийское слово «ахшеван», т. е. царь).

После победы над шахиншахом Перозом, эфталиты захватили не только пограничные районы Талекана (между Балхом и Мервом), граничавшие на северо-востоке с империей Сасанидов, но также Мерв и Герат. Кроме того, они поддержали дворцовые интриги среди Сасанидской династии Ирана. Так, сасанидский царь Кавадх, лишенный трона в Ктесифоне, нашел у них убежище, женился на племяннице их хана и получил от него армию, при помощи которой вернул себе корону (498 или 499 г.).

Здесь, очевидно, следует обратиться к истории Сасанидской империи, которая была основана в 224 г. Ардаширом, свергнувшим Артабана V, последнего парфянского царя, мстя за ахеменидского царя. Империя располагалась на Среднем Востоке и получила свое название по имени деда Ардашира, Сасана.

Царство простиралось от Сирийской пустыни, где постоянно приходилось обороняться от наступавших римлян, до северо-западной Индии, где были покорены Кушанская и Эфталитская империи, которые являлись препятствием на главных торговых путях, связывавших Индию и Китай с западными странами.

В политическом отношении империя то склонялась к полной централизации при сильной монархической власти, которая поддерживалась армией и бюрократией, как при Хосрове I (ум. в 579 г.), то впадала в анархию при всевластии местной знати.

Зороастризм объявлен в III в. государственной религией. Христиане в Армении и Закавказье подвергались гонениям, но, порвав в 424 г. с Византийской церковью, освободились от подозрений в служении врагам империи.

Царский двор в Ктесифоне притягивал к себе все лучшее в культурном отношении, испытывал сильное греко-римское влияние и не был чужд новшествам с Востока. Однако население в последние годы правления династии очень сильно страдало от постоянных войн, чем, воз-

можно, объясняется быстрый распад империи накануне арабского завоевания в 636–661 гг., о чем речь пойдет далее.

Однако обратимся к концу V в., когда эфталиты стали грозной силой в Центральной Азии. В «Лань-Шу» говорится о посольстве, отправленном в 516 г. к китайскому двору в Нанкине эфталитским царем Йе-Тай-Ли-То.

Несмотря на поражение шахиншаха Пероза, сасанидский Иран обладал достаточной силой, и эфталиты отказались от мысли покорить его. Они вернулись на юго-восток в район Кабула. Очень возможно, что при их приближении последних кушанов заменила другая династия – юечжи, пришедшая из Бактрии.

В иранских источниках того времени говорится о Кидаритской династии, которая обосновалась к югу от Окса, между Балхом и Мервом, и воевала против сасанидов. По тем же источникам, сасанид Пероз, тот самый, который якобы погиб от рук эфталитов, – сражался против кидаритских вождей: сначала против их героя Кидары, а позже – Кунха, сына Кидары. Далее говорится, что именно в результате поражения, которое нанес им Пероз, кунхи ушли из Бактрии, и ее тут же заняли эфталиты, после чего Пероз перешел Гиндукуш и остановился в Кабуле, где заменил последних кушанов. Эти сведения подтверждают китайцы, но датируют этот эпизод несколькими годами раньше. В китайских источниках, которые, очевидно, восходят к 436–451 гг., отмечается, что «один царь юечжи из По-Ло, т. е. из Балха, под давлением эфталитов покинул Бактрию и перебрался в Гандхару, где поселился в Пешаваре, подчинившись своим сородичам юечжи Кабула, т. е. последним кушанам». Китайцы называют этого царя Ки-То-Ло, что точно соответствует имени Кидара. Получается, что под натиском эфталитов, а не сасанидов кидариты ушли из Бактрии и нашли убежище в Кабуле. Впрочем, эфталиты преследовали их и прошли по их следам через Гиндукуш. А древняя земля юечжи – Бактрия, Кабул и Кандагар – перешла в руки эфталитов. Более того, из долины Кабула эфталитский авангард, как когда-то кушаны, отправился покорять Индию.

Основная часть Индии – весь бассейн Ганга, Мальвы, Гуджерата и север Декхана – составляла тогда крупную империю во главе с большой местной династией Гуптов, которая находилась на вершине могущества в царствование Кумарагупты (414–455 гг.), которого сменил его сын Скандагупта (455–470 гг.). В последние годы Кумарагупты или в начале царствования Скандагупты эфталиты, покорив Кабул, спустились в Пенджаб и в районе Доаба или Мальвы подошли к границам Гуптской империи. Скандагупта заставил их отступить – либо сразу после восхождения на трон, либо несколько раньше, в бытность наследного принца. В 460 г. в стране воцарился покой.

Однако эфталиты прочно закрепились по обе стороны Гиндукуша – в Бактрии и Кабуле.

В 520 г. их хан (во время путешествия китайского паломника-хронографа Сонь-Юня) имел резиденцию к северу от Гиндукуша, переезжая в зависимости от времени года из Бактрии, где он проводил зиму, в Бадахшан, летнюю резиденцию. В Кабуле, в старых греко-буддийских провинциях Капика и Гандхара, обосновался второстепенный эфталитский вождь, тегин, отпрыск династии, второй царь которой правил в 520 г. В Гандхаре, в среде высокой культуры, где эллинизм и буддизм превратили эту страну в новую Элладу и новую «буддийскую Святую землю», эфталиты вели себя как варвары, убивая местных жителей, преследуя буддистов, уничтожая монастыри и памятники искусства, разрушая пятисотлетнюю греко-буддийскую цивилизацию. И персидские, и китайские тексты в один голос констатируют тиранию и вандализм этой орды.

Исторические хроники «Цей-Ше» и Сонь-Юнь, посетивший эфталитского хана в 520 г. в его летней резиденции Бадахшана, затем тегина в Гандхаре, описывают эфталитов как настоящих кочевников: «Они не живут в городах, их правители постоянно находятся в кочевом лагере, в войлочных шатрах. Они перемещаются в поисках воды и пастбищ, уходя на лето в прохладные места, на зиму – в районы с умеренным климатом. Для царя сооружают большой

шатер квадратной формы, 40 пядей с каждой стороны, вокруг которого расстилают шерстяные ковры. Царь носит шелковые цветастые одежды. Он восседает на золотой кровати, ножки которой сделаны в форме четырех золотых фениксов. Его главная жена также носит одежды из раскрашенного шелка, которые на три шага волочатся по земле. На голове у нее коса длиной 8 пядей, украшенная драгоценными камнями пяти разных цветов». Это рассказ Сонь-Юня, который отметил у эфталитов обычай братской полиандрии, а также враждебность к буддизму. «Они совсем не верят в буддийский закон и поклоняются многим божествам. Они убивают живых существ и едят мясо с кровью». По свидетельству Хьюань-Цана, эфталиты вырезали в Гандхаре две трети жителей, остальных обратили в рабство, кроме того, уничтожили большинство монастырей и буддийских святынь.

Из Кабула эфталиты зорко следили за богатствами Индии. Получив отпор со стороны индийского императора Скандегупты, они ждали благоприятного случая, который не замедлил представиться, когда после смерти монарха (470 г.) Индийская империя пришла в упадок, возможно в результате раздела страны на две ветви Гуптской династии: одна царствовала в Мальве в лице Буддхагупты (476–494 гг.) и Бханугупты (499–543 гг.), другая – в Бехаре и Бенгалии во главе с Пурагуптой и Нарасим-хагуптой. По причине ослабления гуптского могущества эфталиты начали совершать набеги на Индию. Возглавлявший их эфталитский хан, которого индусы называли Торамана (ум. в 502 г.), не был ханом всех эфталитов (последний жил севернее Гиндукуша, в Бактрии и Бадахшане, как говорилось выше), походом руководил второстепенный принц, или тегин, а именно тегин Кабула. Три надписи, касающиеся этого военачальника, обнаруженные в Куре (северо-запад Пенджаба), в Гвалиоре и Эроне, доказывают, что он покорил не только бассейн Инда, но и Мальву. Его монеты представляют собой имитацию монет индийского императора Буддхагупты, его современника.

Михиракула, сын и преемник Тораманы, который известен нам по своему «культовому» индийскому имени «солнечная раса» на санскрите, царствовавший в своей орде в период между 502 и 530 гг., был настоящим Аттилой для Индии. Он сделал своей столицей Сакалу (Сиакот) в Восточном Пенджабе. Именно с этим тегинем Гандхары встречался в 520 г. Сонь-Юнь; этот тегин завоевал Кашмир, после чего вернулся в Гандхару и учинил там резню. Буддийские древние историки изображают его как ярого врага их религии. Хьюань-Цан пишет, что гуптский суверен Магадху, или Бехара по имени Баладитья, был единственным, кто оказал сопротивление. Михиракула дошел до Ганга, преследуя своего врага. Баладитья сначала отступил, затем неожиданно атаковал и пленил его. Этот рассказ заканчивается морализирующим выводом. С другой стороны, надпись в Эроне, в Мальве, датированная 510 г. и рассказывающая о победах другого гуптского принца, Бханугупты, свидетельствует о том, что и здесь идет речь о войне с эфталитами. В 533 г. третий индийский принц, Ясодхарман, которого связывают с династией Мандасорских раджей Мальвы, похваляется в своих надписях, что он победил племена эфталитов и заставил Михиракулу покориться ему. После этих поражений Михиракула, видимо, отступил в Кашмир, откуда обрушил на своих подданных в Гандхаре кровавые репрессии, о которых сообщают китайские паломники. В буддийских текстах за все его жестокости предрекается жестокая смерть.

Нам неизвестно, что стало с кланами эфталитов в Пенджабе после Михиракулы. Должно быть, они продолжали беспокоить своих соседей, хотя уже не были настолько опасными: во второй половине VI в. махараджа Танесвара по имени Прабхакара (605 г.) разгромил их. В 605 г. его старший сын Радживардхана тоже воевал с ними, а позже великий индийский император Харша Силадитья (606–647 гг.) прославился своими победами над теми же эфталитами. Тем не менее, начиная со второй половины VIII в., эфталиты Индии исчезают из поля зрения истории. Очевидно, их орды истребили друг друга или влились в население Пенджаба. Некоторые из их кланов сумели пробиться в индийскую аристократию.

Историческая судьба Эфталитской державы удивительно напоминает судьбу средневековой Швейцарии. И там, и тут воинственные племена добились возможности объединения, используя временный упадок и затруднения соседних монархий; и там, и тут были одержаны блестящие победы, там – над австрийцами и бургундцами, тут – над персами и индийцами, но в обоих случаях удержать захваченные территории и закрепить успех не удалось. И как впоследствии швейцарские наемники украшали собою гвардию французских королей, так и эфталитские воины умножили ряды раджпутов, облегчив им победу над остатками развалившейся империи Гупта.

Эфталиты были народом воинственным, но немногочисленным. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Это же разложение Согдианы обусловило слабость эфталитской державы, так как многочисленных подданных бесполезно было мобилизовать. Сами эфталиты, видимо, не переоценивали своих сил и в авантюры не пускались. Режим, установленный эфталитами в Центральной Азии, очевидно, был непопулярен, так как при нападении орд кочевников в 560–570 гг. согдийцы и юэчжи никакой помощи эфталитам не оказали.

Религии Великой степи

Проследим процесс проникновения религий в Великую степь во временном периоде с III в. и, забегаая вперед, по XI в.

Во все времена каждый отдельный человек, будучи одиноким, чувствовал себя незащищенным. Не играла роли принадлежность ни к семье или определенному кругу, ни даже к политической группировке, потому что предательство было заурядным явлением, и каждый человек вынужден был искать людей, близких себе хотя бы по духу.

Зачастую религиозные общины совпадали с определенными территориально-политическими образованиями. Например, буддистов тянуло в Тангут или в Кидань, а христиан – к уйгурам или шато.

Входя в ту или иную религиозную общину, человек попадал в среду людей, которым мог доверять, потому что общину он выбирал согласно своим вкусам и наклонностям, и тем самым решал многие проблемы бытия.

Начнем с концепции персидского мыслителя Мани (III в.), объединившего идеи христианские, зороастрийские и даже индийские. Мани учил, что существует «беснующийся мрак» – пространство вечной тьмы, имеющей сгустки еще более темные, чем вмещающая их среда. Эти скопления мрака движутся беспорядочно, как молекулы в броуновском движении, но однажды они случайно приблизились к краю своего пространства, к границе «вечного Света» и попытались проникнуть туда, чтобы омрачить «царство Света». Против них вышел сражаться носитель светлого начала, которого Мани называет Первочеловек, и придает ему качество Ормузда. Силы мрака победили, растерзали Первочеловека и облекли тьмой частицы Света, которые теперь томятся в плену. На выручку этим частицам, т. е. душам, приходил Христос, а вслед за ним он, Мани, воплощение Святого Духа, Параклета-Утешителя. Цель их прихода – освобождение душ от материи – кристаллизованной тьмы; отсюда вытекает, что все материальное, все, что привязывает человека к миру и жизни, – греховно.

С этой концепцией боролись христиане, утверждавшие, что создатель мира благ, а мир, созданный им, прекрасен. В противовес возникли монистические мысли: неоплатонизм, утверждавший, что материя – ничто (мэон), а мир – это истечение из Божественной Плеромы – полноты всего сущего, и христианский монизм в учении Оригена, проповедовавшего, что после светопреставления и Страшного суда по милосердию Божьему дьявол будет прощен.

Православная мысль к IV в., усвоив отдельные элементы всех перечисленных концепций, выкристаллизовывалась в особую философию. Но тогда начались новые затруднения, уже чисто богословского, а не философского характера, отразившиеся в жестокой борьбе на Вселенских соборах.

Появились четыре направления христианской мысли: арианское – распространившееся среди германских племен, несторианское – наиболее важное для нашей темы, монофизитское – возникшее как антитеза несторианству, и халкедонитское (от места, где происходил IV собор) – ставшее господствующим исповеданием Византийской империи.

Вулканом вольномыслия в первые века нашей эры был Передний Восток. В начале IV в. александриец пресвитер Арий выступил с проповедью, что Христос-Логос меньше своего Отца, ибо Он Сын и, значит, рожден. Архиепископ Александр и его диакон Афанасий возражали Арию, указывая, что слово «рожден» к Божественной сущности неприменимо, и обвинили его в ереси Павла Самосатского, учившего, что Христос был человек, осененный Божественной мудростью. Спор быстро перерос в гражданскую войну, причем одни императоры поддерживали ариан, а другие – православных. Одновременно проповедовали свои учения гностики, неоплатоники, митраисты, и все боролись против всех.

Не следует думать, что представители этих учений были неискренни в своих привязанностях к исповеданиям веры. В те времена потребность в логически-последовательном мировоззрении была очень острой. Конечно, не случайно, что наиболее рационалистические и буквалистские толкования догмы религии были связаны с антиохийской школой, философские – с александрийской, а эмоционально-эстетические – с константинопольской, где эллинский элемент среди населения был преобладающим. Но нам нет необходимости далее останавливаться на перипетиях религиозной борьбы в Римской империи, а следует сосредоточить внимание на проникновении этой бурлящей, раскаленной мысли в бескрайние пространства Великой степи.

После того, как в 277 г. в Гундишапуре, резиденции персидского шаха, принял мученический венец мыслитель и писатель Мани, объявивший себя наследником Христа и Параклетом, замученный мобедами, зороастрийским духовенством, его последователи вынуждены были бежать из Ирана, но на Западе манихейство подвергалось постоянному гонению и ушло в подполье. На Востоке манихеи нашли приют в Мавераннахре и в оазисах вдоль Великого караванного пути.

В 431 г. на Вселенском соборе в Эфесе был предан анафеме константинопольский патриарх Несторий, неосторожно заявивший, что «у Бога нет матери». Его победители немедленно вступили в борьбу между собою, но как монофизиты, так и православные халкедониты были единодушно нетерпимы к несторианству. Особенно обострилась вражда после 484 г., когда на соборе в Бит-Запате несторианство было признано господствующим исповеданием персидских христиан, в том числе и прихожан Мервской митрополии. Поддержка персидского шаха для византийских несториан оказалась роковой. В 489 г. император Зенон подтвердил осуждение несториан и закрыл эдесскую школу, где несториане преподавали свое учение. Школа переехала в Иран, в Низиб, а в 499 г. в Ктезифоне возникла несторианская патриархия, расцветшая в VI в.

Из Ирана несториане широко распространились по Восточной Азии. В VI в. христиане проповедовали свою веру среди кочевых тюрков не без успеха. Тюрки, захваченные в плен византийцами в битве при Балярате в 591 г., имели на лбах татуировку в виде креста и объясняли, что это сделано по совету христиан, живших в их среде, чтобы избежать моровой язвы. Этот факт отнюдь не говорит о распространении христианства среди кочевых тюрков VI в., но позволяет констатировать нахождение христиан в Степи.

В 635 г. несторианство проникло в Китай и было встречено правительством весьма благожелательно. Первые императоры династии Тан, Тай-цзун и Гао-цзун, покровительствовали христианам и позволяли им строить церкви. Во время узурпации престола императрицей У Цзэ-тянь, связанной с буддистами, на христиан началось гонение, но узурпаторша была быстро лишена власти сторонниками династии Тан. В 714 г. в империи Тан император Сюань-цзун указом запретил буддизм, а в 745 г. разрешил проповедь христианства. С этого времени несторианство начало распространяться в Джунгарии, находившейся под контролем империи Тан, и обретать неофитов среди кочевников, главным образом басмалов, но довольно долго его успехи были незначительны.

Распространяющееся несторианство встречало сопротивление не со стороны местных религий, пришедших в упадок после падения Тюркского каганата, а от подобных ему прозелитических религий: буддизма, ислама, манихейства и бона. Первые две религии долгое время не находили последователей в Степи. Тонь-кук воспрепятствовал пропаганде буддизма на том основании, что «учение Будды делает людей слабыми и человеколюбивыми», а тюркешский хан Сулу ответил послу халифа Хишама (724–743 гг.) так: «Среди моих воинов нет ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами, и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни». Ислам представлялся кочевникам исключительно городской религией, и они относились к нему так же, как и бедуины Аравии век назад. Зато манихеи, изгнанные в 732 г. из китайских владений императо-

ром Сюань-цзунов, нашли сторонников среди уйгуров и поддержали хана Моянчура в тяжелой внутренней войне.

Поскольку христиане оказались противниками уйгурского хана, то после победы он склонился на сторону манихеев, которые его поддержали. Вскоре Уйгурия быстро превратилась в теократическую державу, где правила манихейская община. Хану оставили только военные дела.

Манихеи, оказавшись у власти, проявили такую религиозную нетерпимость, что рассорились со всеми соседями: тибетскими буддистами и последователями религии бон, сибирскими шаманистами, мусульманами, китайцами и уж, конечно, несторианами. Здесь мы не станем проследивать политическую историю Уйгурии, поскольку это будет рассматриваться далее, отметим лишь, что, когда эта страна была сокрушена в 840–847 гг. кыргызами, вместе с ней погибла и манихейская община. Опустевшие после ухода уйгуров на юг степи постепенно заселились монголоязычными племенами. Культурная традиция на время оборвалась, но как только восстановился кое-какой порядок, несторианство буквально затопило Центральную Азию.

Зато в Китае, где несторианство было терпимо с 635 г., в 945 г. специальным указом Танского правительства оно было объявлено вне закона вместе с буддизмом и манихейством. Это событие совпало с разгромом Уйгурии, в которой до сих пор Китай нуждался как в союзнике и которая охраняла интересы и жизнь кочевников, обитавших в пределах Срединной империи. Последовавшим за указом гонениям христиане оказали куда более сильное сопротивление, чем буддисты и манихеи. Но позиции христианства в Китае были сильно подорваны. В 987 г. христианский монах, вернувшийся в Константинополь с Дальнего Востока, рассказал, что «христиане в Китае исчезли и уничтожены по разным причинам и что только он один убежал». Можно быть уверенным, что здесь имеется некоторое преувеличение и что осколки несторианства оставались на северной границе Китая вплоть до начала XI в., когда развернулась интересующая нас вторая волна христианской экспансии на Дальнем Востоке.

Буддизм выдержал натиск куда более успешно, чем христианство. И даже манихейство не было полностью подавлено, хотя для того, чтобы удержаться, оно прибегло к обману. Манихеи начали притворяться буддистами. Сначала это была сознательная мимикрия: нельзя же было, в самом деле, каждому неопиту объяснить, что он вступает в запрещенную правительством общину, которая маскируется под буддийскую, будучи в действительности манихейской! Такими разъяснениями можно было только оттолкнуть неопитов, да еще и нарваться на предателей. Поэтому, выдавая себя за буддистов и соблюдая соответствующий декорум, китайские манихеи постепенно слились с буддистами, и даже такие ученые, как Бируни, перестали различать их. Особенно интенсивным было это смешение в тех областях, где позже возникло Тангутское царство: манихейские божества светил в буддийском облике обнаружены на иконах Хара-Хото.

Итак, в аспекте борьбы мировоззрений влияние китайской и мусульманской культур в Степи было ограничено и остановлено византийской культурой, понимаемой в самом широком смысле. И самое любопытное в этом явлении было то, что успех «степного византийства» (Л. Гумилев), т. е. проникновение христианства и манихейства в Степь, нельзя подвести под рубрику «культурных влияний». Всякое влияние предполагает какую-нибудь форму принуждения, хотя бы моральную, интеллектуальную, эмоциональную.

А кочевники были всегда очень чувствительны к любым формам принуждения и умели весьма успешно отбиваться от них. Но Византийская империя, находясь далеко от степей Центральной Азии, не давила и не могла давить на кочевников. К тому же проповедь христианства среди кочевников вели те, кого в самой Византии считали еретиками. Поэтому распространение христианства в Степи было не «культурным влиянием», а пересадкой идейных ценностей.

Универсализм христианства, в котором «несть ни варвар, ни скиф, ни еллин, ни иудей», привился в кочевом мире, потому что он не третировал кочевников как неполноценных людей и не вел к подчинению чужому хану, будь то Сын Неба или Наместник пророка. Напротив же, победа «китайского гуманизма», т. е. стремление избавиться от чужеродных элементов в своей культуре, свелась к расправе над беззащитными подданными и потому не перехлестнула Китайскую стену.

К 1000 г. несторианство в Китае исчезло. Сунское правительство объявило войну религии как таковой и победило. Но кого? Кучку монахов и немногих пограничных метисов, искавших утешения и покоя! Уцелевшие китайские несториане бежали в Степь, и с этого момента несторианство стало антикитайской силой, во много раз более мощной, чем до гонений.

Глава 2

Империя Атилы

Гунны – возвращенная молодость хуннов

В середине II в. хуннская эра во Внутренней Азии закончилась, но с этого времени начинается новый этап их истории – гуннская инвазия в Европу и их завоевания в Старом Свете.

Если Птоломей прав, гунны обосновались в районе Нижней Волги во II в.

История хуннов с 158 по 350 г. совершенно неведома. Можно лишь констатировать, что за 200 лет они изменились настолько, что стали новым этносом, который принято называть «гунны».

По этому поводу существует легенда, что король готов Филимер, при котором готы во второй половине II в. появились на Висле, привел свой народ в страну Ойум. Предполагается, что эта страна располагалась на правом берегу Днепра. Там Филимер разгневался на женщин, обладающих сверхъестественными силами, одним словом, колдуний, и изгнал их в пустыню. С изгнанницами встретились «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов. Видимо, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сяньби, остались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла вынести тысячу дней без отдыха. Описанная в легенде метисация – единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения.

Хунны и гунны – пример этнической дивергенции.

Мы не знаем, каков был социальный и политический строй гуннов периода миграции из зоны периферии китайской цивилизации в Поволжские степи и периода нашествия на земли аланов и готов Северного Причерноморья, но гунны должны были принципиально упростить свои социально-политические структуры с началом миграции на запад. Несомненно, однако, что гунны, тем не менее, сохраняли ту или иную меру памяти о своем прежнем социально-политическом опыте.

А каково же было положение в Европе?

К середине III в. германские племена между Эльбой и Рейном, обессилившие и спившиеся, стали образовывать военные союзы. Так, на базе древних племен, уже превратившихся в реликты и не способных отразить наступление римской армии Германика, возникли новые этнические образования с условными названиями: франки – свободные, саксы – ножовщики, алеманны – сброд, свевы – бродяги. Это были организации, созданные исключительно для войны, то есть военная демократия, уживавшаяся в Европе с родовым строем, так как некоторые племена сохранили его.

Предки славян – лугии и венеды – не уступали германцам в энергии, а иногда превосходили их, и за короткое время они распространились до Балтийского моря, а в последующие века овладели Балканским полуостровом. Позднее восточные славяне и росомоны слились в единый древнерусский этнос. Но в III–IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы, победившие римлян и отторгшие у них в 271 г. целую провинцию – Дакию. Кровь лилась обильно.

Но где же в эту эпоху – 160–360 гг. – царил мир? Какой этнос избегал столкновений, потрясавших Европу, Ближний Восток и Центральную Азию? Кто сумел избежать кровопролитий? Только те, о ком не вспоминают историки тех лет: это гунны. Можно подумать, что античные историки просто не уделяли внимания кочевым народам. Но это не так. Об аланх сообщают Иосиф Флавий, Лукиан и Птоломей, а о гуннах подробно рассказывает только Аммиан Марцеллин.

Аланы были одним из сарматских племен. Вот что писали о них историки: «Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя». Об этом же сообщают китайские географы эпохи Младшей Хань, называя вновь образовавшееся государство Аланья. Территория аланов включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье. Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их являлась продолжением скифской, хотя царских скифов и скифов-кочевников сарматы истребили так, что тех вообще не осталось, кроме как в степном Крыму. Последних прикончили готы.

Западные сарматы, роксоланы и язиги постоянно воевали с римлянами на берегах Дуная; восточные, проходя через «Аланские ворота» – Дарьяльское ущелье, вторгались в Армению и Мидию. Короче говоря, аланы 200 лет постоянно воевали.

Где в это время были гунны – историческая загадка.

Марцеллин дает следующий портрет гунна (очевидно, под впечатлением от ужаса при известии о вторжении гуннов в Старый Свет): «Гунны превосходят в жестокости и варварстве все, что можно себе представить. Они уродуют шрамами щеки своих детей, чтобы не росла борода. Их приземистая фигура с огромными руками и непропорциональная голова придают им чудовищный облик. Они и живут, как животные. Они не жарят и не варят пищу, питаются корнями диких растений и сырым мясом, протухшим под седлом. Они не имеют понятия о плуге, о жилищах оседлых людей. Это вечные кочевники, с детства привыкшие к холоду, голоду, жажде. Они повсюду водят с собой свои стада, а семьи перевозят в повозках, где женщины ткут и шьют одежду, нянчат и воспитывают детей. Спросите у этих людей, откуда они пришли, где они родились – они этого не знают. Их одежда состоит из льняной туники и накидки из крысиной кожи. Они меняют одежду только когда она уже сгнила от пота. Шлем или шапка, сдвинутая на затылок, и обмотки из козьей кожи на ногах дополняют одеяние гуннов. Бесформенная обувь не дает им возможности ходить, поэтому они неспособны сражаться в пешем строю, зато в седле, будто сросшиеся со своими небольшими уродливыми лошадьми, – это неутомимые и быстрые, как молния, всадники. Они проводят на лошади свою жизнь – то верхом, то сидя, свесив ноги в одну сторону, на женский манер. На лошадях они проводят свои собрания, покупают и продают товары, едят и пьют и даже спят, склонившись на шею животного. В сражении они запугивают противника жуткими воплями. Встретив сопротивление, они рассеиваются в стороны, но тут же вновь возвращаются с невероятной быстротой, круша все на своем пути. Однако они не умеют закрепляться или осаждают укрепленный лагерь. Но ничто не сравнится с ловкостью, с какой они посылают на большое расстояние свои стрелы с острыми костяными наконечниками, твердыми и смертоносными, как железо».

Аполлинер, который объясняет физический облик гуннов намеренной деформацией тела в детстве, с таким же страхом пишет об этих «брахицефалах» с плоским носом («бесформенный плоский выступ на лице»), с выступающими скулами, глубоко сидящими глазами («из глазниц, как из пещеры, их острый взгляд охватывает далекие пространства»). Это орлиный взгляд кочевника, привыкшего обозревать огромную территорию, различать стада оленей и ланей или диких коней на самом горизонте степи. А вот портрет вечного степного всадника, написанный тем же автором: «Пеший гунн – роста, ниже среднего, а верхом на коне он огромен».

Интересно сравнить этот портрет с описанием хуннов, которое оставили китайские историки: и физический тип, и нравы – все сходится. Такой же портрет монголов XIII в. дают и китайские, и христианские авторы. Гунн, тюрк или монгол, степняк, брахицефал с большой головой, мощным торсом, короткими ногами, «вечный всадник», «верховой лучник» Верхней Азии, живущий по соседству с культурой и цивилизацией, почти не изменился за пятнадцать столетий набегов на оседлые государства.

Большинство востоковедов считают гуннов тюрками, поскольку эти народы восходят к одной языковой группе. Кроме того, раскопки в Венгрии показали, что речь идет о народе с сильно выраженной брахицефальностью. Наконец, когда гунны окончательно сошли с исторической арены, их место заняли племена, которые, несомненно, являлись прототюрками, их наследниками.

Итак, отношения между пришельцами – гуннами и редким коренным населением Западной Сибири, видимо, повели не к конфликтам, а, скорее, наоборот – к углублению контактов и установлению политических союзов. Это видно из того, что много лет спустя племена булгар и сабир носят приставку – «гунно». Причислять себя к гуннам в VI в. было почетно.

Зато по-иному восприняли эти изменения аланы.

Известно, что гунно-аланская война началась в 360 г. и закончилась победой гуннов в 370 г. И это несмотря на то, что аланы были гораздо сильнее гуннов. Подобно юэчжам и парфянам они применяли сарматскую тактику ближнего боя. Всадники в чешуйчатой броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к шее коня, так что в их удар вкладывалась вся сила движения коня и всадника, бросались в атаку и сокрушали даже римские легионы – лучшую пехоту III в.

За спиной у алан было громадное Готское царство, созданное Германарихом из рода Аманов. Оно простиралось от берегов Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона. Остготы стояли во главе державы; вестготы, гепиды, язиги, часть вандалов, оставшаяся в Дакии, тайфалы, карпы, герулы, их южные соседи – скиры и северные – росомоны, венеды, морденс (мордва) и другие были их подданными. Готам принадлежали степной Крым, Черноморское побережье Северного Кавказа. При этом они были надежными союзниками алан. Так что последние считали, что их тыл обеспечен. Наконец, у алан имелись крепости. Гунны же брать крепости не умели. Так почему же гунны победили и алан, и готов, чего не смогли сделать ни римляне, ни персы? Потому что, когда в 360 г. началась война с гото-аланским союзом, поддержанным Византией, у гуннов уже было много сторонников, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды.

Очевидно, здесь следует вспомнить понятие «симбиоз», введенное в научный обиход Л. Гумилевым: «... близкое сосуществование двух и более этносов, причем каждый из которых имеет свою экологическую нишу» (в отличие от «химеры» – чисто хищнического сосуществования этносов в одной экологической нише). Так что именно симбиозом можно объяснить победу гуннов.

Дальнейшее повествование требует исторической справки на готов, остготов, вестготов.

Готы – германские племена, вторгшиеся в Западную Римскую империю. Выходцы из Прибалтийских земель, к III в. они переселились на северное побережье Черного моря и в низовья Дуная. Здесь они смешались с местными племенами, в основном скифо-сарматскими.

Восточная группа племен, населявших Причерноморье, известна под именем остготы.

Остготы вступили в союз с гуннами и в V в. основали свое королевство в Италии во главе с Теодорихом.

Вестготы – западная ветвь готов. В начале V в. вторглись в Италию, в 411 г. разбили Рим. В 418 г. основали в Южной Галии раннефеодальное Тулузское королевство. В V в. захватили большую часть Пиринейского полуострова. Их государство было завоевано арабами в 714 г.

В Испании королевство вестготов пало в 711 г. под напором мусульман.

Итак, к 370 г. стало ясно, что аланы войну с гуннами проиграли, но до полного разгрома и покорения ими аланов было далеко. Мобильные конные отряды гуннов контролировали степи Северного Кавказа от Каспийского моря до Азовского. Но предгорные крепости аланов взяты не были, не была захвачена и пойма Дона, что вообще было не под силу кочевникам. Гунны не пытались форсировать низовья Дона. Они нашли иной путь.

Согласно исторической хронике Иордана, в 371 г. гуннские всадники увидели на Таманском полуострове пасущуюся самку оленя и погнались за нею. Притиснутая к берегу моря олениха вошла в воду и, «то ступая вперед, то приостанавливаясь», перешла в Крым. Охотники последовали за ней и установили место подводной отмели, по которой шел брод. Они вызвали сюда своих соратников, перешли пролив и «подобные урагану племен... захватили врасплох племена, сидевшие на побережье этой самой Скифии», т. е. Северного Крыма. Дальнейшее легко представить. Гунны прошли через степи до Перекопа и вышли в тыл готов, которые, будучи союзниками аланов, сосредоточили свои войска на Дону, обороняя его высокий правый берег от возможного вторжения гуннов. Гуннам никто не мог помешать развернуться на равнине Приазовья.

Автор V в. Евнапий писал: «Побежденные скифы (готы) были истреблены гуннами, и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство».

В отличие от гуннов, держава готов была построена на принципе силы, без принятия обычаев других племен (пример «химеры») и без симпатии ко всем, за исключением римлян; гунны же искали не врагов, а друзей, и все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт.

Держава короля готов Германариха, представлявшая собой не союз племен, а «лоскутную империю», была покорена, и их престарелый король, потерпев поражение, от отчаяния покончил с собой.

Винитарий, преемник Германариха, также был побежден и убит. Большая часть остготов подчинилась владычеству гуннов, а вестготы, отступая под натиском гуннов, перешли через Дунай и вступили в Римскую империю (376 г.). Кубанские и терекские аланы также большей частью покорились на какое-то время гуннам и остались на месте, где позже обратились в христианство византийского толка (IX в.) и сформировали народность сегодняшних осетин. Другие аланы ушли на запад и вместе с западными германцами участвовали в «великих походах»; некоторые обосновались в Галлии, в нижнем течении Луары, другие ушли в Испанию, смешались с свевами в Галиции или вместе с вестготами сформировали смешанное население, которое, как предполагают, дало части этой страны название «гот-алан», или Каталония (?).

Итак, гунны привнесли новую модель социальной и политической организации (или, по крайней мере, ее элементы). Истоки этой модели – мир степей Евразии со своими традиционными контактами с иранским среднеазиатским миром и с Китаем. Хотя она очень скоро начала трансформироваться, включив в себя отдельные элементы европейского происхождения (например, римских секретарей-нотариев для переписки с западным императором), суть происходившего от этого мало изменилась. За формировавшимся европейским «социально-политическим фасадом» стояло совершенно иное отношение к власти – иное по сравнению с распространенными в мире европейских варваров представлениями.

По причине чрезвычайного характера гуннского вторжения и в результате последовавших за ним передвижений народов и племен, к началу V в. в Центральной и Восточной Европе складывается чрезвычайно сложная ситуация. До сих пор в течение уже достаточно долгого времени в этом регионе находились группы населения, уже давно если и не имевшие тесные контакты друг с другом, то, по крайней мере, обладавшие информацией друг о друге. При этом они могли принадлежать к различным этнокультурным «мирам» (например, дако-фракийскому, восточногерманскому, средиземноморскому, ирано-сарматскому). Однако, во-первых, во всех этих мирах превалировали общие для них индоевропейские традиции, и, во-вторых, каждый из этих миров уже накопил опыт общения с окружающими его соседями. Хотя в результате переселения приходили в соприкосновение народы, ранее не знакомые друг с другом, тем не менее выработанные прежде образы «соседа» и старые приемы общения с успехом могли быть использованы (так, греки не без основания составляли свое суждение о готах

III в., в частности, по бастарнам и западным германцам). В начале же V в. н. э. в Центральной и на юге Восточной Европы ситуация принципиально меняется: в ткань уже достаточно спаянного и значительно «гомогенизированного» средиземноморско-варварского (в основном греко-романо-германского) мира вклиниваются в качестве господствующих элементы совершенно чуждого, до сих пор не ведомого Европе мира азиатских неиндоевропейских (прото-тюркских? проенисейских?) кочевников – гуннов. В результате неожиданного и чрезвычайно интенсивного столкновения германского мира с чуждым миром европейских гуннов произошло внезапное включение в ткань германских политико-идеологических структур чуждого образа гуннского властителя.

Контакты между этими мирами сразу же оказываются настолько интенсивными, что на «осторожное» знакомство времени не хватает. Иначе говоря, в общение друг с другом вошли практически не готовые к взаимопониманию «собеседники».

Аттила – «Маленький отец народов» или «Бич Божий»?

Система организации власти у гуннов существенно отличалась от схем, привычных для европейских варваров. Управление у гуннов было, судя по всему, организовано не столько личным примером или контролем со стороны вождя-воина (как у римского императора или германского короля), сколько через посредство узкого круга приближенных к правителю лиц. Эти лица были организованы в какое-то подобие бюрократического аппарата и формально выполняли лишь хозяйственные задачи по организации быта властителя.

Вполне вероятно, в начале такая форма осуществления власти не вызывала у воинственной германской знати ничего, кроме презрения – презрения к трусости (т. е. невоинственности). Но в последней четверти IV в. последовали неожиданные и труднообъяснимые для традиционного германского сознания события – разгром готов Германариха и установление всевластия гуннских владык. Германская знать была поставлена перед необходимостью пересмотреть свое отношение к гуннской системе власти, тем более что вскоре многие германские вожди вошли в состав элиты нового политического образования – остгот Валамир, гепид Ардарих. К тому же это новое политическое образование оказалось способным не только подчинить практически все германские народы за пределами Римской империи, но и обложить данью обе части империи – Западную и Восточную. Новая жизнь создала новые вкусы, и новые ценности постепенно вошли в германскую политическую культуру.

К началу четырехсотых годов покорность аланов, остготов и исход вестготов сделали гуннов хозяевами всей зоны равнин от Урала до Карпат. Гунны, преодолев карпатские перевалы и пройдя по Валахской равнине, оккупировали Венгерскую равнину, где сделали своими подданными гепидов и вышли на правый берег Дуная.

Очевидно, в это время гунны разделились на три орды во главе с тремя предводителями, тремя братьями – Роасом, Октаром и Мундзуком. Три брата стали повелителями гуннов и правили с 425 по 434 г. В этом окружении и вырос один из величайших вождей всех времен и народов – Аттила (ок. 395–453 гг.), король гуннов.

Сотворение мифа об Аттиле началось еще в древности, с успехом продолжилось в Средние века и, похоже, не завершилось по сей день, с той лишь разницей, что современное мифотворчество выступает в виде гипотез, с большей или меньшей основательностью претендующих на научность. Исторический же Аттила малоизвестен читателям, хотя о нем и дошло до наших дней больше свидетельств современников, чем о многих исторических персонажах той эпохи.

Итак, родился Аттила где-то в долине Дуная примерно в 395 г. Будучи сыном вождя Мундзука, Аттила знал своих предков на тридцать поколений. Именно его род сохранял целостность родословной основной орды и явно тюркские черты.

Научившись ездить верхом сначала на овце, Аттила затем освоил верховую езду в совершенстве и виртуозно владел луком, пикой, арканом, мечом и кнутом – традиционным оружием своего народа, обязательным для высокородных юношей. Свою гордыню и силу он частенько выставлял напоказ, затевая рискованные охотничьи вылазки, где ловил волков и медведей сетями, а после выпускал им кишки в рукопашной, вооружившись одним лишь коротким кинжалом.

Смерть отца, вождя Мундзука, до срока оборвала крепкие узы и добрые отношения с сыном, когда тот был еще отроком. Впоследствии Аттиле довелось пострадать от злобных милостей собственных дядюшек, а особенно – наследника престола по имени Роас.

Главная ставка гуннских вождей в начале V в. находилась в степях Причерноморья. Туда направлялись византийские посольства до 412 г. Однако переселение гуннов на берега Дуная

шло неуклонно: венгерская пушта (степь) напоминала им заволжскую родину, которую к V в. гунны покинули.

Из трех братьев Роас был самым хитрым и осторожным правителем. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже давал империи свои войска для подавления багаудов в Галлии.

Поскольку война была средством существования гуннов, они сражались постоянно, как за себя, так и за тех, кто пожелал их нанять. В первом случае надо было награть как можно больше, во втором – продаться как можно дороже. Для этих наемников политические предпочтения не играли никакой роли. Кочевая жизнь не способствовала ни развитию сельского хозяйства, ни освоению ремесел. Грабеж, наемничество были их единственными источниками дохода и любимыми занятиями, которые они всегда старались совмещать.

Открыто выступив против решения Роаса отдать орду на службу чужеземцам, которых гунны, по мнению Атиллы, могли бы без труда разгромить, Атиллы тем самым изменил свою юношескую биографию.

Дабы убраться с глаз долой Атиллу, Роас направил его в качестве заложника в Рим, ко двору Гонория. В обмен же, во исполнение уговора, римляне отправили в улус Роаса юношу по имени Аэций. Роас старался поддерживать максимально корректные отношения с Гонорием, императором Западной Римской империи. Искусно воздействуя из Рима на другие нации, империя прибегала к практике обмена малолетними заложниками, чтобы усилить контроль над странами, которые она хотела завлечь в неволю. Проще говоря, империя отправляла одного из своих подданных к чужакам, а те в ответ посылали одного из своих знатных отроков, дабы тот жил и учился в Риме при дворе императора.

Этот хитроумный подход являет собой мастерский образчик искусства диверсионно-подрывной дипломатии. Юные шпионы империи внедрялись в страны, удостоенные сей чести, на высших уровнях их иерархии. Стоило молодому римлянину оказаться при дворе чужой державы, как он начинал слать в империю донесения с жизненно важной для политики и войны информацией, одновременно на собственном опыте постигая обычаи, этикет и традиции хозяев. Эта двоякая стратегия заодно давала империи возможность перекроить заложников, посланных к ее двору, на свой лад. Приучение их к роскоши помогало влиять на политику и культуру менее цивилизованных наций, когда повзрослевшие заложники возвращались в родные края.

Одним словом, Роас с радостью ухватился за возможность воспользоваться римской практикой, чтобы сбыть с рук молодого смутьяна. Роас считал, что имперская выучка наверняка обуздает бешеный нрав Атиллы, сделав его более покладистым членом царской династии гуннов.

При дворе Гонория Атиллы увидел роскошь, разврат, пороки и интриги. С ним обходились как с юным принцем, каким он в сущности и был и каким его воспринимали эти «римляне», все больше полагающиеся на «суверенных» варваров в деле защиты и укрепления столь ответственной империи.

Атиллы отвергал роскошные наряды, пышные прически, изысканные блюда и благоухающее жилище, полагающиеся ему как заложнику, хотя его неискушенных со товарищей все это весьма привлекало; Атиллы безуспешно пытался воспылнить их дух, дабы те воспротивились подобным пропагандистским искушениям. Не сумев однажды бежать, Атиллы перешел к пассивному сопротивлению, решив приспособиться к обстановке и вынести из этого полезное. При римском дворе он присматривался и прислушивался. И с каждым днем все больше проникался решимостью избавить мир от влияния римлян, этих загадочных христиан. Постигание внутренней и внешней политики империи давалось Атилле необычайно легко. Он изучил принцип организации римской армии, оружие, боевые порядки, выяснил, что достойного военного флота у римлян уже нет. Все это время он приглядывал за заезжими послами, вникая

в хитросплетение интриг империи, тем самым постигая искусство политики и дипломатии. Жизнь при римском дворе давалась Аттиле крайне тяжело: тоска по соплеменникам, по родне, жажда избавить гуннов от службы чужестранцам, которых они могут разгромить без труда, стоит им только объединиться.

Азиатская добродетель долготерпения на славу послужила отроку, отправленному заложником ко двору Гонория. Он нашел опору в стоицизме и непоколебимой уверенности. Он постиг, что куда важнее достичь конечной цели, нежели понукать события, чтобы они разыгрались до срока. И посему вознамерился развить личные способности, сулившие ему успех, когда он всерьез вознамерится взойти на престол царства гуннов. Именно в Риме Аттила замыслил стратегию покорения вселенной, дотошно разработав ее во всех деталях: чрезвычайно четкий план ничуть не походил на проект невежественного кочевника.

По возвращении на родину Аттила не ринулся очертя голову захватывать трон. Тщательно спланировав каждый шаг, он терпеливо ждал, понимая, что его познания правителя и умение повелевать должны сперва созреть, как бы не жгла его жажда взять бразды правления.

Роас поручает ему объезд соседних дунайских племен, с целью внушения другим гуннским вождям, что Роас среди них – самый главный. Следовало уважать «независимость» вождей, но при этом убедить их признать Роаса и его преемников – а значит, и самого Аттилу – верховным вождем, кем-то вроде императора. То маня пряником, то грозя кнутом, рассыпая подарки вперемежку с угрозами, понимая, что, работая на Роаса, он работает на самого себя, Аттила блестяще справился с поручением, о чем стало известно обоим императорам и Аэцию, с которым у Аттилы сложились относительно дружеские отношения.

По свидетельству современников, Аттила знал греческий и латинский, причем греческим языком владел лучше. Это позволило ему стать естественным посредником дяди во всех переговорах с Западной и Восточной империями. К тому же он располагал и личными связями. Теперь Аттила причастен к власти, которую уже можно назвать имперской.

Политика Аттилы определилась быстро: на западе относиться лояльно к империи, пока Аэций будет там заметной фигурой, на востоке – по мере возможности запугивать глуповатого императора Феодосия II, расстраивать его примитивные козни и пользоваться его бездарностью и слабостью.

В 423 г., после смерти императора Западной Римской империи Гонория, Аэций попросил у Роаса войска для поддержки Иоанна Узурпатора. Аттила посодействовал в этом вопросе, и просьба была удовлетворена. Большинство историков сходятся во мнении, что предоставленная армия гуннов и их союзников насчитывала от пятидесяти до шестидесяти тысяч воинов. Одним словом, Аттила не только вышел на международную арену, но и прошел серьезную школу, предшествовавшую созданию империи гуннов.

Когда же момент настал, Аттила взял власть в свои руки: он был уже готов во всеоружии встретить любую проблему и сопротивление, подстерегавшие его как короля. Обескуражить или заставить свернуть его с полпути было попросту невозможно. Он был готов идти на риск, готов сплотить гуннов, дабы те в едином порыве взойшли к вершинам. Ни на йоту не растратив своего несокрушимого упорства и жажды занять престол, он наконец-то добился своего. Час пробил! В 434 г. умер Роас, и власть перешла к Аттиле и его брату Бледе.

Бледа получил в наследство большую часть земли гуннов. Аттила же, любя войну, страстно желал объединить под своей властью всех гуннов и собрать воедино все народы, подчиненные им, для покорения мира. Свое восхождение к власти Аттила начал с укрепления связей с племенными вождями. Изрядная часть этих знакомств налаживалась благодаря многочисленным вылазкам Аттилы на охоту по гуннским территориям. Преданность этих вождей он завоевывал, взывая к их чувствам – будя воинские инстинкты и дразня аппетиты доступной славой и легкой, богатой добычей.

Образ жизни гуннов складывался в условиях вечной неопределенности, дух их воспламенялся сражением, добычей или кочевкой на новое место. На самом деле рамки поведения им задавала только природа и прихоти судьбы, а высокий дух проистекал из неизменно воинственного настроения. Атилге, как царю гуннов, требовалось насадить новые принципы морали и дисциплины, способные сплотить варварские племена и сами по себе и между собой. Мир в стойбищах принесет лишь новообретенное националистическое сознание. Задача Атилге предстояла не из легких!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.